

В. МУСИНСКИЙ

В. БУРКОВ

Т. ПРОКОПЬЕВА

С. ПЕРВЫШИН

В. БЕЛОВ

А. КАРМАНОВ

И. ГЛОТОВ

П. ДАВИДОВА

М. КОРЮКИНА

Е. АРТАШЕВА

А. ВОЛЯГИН

ЗНАТНЫЕ ЛЮДИ СЕВЕРА

1150349

ОГИЗ-СЕВКРАЙГИЗ 1936

„Сегодня стахановцев еще мало, но кто может сомневаться, что завтра их будет вдесятеро больше? Разве не ясно, что стахановцы являются новаторами в нашей промышленности, что стахановское движение представляет будущность нашей индустрии, что оно содержит в себе зерно будущего культурно-технического подъема рабочего класса, что оно открывает нам тот путь, на котором только и можно добиться тех высших показателей производительности труда, которые необходимы для перехода от социализма к коммунизму и уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим“.

**(Из речи И. В. СТАЛИНА
на Всесоюзном совещании
стахановцев 17—XI 1935 г.)**

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует
7	2 сверху	„большой“	„большое“
14	3 „	орчали	ворчали
	5 снизу	накопег	наконец
68	1 „	Орденом	орденом
69	10 сверху	отмечны	отмечены
105	4 „	сердца	сердце
117	9 „	Елисеев	Евсеев
129	1 снизу	омощник	помощник

К книге „Знатные люди Севера“

63.3(2)

3-74

ЗНАТНЫЕ ЛЮДИ СЕВЕРА

Севкрайгиз — 1936 — Архангельск

Под редакцией: Н. Д. Попова, К. И. Конищева, А. И. Шинева.

Книга составлена из очерков, написанных северными писателями, о стахановцах — знатных людях Северного края.

Эти люди работают в лесной промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве, в науке и проч., везде являясь подлинными новаторами в организации труда.

Молодые писатели в художественных очерках рассказывают о жизни и работе наших знатных людей.

К. КОНИЧЕВ

СТАХАНОВЕЦ МУСИНСКИЙ

Василий Степанович Мусинский
награжден орденом Ленина.

Деревня Большое Ведерниково напрасно называется „большой“. Всего-на-все там два десятка домов. Близость реки Сухоны и лесных делянок отвлекала местных большеведерниковских крестьян от основного их занятия — хлебопашества. Зимой взрослое население выходило на лесозаготовки, весной — на сплав.

Васе Мусинскому было семь лет, когда отца его отправили на германский фронт. С этого и начинается безрадостная юность Васи Мусинского.

И наверняка,— не будь революции, не будь советской власти,— биография Мусинского Василия Степановича была бы нудной, бесцветной, как у многих тысяч дореволюционных русских мужиков, которые всю жизнь провели в захолустье, ничего не видели и ничего не читали. Весь кругозор „грамотеев“, окружавших в детстве Мусинского, определялся тремя „настолярными книгами“: „оброчной“— по ней платили подати царю; „молочной“— по ней от единственной коровенки сдавали молоко кулаку в маслоделку, и „поминальник“— для поминовения „усопших рабов божьих“

от десятого колена до „новопреставленных“ младенцев, которые в царской России рождались больше для того, чтобы „преставляться“ на тот свет.

К счастью, Вася Мусинский вырастал коренастым здоровяком. Летом, работая в поле и на покосе, Вася загорал на солнце, а зимой с малых лет на вывозке леса закалялся на морозе.

Он поступил в церковноприходскую школу, где вся премудрость науки заключалась в букваре и часослове, но на второй же год обучения нужда заставила его бросить школу.

— Ты уже большой,— говорила ему мать,— тебе девятый год. Можешь лошадью повозничать...

И, пока отец воевал с немцами, Вася хозяйничал у себя в доме под наблюдением своей матери Ульяны.

Возвращение отца не принесло большой радости: он пришел изувеченным „воином“.

Но вот Вася подрос и стал подумывать о том, как бы выглянуть из Большого Ведерникова подальше: за околицу, попасть бы в город на отхожие заработки. Он боялся оставить отца-инвалида и мать с детьми на произвол судьбы. Как-никак, а его считают „большаком“, опорой в доме.

Сильно горевал Василий Мусинский в ту осень, когда молодежь рождения 1907 года пошла на призыв, а он по семейным обстоятельствам был вынужден воспользоваться льготой, освободившей его от призыва в Красную армию.

Подрастали малолетки: два брата и сестра Васи Мусинского.

Отец его в тридцатом году навсегда перекочевал на погост.

*

В деревне Большом Ведерникове организовался колхоз „Красный Броневи́к“.

При обобществлении имущества Василий Степанович предлагал колхозу взять его единственную престарелую лошадь — сверстницу ему, Василию Мусинскому.

— Куда нам такую старбень? — говорил председатель колхоза, категорически отказываясь от лошади. — К работе она будет не способна, а при вывозке леса ее будут считать за нами, как настоящую лошадиную силу.

— Вот те и на! А куда же мне ее девать? — спрашивал Мусинский и в то же время жалел лошадь: — Худ конь, это верно, однако двадцать пять лет он хозяйство поддерживал.

— Куда хочешь, туда и девай, — отмахивался председатель колхоза... — Продай кому-либо! Для колхоза твой конь не корысть.

Повел Василий Степанович своего Серка в Великий-Устюг на продажу. Ведет и нето с конем, нето сам с собой разговаривает.

— Эх, Серко ты, Серко, чортова кукла! Прожил свой лошадиный век, — ни хозяину, ни колхозу ты стал не нужен...

В Устюге барышники-менялы заглядывали лошади в рот и отмахивались молча: „Куда, мол, ты с таким барахлом лезешь?“

Все же нашелся „добрый“ человек, и приобрел он у Василия лошадь за восемнадцать рублей. Хотел на эти деньги Мусинский купить килограмм сахара и папирос маленько, да раздумал: „Кто знает?.. Пригодятся деньги на дорогу. Думно в город на заработки ехать..“

Живет пока Василий Степанович в колхозе, живет день, другой. Слухи пошли, что по сельсовету вербовщики из Архангельска ходят. „Авось, не обойдут они Большое Ведерниково. А завербуют, так хоть дорогу обеспечат до города“.

Только вдруг, вместо вербовщиков, к дому Василия Степановича, по старой крепкой памяти, вернулся Серко.

Лошадь подняла голову и жалобно заржала, объявив о своем возвращении.

— Вот это да! — удивился Мусинский, глядя в окно своей хижины.

Василий вышел на улицу, потрепал Серка за холку.

— Ну, что ж, не жилось тебе у нового владельца — в сельсовет отведу.

А в сельсовете сказали:

— Корму у нас нет для таких лошадей...

Так и пришлось вести Василию Степановичу своего неразлучного Серка обратно к себе на двор, да на его счастье попал навстречу бедняк-единоличник — Петруша Каморников. Тот век мечтал с конем пожить и охотно согласился принять у Мусинского лошадь в подарок.

Петруша Каморников на этой лошади еще вспа-

хал под зябь свои полосы и... расстался с ней навсегда.

Закончив полевые работы в колхозе, Василий Степанович вместе с другими колхозниками-отходниками поехал впервые в Архангельск. Было это в 1931 году.

Вначале город произвел на него удручающее впечатление. Мусинский шел позади других сезонников, кряхтел от тяжести двухпудовой „кошелки“, нагруженной сухарями и разными домашними припасами. Он шел и поглядывал на студеную Двину с множеством пароходов, на трамваи, на большие дома, на новостройки. Глядел и думал: быть бы ему плотником или печником,—наверно работу нашел бы выгодную на первой новостройке, а тут придется работать неизвестно где и делать неизвестно что.

Временно поселили устюжских отходников в помещении закрытой церкви. Ничего там, кроме жестких и неуютных нар, не было. Документы Мусинского унесли куда-то для оформления. Сам он вместе с соседями пошел по указанию вербовщиков в баню. Одежду сдавали в дезинфекцию. И только после дезинфекции их провезли на трамвае вдоль незнакомого Архангельска до Кузнечихи, а затем — через всю Соломбалу и Маймаксу почти на самое взморье, на лесобиржу „Экономия“. Десятник сказал:

— Работа, ребятки, нетрудная — окорка баланса на экспорт...

Деревенский колхозный народ работы не боится. Лодырей среди устюжан не было. Все трудились честно. И заработки были неплохие.

Коренастый крепыш Мусинский не любил тратить времени на разговоры. Никто и ничем не смог отвлечь его от упорной работы.

— Вон как у нас молодоженец старается! — подшучивали над Мусинским соседи.

Мусинский не обращал на них внимания, и когда работал, то совершенно забывал о своей семье, оставленной в колхозе „Красный Броневи́к“. Да и чего особенно о ней беспокоиться? Мать в силах, сестра подрастает, а жена-молодуха Шура — кровь с молоком, чорта своротит... И Мусинский работал спокойно и по-ударному прилежно.

Прошло не больше месяца работы на окорочной бирже,— его награждают почетной грамотой ударника и премируют верхней одеждой и парой кожаной обуви.

— Братцы, товарищи, да за что это мне? Я ведь, кажется, как и другие. Спасибо...

Однако подарки-премии не прельстили деревенского отходника Мусинского, он был доволен премией, но работа на окорке его не удовлетворяла.

За лесобиржей дымили маймаксанские лесозаводы.

Вот бы туда попасть! Да... специальность бы какую получить. А то, что окорочник? Ни рыба, ни мясо. Ни крестьянин, ни рабочий...

И Василий все больше задумывался о рабочей профессии.

*

В том году на берегу Кузнечихи возле деревни Талага достраивался крупнейший в СССР двадцатичетырехрамный лесозавод имени Молотова.

На месте нового завода когда-то был пустырь, каждую весну заливаемый половодьем. В каких-нибудь два года на пустыре вырос завод невиданных размеров: два громадных корпуса — по двенадцать лесопильных рам в каждом, сортировочные площадки, мощная силовая электростанция, каналы, экскаваторы, огромные катища леса, железная дорога, автовозы и автомобили — один за другим по широким мостовым завода и рабочего поселка; клуб, кино, школы в плоть до комвуза.

Слава об этом заводе летела далеко.

— Вот где жить и работать! — мечтали о нем многие сезонники.

Мечтал о нем и Василий Мусинский, пришел и он в управление нового лесозавода. Как сезонника без специальности, его определили на очистку заводского двора.

— Дали нам работу, — рассказывает Мусинский, — такую, что хочешь делай, хочешь нет — никакого контроля. Соберемся, бывало, покурим, поработаем кое-как и опять покурим. Некому было зажечь нас. А заработок у нас был восемьдесят рублей всего-на-все. Так, вижу, дело не пойдет. Попросил я заводууправление перевести меня в амбарный цех. Перевели, вершинным пильщиком поставили. Дело нетрудное: тележку закреплять. А работка все же такая, что на шаг не отойдешь. Втягиваюсь. Хочу больше зарабатывать. В комлевые пильщики мечу. Производительность была низкая. Завод давал большой брак и убыток. Частенько случались простои. Остановится, бы-

вало, рама,—я к ней: отчего да почему,—спрашиваю,— что и как называется, к чему отношение имеет? Старика на меня орчали иногда: „Вишь он, из молодых, да ранний все выпытывает...“

Желание иметь квалификацию и постигнуть все премудрости комлевого пильщика все больше овладевало Мусинским. Рамщики с кичливой усмешкой иногда подтрунивали над его любопытством.

— Не комлевым ли быть захотел? Это, брат дело нелегкое. Мы вот, прежде чем достучаться до такой должности, лет по пяти рейки на биржу отвозили, да по столько же вершинными пильщиками отстояли. Потаскай сначала тележку на вершине, а потом и на комелек сядешь. Не сразу, браток, это дается.

А между собой про Мусинского говорили иначе.

— Пожалуй, этот скоро рамщиком станет.

Умение возиться с бревнами выработалось у Мусинского с детства. Еще малышом он бывало обыкновенным аншпугом* ловко взваливал на дровни и подсанки тяжелые обледенелые, занесенные снегом бревна. А тут, на заводе, ему казалось нетрудным делом при помощи механизмов сваливать, закреплять и посылать в раму лес.

Наконец его допустили для пробы к комлевой тележке.

— Смотри, браку не наделай!— предупреждал рамщик.

* Аншпуг — кол для навалки бревен.

Мусинский смело стал за тележку, отвел ее от рамы и, поровнявшись с комлем очередного бревна, остановил ее. Уверенно дернул за веревку самосвала. Бревно скатилось так же ровно и с таким же легким шумом, как у опытного рамщика. Глянул на метик бревна, поглядел, нет ли кривизны или других каких изъянов, закрепил бревно на тележке, нажал ногою педаль и плавно по рельсам направил ствол дерева в раму. С визгом врезались пилы, раздирая бревно на доски. Мусинский внешне казался спокоен, но сердце его ходило не хуже рамы.

— Так. Кажется, ладно,— успокаивал он себя, когда бревно прошло сквозь раму.

— Ну, валяй другое!— крикнул ему рамщик, а сам сел на брус и подумал: „У Мусинского дело из рук не вывалится. Придется мне с этим вершинным пильщиком расстаться. Из него рамщик будет не хуже меня“..

*

1933 год. Лесозавод имени Молотова— в прорыве В Архангельске — городская партийная конференция.

Делегация коммунистов молотовского завода организовано входит на конференцию. Ищет свои места по надписям на рядах. Первые от сцены ряды занимают делегаты передовых архангельских лесозаводов. Молотовцы с трудом разыскивают места в задних рядах, в темном углу, под галеркой.

Вся заводская делегация уязвлена.

— До чего мы дошли!— ворчит секретарь парткома Суханов.

— Честь какая!— начал отшучиваться кто-то:— первые от заду...

Мусинский, хотя и кандидат партии, тоже был делегатом, как передовой пильщик, и с болью переживал незавидное положение своего коллектива. Он молча, угрюмо сел на первый попавшийся стул.

Говорил секретарь крайкома партии Владимир Иванович Иванов. Когда упомянул о молотовцах, он сделал вид, будто ищет их:

— Где же они?— спросил он.— Не там ли, под галеркой?

Крепко досталось молотовцам. Многое передумал Суханов да и каждый из молотовцев. По-своему воспринимал Владимира Ивановича молодой кандидат Мусинский. Ему казалось, что били прямо по нем, когда говорили о роли передовых на заводе, о их обязанности подтягивать отстающих. Он ловил каждое слово, когда Владимир Иванович говорил о роли комлевого пильщика на заводе, о том, что пильщик должен стать квалифицированным рамщиком и до тонкости знать свой агрегат.

„Конечно,— думал Мусинский,— хорошо бы знать, как пилы поставить в раму, знать бы, какая пила лучше, чтобы самому выбрать и, в случае порчи или смены поставов, не ждать пилостава, а самому сделать... Простоев меньше было бы...“

И на конференции и после нее, когда он возвращался на завод, мысль эта не выходила у него из головы.

*

Суханов знает людей на своем заводе, умеет под-

ходить к ним. И он остановил своё внимание прежде всего на бригаде Мусинского.

— Этим человеком надо заняться,— решает он.— Надо сделать его бригаду показательной и по ней ровнять другие.

Он вызывает начальника завода № 17, инженера-партийца Бесперстова, договаривается с ним. Затем вызывает Мусинского.

— Как работается, товарищ Мусинский?— спрашивает он.

— Надо бы лучше, да вот не знаю как,— скороговоркой отвечает тот.

— А что?

— Здесь вот еще нехватает кое-чего, — признается Мусинский, хлопнув себя по лбу.

— Знаний маловато? А как временем располагаешь?

— Некуда девать, товарищ Суханов.

— Вот счастливый человек!— улыбаясь, восклицает секретарь.— Да ты садись! Чего тут навтыяжку стоять?

Мусинский садится и, спохватившись, торопливо снимает с головы шапку-кубанку. С шапки летят на стол опилки. Секретарь, смахивая их, спрашивает:

— А стал бы учиться, если бы мы прикрепили к тебе инженера Бесперстова?

Мусинский недоверчиво, комкая в руках шапку, посмотрел на секретаря. Суханов снял телефонную трубку и вызвал директора завода.

— Товарищ Леготин!— заговорил он в трубку.

Я говорил с Бесперстовым и Мусинским. Надо выкроить время Бесперстову для занятий с Мусинским технической учебой... Да, да, оба согласны. Не возражаешь? К тебе чтобы зашли? Хорошо...

Секретарь вешает трубку.

— Теперь, товарищ Мусинский, разыщи Бесперстова и вместе с ним ступай к Леготину. Будешь изучать технику...

Мусинский спускается с лестницы, не чувствуя под собою ног.

Об учебе без отрыва от производства Мусинский даже и не мечтал. По-мужицки он понимал, что до всего надо доходить своим умом, не надеясь на чью-либо помощь. Поэтому, не веря такому счастливому случаю, Василий Степанович сначала думал, что учеба у инженера, да еще в индивидуальном порядке, наверняка сорвется. Тем не менее, он охотно и аккуратно стал посещать кабинет инженера Бесперстова.

Не имевшему в прошлом сколько-нибудь серьезного образования, ему казались на первых порах непостижимыми очень многие понятия техники. Особенно трудно ему давалось интересовавшее его пилоставное дело: правка пил, профиль, высота, шаг и устойчивость зуба, законы посылки и многое другое. Он уже три месяца занимается с инженером Бесперстовым и чем дальше, тем больше у него возникает всякого рода вопросов и недоумений. Уже тогда он взял под сомнение теорию о 95 кубометрах распиловки как максимум на рамосмену.

„Вот, если освоить раму как следует, чтобы са-

мому, в случае необходимости, можно было заменить слесаря и пилостава, да повысить посылку леса, тогда рама может дать и больше*,—думал он.

Но об этих мыслях он не говорил тогда даже своему учителю—инженеру Бесперстову.

*

Слушая доклад директора о прорывах на заводе, Мусинский сопоставлял в голове цифры:

„В 1931 году по заводу распиливалось ежедневно 55 кубометров на рамосмену... В 1932 году—57 кубометров“.

— Да разве это шаг вперед? Курам насмех такой шаг,—говорил себе под нос Мусинский, сидя среди рабочих на собрании.

— А ты выскажись!—подталкивали его с боков рабочие.—Чего тут про себя урчать?

— Смелости у него нехватит выйти и сказать.. А еще бригадир, рамщик!—подзадоривали сзади и видели, как от волнения у Мусинского краснел стриженный затылок.

Пуще прежнего стал он стараться постигать знания техники в кабинете Бесперстова. С карандашом в руках сидел он над тетрадкой и записывал:

„Лес диаметром 28 сантиметров. Плановая посылка в раму полагается 14 миллиметров, можно допустить 18, зато уклон пилы надо дать не 8, а 10 миллиметров. При изменении посылки нельзя оставлять один и тот же уклон: производительность не увеличишь и браку не оберешься... Когда в раме пиле не прото-

ченное или с неправильным профилем зуба, тоже будет брак...”

Не только записывал, но и обдумывал все Василий Степанович, а во время работы на практике осторожно проверял свои познания и замыслы.

Технический кругозор Василия Степановича ширился. Однажды он взял за плечо пилостава Котельникова и говорит ему:

— Пойдем, товарищ Котельников, в редакцию многотиражки, заключим с тобой договор о соревновании, да возьми-ка ты на себя обязательство — практически мне помочь, обучить меня перебивке пил.

Котельников согласился.

Так Василий Мусинский нашел себе другого учителя, и, к счастью, не менее добросовестного, чем Бесперстов.

Так же попросту подошел Мусинский и к слесарю Косте, человеку не очень-то склонному передавать свои познания.

— Костя!—заговорил с ним Мусинский,— я вот не знаю, как надо поджимать лампара.

— А зачем это тебе?

— Как зачем? А вдруг тебя не окажется на месте. Значит рама должна простаивать. Нет, брат, как хочешь, обучай!—настаивал Мусинский и не отступил до тех пор, пока не достиг своего.

Вооружившись познаниями, Василий Степанович почувствовал себя хозяином рамы, и сам стал обучать других, начав со своего вершинного пильщика. Он собирался испытать свою раму на более повышенной

посылке. К этому он долго и тщательно готовился.

„Выдержит ли? Не сделать бы аварии? Не наде-
лать бы браку?— размышлял он, но какойто внутрен-
ний голос усиленно настаивал: „Попробуй, попробуй!
Раму ты знаешь, как мать родную,— не осрамит...“

Оглядевшись по сторонам, Мусинский заметил, что
контролер Петухова в спецовке, запорошенной опил-
ками, ходит далеко от его рамы. Тогда он осторожно
поставил рычаг на повышенную посылку. И весь день
на ней проработал, стараясь гнать лес в раму торце-
в-торец. Итог был неожиданным и для него и для всего
заводского коллектива:

— Мусинский перевыполнил норму, распилил 138
кубометров! Дал 145 процентов.

Инженеры и техники были поражены рекордом
Мусинского.

— Как же так? Невероятный случай...

По заводу шли собрания. Всюду говорили о Му-
синском, далеко перешагнувшем техническую норму.
Его ставили в образец всем пыльщикам и всем брига-
дирам.

Шум на собраниях и в печати бодрил Мусинского.
Но никто еще не знал, в чем секрет его успеха. Ни
один из пыльщиков на заводе не достигал даже куцой
технической нормы.

Об усиленной посылке Мусинский даже Беспер-
стову не сознался прямо, а говорил вскользь:

— Знаете, Сергей Владимирович: если увеличивать
посылку, при условии хорошего знания своей рамы,
то распилить можно и больше.

— Я думаю!— сдержанно улыбнулся инженер и добавил:— Но ведь это будет производственный риск.

*

Василий Степанович достаточно хорошо овладел рамой, и механизированная комлевая тележка ходила под ним быстро. Механический самосвал, замаскированный где-то под полom, легким движением одной левой руки рамщика, как спички, сбрасывал с траверз тяжелые тридцатидвухсантиметровые бревна на комлевую тележку.

И еще не успевало бревно выйти из рамы, как Василий Степанович на ходу закреплял очередное бревно, направляя его торец-в-торец к предыдущему.

Бригада, работавшая на потоке Мусинского, привыкшая к старым нормам, вначале не успевала справляться с продукцией, выходявшей из-под рамы Мусинского. Нерасторопный обрезчик Афоня Леня растерялся, когда увидел, что на него без конца напирают доски. Завалы на обрезке вынуждали раму Мусинского часто простаивать. Работа у Афони Леня не шла в ногу с темпами рамщика.

Афоню прорабатывали на собраниях бригады. Ругали за нерасторопность. Сменный мастер Борзых обзывал его прямо в лицо лодырем. Другие пильщики поддакивали, остря, что фамилия у Афони — бьет его не в бровь, а в глаз. Однако, чем больше его ругали, тем хуже он работал. Придет Афоня в амбарный цех, встанет к обрезному станку,— вялость, апатия, воспоминания о вчерашнем собрании, как бревном, давят его. Работа не поддается.

— Заменить надо Афоню, — предлагали Мусинскому.

— Заменить — не штука, — уклончиво говорил Василий Степанович, — надо испытать человека. Может он еще исправится. Парень здоровый, а подвижность на работе — дело наживное.

Афоня перестал ходить на собрания. Бывало, под окнами барака крикнут рабочие:

— Лень иди на собрание!..

— А ну вас к шуту! Чего я там у вас не видал? Ведь ничего, кроме ругани, не услышу.

Афоня Лень недавно пришел из деревни. Мусинский — тоже. Следовательно, найти общий язык между собой им было легко и просто. Стал Мусинский похаживать к Афоне. О деле, о поднятии производительности — ни слова. Ходил к нему Мусинский и вначале выпытывал со всей мужицкой хитрецей:

— Чем обзаводишься, Афанасий? Что покупаешь себе? — спрашивает Василий Степанович и про себя соображает: „Если он мечтает о плисовых штанах, штиблетах с калошами да думает на „пивной праздник“ в деревню завалиться, в отпуск, или вообще домой глядит, тогда нечего хлопотать вокруг Афони; по-ударному он работать не станет, изучать технику не будет, и вообще на потоке, на обрезке такой человек как бельмо на глазу“.

Но Мусинский слышит от Афони обратные утверждения: Афоня любит завод, хочет на нем остаться и работать не хуже других. Только вот люди к нему неладно относятся.

— Лодырь, говорят, а может я не лодырь? В деревне я за такое знал бы, что сделать...— с обидой говорит Лень.

Молчаливо и вдумчиво выслушивал Афоня Мусинского: ему было приятно, что в словах его бригадира не было и намека на упреки.

— Давно я хочу поговорить с тобой, Афоня, похорошему,— начал однажды Мусинский.

Афоня Лень из-под нахмуренных бровей взглянул на Василия Степановича: „Ладно, слышали!“

— Ведь ты, Афанасий, работаешь неплохо, право неплохо,— уверял Мусинский.— В 1931 году и позднее, я знаю, на твоём месте хуже работали. Но вот, если бы ты присмотрелся, как работает обрезчик в смену рамщика Зосимы Германова, да перенял бы его сноровку, у тебя бы пошло дело лучше. Ты бы любому обрезчику в нашем цехе нос утер.

— Где там мне угодить? Прорвет малость, и все равно снова ругать начнут.

Мусинский даже приподнялся.

— Вот что, Афоня: тебя лодырем окрестили, а ты возьми да и докажи им обратное. Пусть стыдно будет тому, кто тебя оскорблял. Изловчись и поработай так, чтобы доски у тебя в руках, как игрушки, вертелись. Тогда, я уверен, и мастер придет извиняться к тебе...

Не раз Мусинский ходил к Афоне, и тот всегда ожидал его с нетерпением.

Стал замечать Василий Степанович у себя на потоке, что Афоня Лень работает подвижнее. Вместо заглушенного шумом покрикивания на подручных,

перед тем как направить доску в обрезной станок, он научился действовать ручной сигнализацией, пальцами показывать широту доски. Люди на потоке работали более продуктивно. Завалов не было даже на повышенной посылке Мусинского. Рама работала безостановочно. Мусинский, глядя на него, был рад успехам и своим и его.

И с тех пор Афоня с Мусинским становятся неразлучными друзьями. Афоня на обрезке освобождался всегда раньше Василия Степановича; тот еще сдавал смену, проверял раму, а Афоня ждал, чтобы вместе с другом домой идти.

*

Было такое время — лесозавод имени Молотова существовал на дотациях и плана не выполнял. Кто-то склонялся так рассуждать: „Крупные лесозаводы вообще непроизводительны, — это неудачный эксперимент“. Одни так рассуждали, а другие, вопреки подобным настроениям, стремились вытащить завод из позорного прорыва.

Мусинский, комлевой пильщик рамы № 5, соревнуется с другим пильщиком этой же рамы — комсомольцем Федей Кувшинниковым.

Теперь Василий Степанович проверил и убедился, что если отбросить в сторону страх и работать всеми рамами на повышенной посылке, то достижения у завода будут несомненны, от прорыва не останется и следа.

Но ведь контролер, заподозривший в „грехе“ Мусинского, то и знай кричит:

— Смотри, Мусинский!..

И Мусинский должен был, чуть заведя контролера, сбавлять посылку.

Контролер грозит:

— Смотри, на штраф нарвешься, или еще хуже — под суд попадешь!

— Что вы, помилуйте! — успокаивал Мусинский. — Посылка у меня, как у всех...

Только своему сменному рамщику — комсомольцу Кувшинникову Василий Степанович говорил откровенно и внушительно:

— Знаешь, голубчик, интересы у нас с тобой одни. Если соревноваться, так надо на совесть. Нечего греха таить. Ты делай так же, как и я...

И он раскрыл ему свой секрет:

— Работай на повышенной посылке да раму знай, вот и весь „секрет“. Рама не контролер — не подведет. Только держи ее в порядке, знай ее капризы, умеешь, когда нужно, заменить сам и пилостава и слесаря.

— А выдержит рама? — спрашивает Кувшинников.

— Чудак! Станки, по-моему, тройную нагрузку могут нести... Я не понимаю, откуда трусость у нашей администрации. Ведь сам товарищ Сталин учит нас овладеть техникой так, чтобы использовать ее до дна. А мы, связанные по рукам старыми техническими нормами, пляшем около ста кубометров на рамосмену. Стыд! Кувшинников согласился с ним и тоже начал тайком усиливать посылку и догонять Мусинского. Они понимали друг друга и решили когда-нибудь сломать старые нормы и выступить против них открыто.

Все чаще и чаще стал заглядывать Мусинский в партком к секретарю Суханову. Раньше, казалось, не о чем было ему говорить с этим спокойным, развитым и очень занятым человеком. А теперь Мусинский сжился с Сухановым, видел в нем такого товарища, у которого всегда можно найти поддержку. Разговоры их принимали все более и более душевный характер.

— Что ты читаешь, Мусинский?— спрашивает как-то Суханов.

— Что ж? Многотиражку нашу да „Правду Севера“.

— Маловато. А книги какие читаешь?

Мусинский стал перечислять: „Историю партии“, „Вопросы ленинизма“ и другие.

— Это хорошо. А художественную литературу читаешь?

— Да нет, некогда.

— А ты возьми-ка вот эту.— Суханов сунул ему „Поднятую целину“ Шолохова.— Интересная книжка. Обязательно прочти и Расскажи мне, как она тебе понравится.

Мусинский по заданию секретаря прочел книгу.

— Хорошая книга,— сказал Мусинский Суханову при новой встрече.— Мне двадцатипяти тысячник Давыдов понравился. На его месте я таким же хотел бы быть. А от деда Щукаря до того досмеялся, что чуть меня самого понос не прохватил, как дедушку Щукаря, когда тот объелся говядиной. И чудак Шолохов, как он „проработал“ этого старика. У нас в деревне, то-

варищ Суханов, есть бедняк Петруша Каморников — прямо родной брат Щукарю. Товарищ Суханов, у меня просьба к тебе: конспекты я не умею писать — пожаловался Мусинский.

— Кстати, о конспектах! — обрадовался Суханов. — Мы поручаем тебе выступить с приветствием в городе на слете ударников...

— Товарищ Суханов! — взмолился Мусинский. — Я не сумею. Да и слова-то у меня все еще вывертываются деревенские.

— Ты садись-ка поближе и пиши, — предложил Суханов. — Вот тебе и будет конспект.

Мусинский, придвинувшись к уголку стола, пишет, потом зачитывает. Суханову не нравится, он подает ему еще лист бумаги и диктует заново. Наконец конспект речи готов. Суханов напутствует:

— Продумай все хорошенько и крой смелей, по-рабочему!.. Да после приветствия останься на спектакль. Ставится пьеса Погодина „Аристократы“. Просмотри и мне скажешь: есть расчет съездить на эту постановку или нет...

Потом, когда надо было послать Мусинского выступить на слете грузчиков Экспортлеса, Суханов поручил ему конспект выступления составить самому. Василий Степанович надолго заперся у себя в комнате и, обдумывая, записывал свои мысли.

Все же, не доверяя самому себе, он пришел к секретарю парткома и попросил его проверить написанное.

— Молодец, Василий Степанович, молодец! Глу-

боко захватываешь,— похвалил Мусинского секретарь, и сам был рад этому.

Часто, при встречах с Мусинским Суханов интересовался его материально-бытовыми условиями, спрашивал:

— Как живешь, в чем нуждаешься?..

Спрашивал секретарь и думал, что чем лучше живут рабочие, тем больше у них стремления работать по-ударному. Мусинский для него был примером, образцом, по которому должны были равняться все рабочие лесозавода.

— Надо прямо сказать,— отвечал секретарю Мусинский,— когда видишь, что у нас на заводе хорошо работает столовая, когда видишь в магазине обилие разных продуктов, да еще дешевеющих сравнительно с прошлым, а зарплата не снижается, наоборот, даже растет в соответствии с темпами выработки,— невольно как-то хочется работать лучше и лучше и удовлетворять свои растущие запросы все больше и больше. Если многие из нас стали работать хорошо, то, пожалуй, тут причина в том, что жизнь рабочего с каждым днем становится лучше... Обеспечили меня хорошей квартирой, обзавелся я кое-чем, а все еще нехватает. Вот думаю,— поработаю получше, заработаю побольше и обзаведусь тем-то и тем-то... Да и не только это,— смущаясь продолжает Василий Степанович,— я чувствую, что мне не надо сегодня в ущерб себе копить деньги на завтрашний „черный“ день, ибо таких дней у нас не предвидится..

Заговорили газеты о Стаханове и стахановском движении. От Суханова Мусинский уже ничего не скрывает. Суханов знает и поощряет его посылку. Вместе с ним он сидит и разрабатывает мероприятия, как сделать завод стахановским. Вместе с ним вырабатывает предложения и проводит собрания.

Из города приезжает на завод секретарь городского комитета партии – Семин. Он и раньше интересовался Мусинским. А сейчас он идет к нему на квартиру, беседует с ним в домашней обстановке и очень рад, что Мусинский так далеко шагнул в овладении техникой и в своем развитии вообще.

Семин осмотрел завод, изучил качественные и количественные показатели и на производственном совещании подчеркнул значение Мусинского, как подлинного стахановца, предложив повести его путем все бригады завода, чтобы сделать завод действительно стахановским.

Перед Мусинским теперь открылась широкая дорога для борьбы за стахановские темпы...

...Инженер Бесперстов впервые прочел о Стаханове в Ялте, на курорте. И там же начал разрабатывать проект внедрения стахановских методов на заводе.

Уединясь в далеких аллеях курортного парка, он сидел на скамейке и торопливо, без знаков препинания, заносил себе в записную книжку схему организационной перестройки лесозавода имени Молотова.

Увлеченный инженер подряд написал свыше шестидесяти предложений. Он даже прослушал звонок са-

натория. На этот раз курортники обедали без инженера Бесперстова.

Не использовав полностью отпуска, инженер спешит в Архангельск.

Опора стахановского движения на лесозаводе имени Молотова — бригада Мусинского — уже в основном подготовлена секретарем горкома Семиным и секретарем парткома Сухановым.

27 сентября Бесперстов разговаривал с Мусинским и его бригадой, спрашивал, что им мешает работать:

Мусинский теперь уже смело брал быка за рога:

— Я прошу,— заявил он Бесперстову,— внести коррективы изменения в работе наших лесопильных рам..

— Какие?..

— А хотя бы такие,— говорит Мусинский:— когда был пущен завод, мне известно, рамы делали 350 оборотов в минуту, а теперь только 300 оборотов. Далее: я решительно увеличивал посылку леса. Но рамы-шведки, системы Болиндера, построены так, что больше 20 миллиметров на один рез посылку нельзя увеличить. А по-моему можно дать гораздо большую посылку при том условии, если Сергей Владимирович заменит старый посылочный шкив...

Смелая речь Мусинского не на шутку взволновала Бесперстова и заставила задуматься о многом, о чем он не думал в Ялте.

Ощупывая в кармане своего жилета маленькую тощенькую книжицу — „Нормы распиловки, установленные Научно-техническим советом“, инженер чувствовал ее как занозу в своем теле и мысленно спрашивал

себя: „Неужели все эти нормы полетят к чорту? Ведь это же целая революция в деревообработке“.

— Что ж? Хорошо, попробуем!— согласился он с Мусинским.

За эти дни партийные, комсомольские собрания и общие собрания рабочих дали инженеру Бесперстову 137 различных предложений дополнительно к тем, шестидесяти, которые он выработал в Ялте. В этих, предложениях инженер, как никогда, ощутил огромную силу рабочего коллектива.

И когда посылка была еще прибавлена за счет изменения диаметра шкивов, когда зубья пил врезались в древесину с бешеной жадностью, инженер Бесперстов не утерпел: пришел в завод и занял место сменного мастера. Ему казалось, что не только рама но и весь завод ходит ходуном.

„Хоть бы миновать аварии! Чем чорт не шутит, еще за вредителя сочтут...“— назойливо лезли в голову Бесперстова тревожные мысли.

А Мусинский спокойно курсировал взад-вперед перед рамой на механизированной комлевой тележке, работая обычными ловкими и уверенными движениями. Он даже находил время помогать вершинному пильщику и попутно говорил тому:

— Смотри-ка, нашего инженера трясет, как раму на моей посылке. Напрасно Сергей Владимирович ро-беет. Дело испытанное!..

Мусинский делал спокойный вид, а в душе тоже побаивался. Но он боялся другого:— А вдруг-да гвоздь или какая железина в бревне окажется!

Вот он собирает у себя на квартире пильщиков и проводит с ними беседу о стахановском движении на заводе.

За окнами квартиры Мусинского — ночная темь, в соседней комнате спали домочадцы. Пильщики разместились вокруг стола, слушают, стараясь не проронить ни одного слова.

— Рама — ведущий механизм на лесозаводе, — рассказывает Мусинский, — темпы работы рамщика определяют скорость движений и нагрузки сортовых и обрезных станков. У нас должна быть слаженная работа по всему потоку...

— Да, у нас еще свирепствует функционалка, — вмешивается в беседу один из пильщиков. — Если у одного рабочего на участке прорыв, завал, то другие на помощь не идут.

— Это надо изжить, — твердым и решительным голосом предлагает Мусинский и продолжает:

— Второе важное условие стахановцев лесопиления — это подготовка рабочего места, своевременное обеспечение себя сырьем, всеми инструментами. Когда прихожу на работу, я не могу равнодушно принять раму, не выспросив, как она работала, какие у нее были капризы. А особенно, — заостряет внимание Мусинский, — проверяйте состояние пилья. Бывает, что в пилоставной из-за спешки или небрежности затачивают зубья. И тогда пойдет брак... Пильщику-ударнику, а тем более стахановцу, надо работать не только руками, но и головой... Смотрите, товарищи, какой у нас трест щедрый: планом предусмотрел 35 минут

простоя на рамосмену. А на какой нам чорт простои? Освоив хорошо раму, подготовив свое рабочее место мы можем торец-в-торец пилить бревна.

— Чем-то, ведь, обосновывались простои?— задает вопрос один из слушателей.

— Да, простои были, пожалуй, естественны,— соглашается Мусинский,—но это было года три-четыре тому назад, когда на завод приходили и вставляли к раме такие, как я вначале: сырые технически и политически неподготовленные люди. Теперь мы окрепли, выросли. А технические и проектные нормы далеко отстали от нашего роста. Судите сами: в 1933 году завод распиливал 63 кубометра в семичасовую рамосмену. Мы плелись в хвосте у всех лесозаводов. В 1934 году — 84 кубометра. Освоение техники и соревнование, как видите, сказываются. В начале 1935 года мы дали 94 кубометра на раму. А сейчас в целом по заводу мы переваливаем за сто. Но это еще не все. Трусливая проектная норма позорно отступает перед нами. Стахановскими методами работы мы добьем ее окончательно.

Беседа пильщиков-стахановцев в интимной домашней обстановке продолжалась до глубокой ночи.

Выработав несколько предложений к администрации, пильщики разошлись.

На следующий день идет Василий Степанович к своей раме и смело, по-стахановски, берется за рычаг, ставит его на более повышенную посылку и выпиливает за 7 часов 164 кубометра.

Норма — до сих пор неслыханная.

Заводская многотиражка „Гигант Севера“ выбрасывает очередной аншлаг:

„Мусинский побил все рекорды лесопиления!“

Но Мусинский посмеивается:

— Это еще не рекорд. Это — только начало рекордов.

Соревнование Мусинского со стахановцем-комсомольцем Федей Кувшинниковым через несколько дней показало такие результаты:

Кувшинников выпилил 185 кубометров, потом 206 кубометров на рамосмену. В следующую смену Мусинский обгоняет его и дает 213 кубометров. Но и это еще далеко не предел.

Пользуясь методами Мусинского, 15 ноября Кувшинников поставил новый рекорд распиловки.

За семичасовой рабочий день он выпилил 293 кубометра...

А ведь этот талантливый мусининец впервые пришел на завод только в 1934 году...

Опираясь на лучших стахановцев — Мусинского и Кувшинникова — соревнуются их сменные мастера Борзых и Ядовин. Они также разуверились в старых технических нормах, поверили в мощность агрегатов и теперь стараются как можно лучше, безупречнее наладить работу по всему потоку.

*

Секретарь крайкома партии Владимир Иванов поставил перед заводом задачу организовать работу на всем лесозаводе имени Молотова по стахановско-мусининскому методу и сделать завод рентабельным.

Это задание было широко обсуждено на цеховых собраниях лесозавода. Тогда же организовали поездку лучших стахановцев — Мусинского и Шмонина в Москву. Коллективно выработали им наказ, в котором обязали своих делегатов рапортовать вождям — руководителям партии и правительства, что на заводе, выстроенном в первой пятилетке, воспитаны сотни лучших людей, овладевших техникой, что эти люди под руководством партии в 1935 году досрочно выполняют план лесозэкспорта, и к концу года завод даст экономии три миллиона рублей.

„... Мы гордимся такими стахановцами,— говорилось в наказе,— как товарищи Мусинский, Шмонин, Кувшинников, Бесперстов, Ядовин, Лябзин, Борzych, Березин и другие.

„Мы заверяем наше правительство, что к восемнадцатой годовщине Октября мы будем иметь сотни стахановцев, значительно перевыполняющих нормы...”

Впервые в своей жизни Мусинскому посчастливилось, вместе с другими стахановцами Северного края, выехать из Архангельска в Москву. Он вез наркому лесной промышленности Лобову чек на полтора миллиона рублей прибыли, как доказательство того, что стахановцы-мусининцы вывели лесозавод-гигант из прорыва и высвободили его от дотаций.

В числе делегатов ехали: лучший тракторист Северного края из Плесецкой тракторной базы Белов, лесоруб-стахановец Глотов и много других знатных людей Северного края.

Приветливо, гостеприимно встретила их красная столица. Нарком Лобов был рад гостям. Слышал нарком и о заслугах Василия Мусинского. И, когда они встретились, нарком подошел к нему, поздоровался и заговорил шутя:

— Вот он, главный виновник, нарушитель всех технических норм. Наделали же вы, товарищ Мусинский, хлопот в наших трестах. А хорошо!.. Хорошо!..

Стахановцы лесопиления долго беседовали с товарищем Лобовым. На другой день он представил их товарищу Молотову.

Не забудут делегаты-стахановцы Северного края, не забудут до конца своей жизни памятного дня 29 октября 1935 года. В этот день они пришли в Кремль к главе советского правительства, к предсовнаркома товарищу Молотову.

Теплая дружественная встреча...

Первое слово в беседе с Молотовым было представлено Мусинскому.

Стараясь казаться спокойным, он с большим волнением приветствовал главу правительства, передал ему наказ ударников завода и подтвердил их готовность по-новому, по-стахановски драться за высокие показатели.

Молотов долго беседовал со стахановцами Севера и особенно с Мусинским; уделил он большое внимание ему и в своей речи на Всесоюзном совещании стахановцев.

Выходя из кабинета товарища Молотова, нарком лесной промышленности Лобов спросил Мусинского:

— Какое у вас осталось впечатление от встречи с товарищем Молотовым?

— Я не знаю, товарищ Лобов,— ответил Мусинский.— Я не имею слов, чтобы передать свое впечатление. Я лучше делом на все это отвечу.

Товарищ Молотов разговор этот слышал и тут же заметил:

— Правильно, правильно, товарищ Мусинский.

И на прощанье пожал ему руку.

Когда выходили делегаты-стахановцы за кремлевские ворота, Мусинский, восхищаясь, говорил:

— Человек управляет всей страной, а знает до мелочей лесопромышленное дело... Ведь кажется все, что мы со Шмониным не досказали, обо всем товарищ Молотов выпросил.

После того прошло двадцать дней. Мусинский у себя на заводе проводил большую организационную работу среди стахановцев и сам шел впереди на производстве. 19 ноября он шлет телеграмму:

„Москва Кремль МОЛОТОВУ

Дорогой Вячеслав Михайлович. Выполняя ваши указания, 19 ноября я распилил 313 кубометров. Тут же на заводе я прочитал вашу речь, произнесенную на Всесоюзном совещании стахановцев, которая воодушевляет меня на новые подвиги. Да здравствует товарищ Сталин!

Василий Мусинский.*

В те дни 313 кубометров на семичасовую рамо-смену были неслыханным рекордом. Достижение стахановца Мусинского стало известно на весь Советский Союз.

Вячеслав Михайлович Молотов телеграфировал Мусинскому ответ:

Поздравляю с новыми успехами, которые станут тем прочнее, чем успешнее будут закреплены всем заводом.

Ваш Молотов.

*

В заводском поселке на улице Ударников Василий Степанович со своей семьей по достоинству занимает одну из лучших, хорошо оборудованных квартир. Ласкающие взор голубого цвета обои, портреты вождей, этажерка с книгами, комод, шкаф с посудой, гардероб, скрывающий в себе пожитки семьи Мусинских, радиорепродуктор.

В его квартире есть все то, чего не было и в помине в жалкой хижине Мусинского, где-то там, в присухонской далекой деревушке.

Мусинского осаждают корреспонденты газет и журналов. От фотографов нет покоя. Работники радиокомитета то тащат его в город к микрофону, то устраивают радиопередачу у него на квартире. Дело дошло до того, что заботливая Ульяна Семеновна, мать Мусинского, чтобы дать ему отдохнуть, стала скрывать сына от осаждающих его людей. И, когда Мусинский спит, она сама дает свое несложное интервью корреспондентам, заверив, что сына дома нет.

— Вот я какого парня-то откормила, выпестовала. Теперь этих еще двух лобастых так выкормить — и хорошо, — показывает Ульяна на братьев Василия Степановича, учащихся в заводской школе. — А Вася-то

у меня сызмала на тяжелой работе. Помню, как сейчас: пошлю его в скотный выгон за лошадьё, надо узду надеть, а он до лошадиной головы достать не может; ладно, что коняга у нас была смиренная, Вася подскочит и узду наденет, а верхом, конечно, с изгороди сесть нетрудно... Или женить его стали,— изба у нас протекала сквозь крышу и потолок, как решето. Сидит молодой жених с Шурой за столом, гости вокруг сидят, вино-пиво пьют, а на столе и на полу от дождя лужи. И пошел тут сватушка плясать, да как топнет сапожищами по луже,—брызги на гостей и на молодых летят... Вот в какой бедности жили. Да ничего, помаленьку выкормила...

Рассказывает мать, а сама искоса посматривает на дверь семейной спальни и думает: „Хоть бы не вышел Васька оттуда, а то подведет перед посторонними людьми“. А он, как назло заскрипел кроватью, встал, обулся в валенки и вышел.

— Здравствуйте! Поспать хотел, да слышу — мать тут очень разболталась...

Довольные корреспонденты атаковали самого Мусинского и вместе с ним ушли на завод...

Жена Василия Степановича, не менее скромная, чем он, работает сортовщицей. Она — ударница и профуполномоченный. В семье Мусинских зовут ее Шурой; свекровь и золовка относятся к ней с любовью и уважением.

Она не жалуется на своего мужа, наоборот, горда им, и счастлива тем, что ее муж Вася — почетный человек.

— Шутка ли,— разводит она руками,— съездил Вася в Москву — от наркома Лобова в подарок пальто получил и автомобиль.

— Неужто, Шура, мы на своей машине ездить будем? — весело смеется ее золовка Маруся, сестра Василия Степановича, и сама, не дожидаясь ответа, говорит: — Будем, да еще как! Кузнечиха замерзнет, зимой в город к театру подведем. Стоп! Народ заглядывать станет: какие, дескать, шишки из машины вылезут? Посмотрят, а это — Мусинские на своем автомобиле приехали...

И Маруся заливается смехом.

Шура, возбужденная ее смехом и, очевидно, довольная тем, что разговор идет о ее муже, продолжает беседу:

— В девках я была — совсем не думала об Васе, как о женихе. Редко с ним гуливала. Он меня как бойкую девку знал, а я его знала, потому что он в то время в сельсовете членом состоял и с кулаками боролся без потачки. Дай, думаю, пойду, авось не прогадаю. Живу вот и не жалею. Угожий он у меня мужик и на руку не дерзкий. Все учится и мне велит учиться.

*

На верхних помостах над потоком Мусинского изо дня в день, сменяя друг друга, нередко часами простаивают экскурсии не только с заводов нашего края, но и из других краев и областей.

Мусинского осаждают экскурсанты, письма и телеграммы.

„Дорогой товарищ Мусинский!— пишет из Вятки восемнадцатилетняя комсомолка-рамщица лесозавода Степана Халтурина, Сима Леушина.— Как вы добились таких показателей?— спрашивает она.— Я хочу быть стахановкой, а показатели у меня малы — сто тридцать, сто сорок процентов... Обучите меня стать стахановкой...”

С такими просьбами тянутся всем сердцем к Мусинскому тысячи растущих стахановцев.

И это радует не одного Мусинского. Его радость давно стала радостью всего заводского коллектива молотовцев.

Успехи Мусинского — это успехи всего завода. Московский гипродрев обязан был по договору произвести механизацию на молотовском лесозаводе, но Северолес, учитывая успехи завода, дал в гипродрев такую телеграмму:

„Отказываемся от вашего проекта достройки завода имени Молотова в части технологического процесса. При работе Мусинского нормы производительности уже сейчас во много раз выше ваших проектных норм. Составляем новый проект своими силами, используем опыт Мусинского“.

*

9 декабря 1935 г. — день, когда постановлением ЦИК СССР Мусинский награжден орденом Ленина, а инженер Бурков — орденом Трудового Красного Знамени — был днем величайшего торжества и гордости для всех молотовцев, больше того, для всех трудящихся Северного края.

В этот день на заводе и на дому без конца поздравляли Мусинского. И дома недоумевающая мать спросила его:

— Вася, что такое орден? Тебя даже за автомобиль не поздравляли так, как сегодня.

Усмехнулся Мусинский и пояснил:

— Орден, мама, дороже сотней автомобилей. Ордена не ценятся на деньги и вещи. Их дают только самым почетным людям...

Ульяна покачала головой, и Мусинский продолжал:

— Орден Ленина меня обязывает работать так, как никогда, работать так, чтобы никто не смог сказать обо мне, что Мусинский орден получил только за рекорды. Мои рекорды должны стать рекордами всех и каждого на заводе. Вот за что надо бороться сейчас.

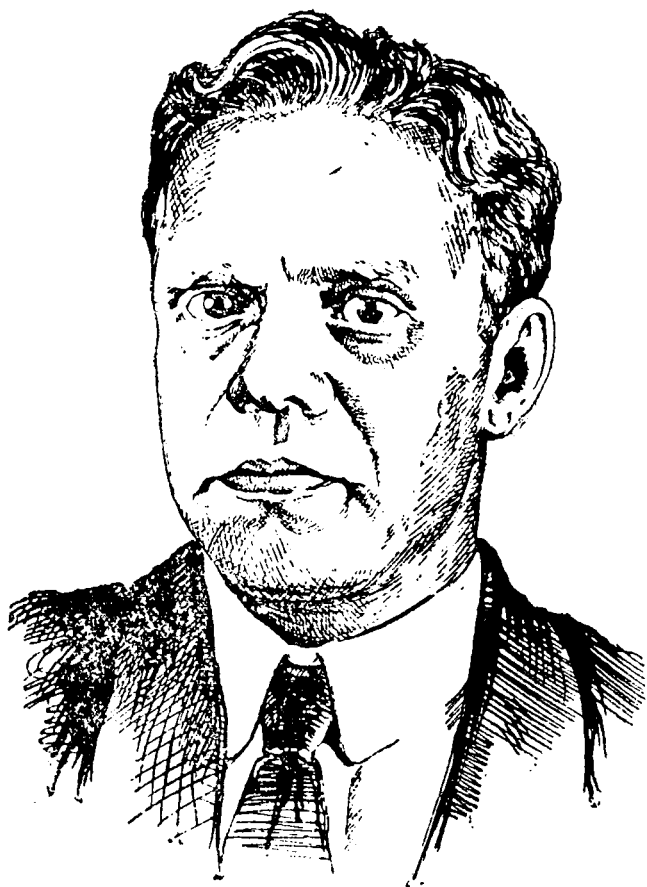
В этот же день мастер смены Мусинского — Борзых сообщил собранию радостную новость:

— Товарищи! У нас один за другим растут стахановцы: сегодня рамщик Алферов выпилил 400 кубометров. Теперь мы стахановцев считаем у себя на заводе не единицами и не десятками, а сотнями. Скоро весь завод будет стахановским.

За Мусинскими и Кувшинниковыми двинулись массы. Стахановское движение становится движением миллионов.

К. КОНИЧЕВ

ДЕНЬ ИНЖЕНЕРА БУРКОВА

Василий Иванович Бурков
Награжден орденом Трудового Красного Знамени

Вчера инженер Бурков вернулся с работы домой в половине второго ночи. Разумеется, домочадцы в эту пору спали. Ключ от домовых дверей у Василия Ивановича всегда при себе. Бесшумно проник он в комнату и, соблюдая тишину, разделся. Наскоро посмотрел свежие газеты; перелистал изящно изданный журнал с прејскурантами, полученный из Сан-Франциско. Затем Василий Иванович погасил в комнате свет и лег спать. Но сразу же встал и завел будильник, поставив стрелку „боя“ на 7 часов.

Утром, в половине восьмого, на улице еще темь. Тысячами огней переливались лесобиржа и маймаксанские лесозаводы. Василий Иванович, выйдя из своей квартиры, ощутил свежесть северного январского утра. В своем кабинете при заводууправлении Бурков задержался на несколько минут. Служащих еще не было, кроме диспетчера. Тот заперся в своем несложно обставленном „кабинете“ и звонил в три телефона.

— „Ну, делать пока мне здесь нечего“, — подумал инженер и, застегнув пальто на все пуговицы, вышел из заводууправления. За группой рабочих он шел на завод в лесопильные цехи...

Оснащенный по последнему слову техники, 16—17-й лесозавод имени Молотова гремел, оглашая заречные окрестности смешанным шумом сотен шкивов, маховиков и визгом двадцати четырех лесопильных рам.

Такой лесозавод — единственный в СССР.

Инженер Бурков в 1930 году ездил в научную командировку за границу: он побывал в Финляндии, Норвегии, Швеции, Англии и Германии. Но таких крупных лесозаводов там не встречал. Вот почему Василий Иванович гордился своим лесозаводом-гигантом. Он и в праве гордиться, потому что с его именем связаны все крупнейшие технические достижения на этом лесозаводе. Не случайно ЦИК наградил Василия Ивановича орденом Трудового Красного Знамени.

Скромный, не любящий о себе говорить, активный общественник, коммунист, организатор массовой технической учебы, Бурков сделал очень много в оснащении лесозавода высокой техникой.

На заводе все механизировано. От штабелей до бассейна, от бассейна — к раме, до укладки досок, все идет по конвейеру. Лесозавод имени Молотова первым и сразу откликнулся на стахановский призыв. С самых низов выдвинулись талантливые рабочие стахановцы: Василий Мусинский, Федор Кувшинников, Алферов, Шмонин, Зотов и другие.

Инженер Бурков немедленно пошел на помощь стахановскому движению. Он ускорил весь технологический процесс на заводе. Но организация околорабманного процесса, улучшение пилоставного дела, уком-

плектование бригад — это еще не все. Главная заслуга Василия Ивановича — это устройство лотковой системы в водном цехе. На территории лесозавода, на протяжении около десяти километров, устроены утепленные лотки-каналы, по которым, искусственным течением воды, лес через бассейны быстро подается в лесопильные цехи. Благодаря этому лотковому устройству, примененному в СССР впервые, скорость подачи леса к рамам увеличилась в два с половиной раза...

... Когда Василий Иванович вошел в лесопильный цех завода № 17, кончился уже первый упряг утренней смены. Рамщики были заняты перебивкой пил. Станины у лесопильных рам настезь раскрыты, тяжелые рябухи откачены в сторону. Мусинский в спецовке у своей рамы № 5 возился с лампами.

— Как дела, товарищ Мусинский?

— Не важны, Василий Иванович, за первый упряг, говорят, дал только сто шестьдесят шесть процентов.

— В чем причина?

— Шестерни плохой отливки, снашиваются, часто менять приходится...

Бурков поднимается по лесенке на помост, чтобы передать какие-то указания начальнику завода Бесперстову, — молодому инженеру. Не задерживаясь, Бурков идет в водный цех. Спустившись к бассейну по узким сходням, где можно разойтись только боком, лавируя по снежным тропинкам возле лотков, Бурков подошел к Скрябину — ответственному за цех.

Опять расспросы и указания.

— В раму № 5 подавайте лес диаметром 32—34 сантиметра. А когда переменится диаметр леса, предупредите рамщика своевременно о перебивке пил.

— Хорошо, Василий Иванович...

Затем он по-хозяйски расспросил, сколько Скрябин принял леса в бассейне, когда заступал на смену, и предупредил, чтобы и он в свою очередь к следующей смене наполнил лесом бассейн доотказа.

Пробираясь к водному цеху завода № 16, Бурков остановился у цепного транспортера, два дня тому назад приспособленного им для откатки леса из штабелей в лотки.

У транспортера двое откатчиков лежали на снегу, беспечно раскуривая цыгарки. Увидав инженера, откатчики поднялись с мест, виновато переглянулись и стали в ожидании.

— Чья это смена?

— Сивкова, товарищ технический директор.

— Сколько выкатили за смену?

— Триста семьдесят бревен?

— Что-о?.. — протянул инженер, и откатчики почувствовали за этим „что-о“ суровый приговор.

Бурков спокойно и вместе с тем решительно потребовал от откатчиков ударной работы; он сослался на бригаду Белавенского, которая выкатывала в смену 750 бревен. После обхода цехов Василий Иванович направился обратно в заводоуправление. К приходу Буркова управделами Нина Александровна успела уже подложить на его стол кипу различных бумаг.

— Здесь вот у меня „рабочее место“,— улыбаясь, говорит инженер, сверкая белизной крепких зубов.— И пожалуй, основное время я провожу здесь.

Два телефона дребезжат, то по очереди, то оба вместе. Инженер быстро хватается за трубки.

— Алло! Да. Бурков вас слушает. Диспетчерская? Так, так. Скажите, как распределены машины?.. Узнайте,— вы это обязаны знать...

Инженер вешает трубку и пробегает глазами бумаги. Нажимает кнопку и Нина Александровна вбегает к нему в кабинет.

— Почему вы задержали этот запрос?— спрашивает инженер, протягивая управделами бумагу.

Нина Александровна, волнуясь, оправдывается:

— Я забыла, Василий Иванович.

— Сейчас же сделайте и никогда больше не забывайте...

Управделами уходит, а ей вслед летят дополнительные указания Буркова:

— Достаньте сведения о суточной распиловке. Не забудьте, что сегодня будет подведение итогов.

И только Василий Иванович углубился в чтение всевозможных бумаг, как в кабинет вкрадчивой походкой вошел молодой человек. Подмышкой у него была черная папка, а в руке деревянная с медным наконечником мерка.

— Что скажете?— спрашивает Бурков.

— Я, Василий Иванович, к вам с чертежами...

— Ага. Садитесь. Да не сюда, вон к тому столу и разворачивайте.

На свободном столе молодой человек развернул синие бумаги и сконфуженно стал следить, как Василий Иванович с циркулем в руках похаживал вокруг стола.

— Хорошо, Михаил Николаевич, хорошо, только вот у меня к вашему чертежу будут отдельные замечания... Здесь нехватает профиля американских пил с соотношением шага и высоты зуба. Учтите, что американский зуб очень устойчив. И не воспользоваться этим нам нельзя...

Чертежник делает у себя в записной книжке пометки и, молча, слушает инженера.

— Да обратите внимание еще здесь, на радиус.— Василий Иванович показал пальцем на чертеж и пристально посмотрел на чертежника. Померяв несколько раз циркулем и покрутив им из стороны в сторону, Бурков продолжал:

— Тут у вас ошибка. Смотрите, Михаил Николаевич, на этот перпендикуляр и угол наклона. Проверьте, исправьте и приходите снова.

Михаил Николаевич, свернув чертежи и не сказав даже „до свиданья“, вышел из кабинета. Очевидно, в течение дня ему приходится не раз встречаться с Бурковым.

Но не успел инженер Бурков до конца разобраться в бумагах, как в кабинет влетел мастер водного цеха Колосов и сразу начал:

— Анархия, Василий Иванович, получается, анархия

— В чем дело?

— Не выполняют ваше указание. Стали посылать

лес 24— 25 сантиметров диаметр, не пилят его... потому, что в стахановский день лесок всем хочется иметь потолще...

— Ну, так поди и скажи в амбарном цехе, что я приказал им пилить...— подчеркнув последнее слово, распорядился Бурков.— Мое распоряжение продумано и отменять его я не могу.

Колосов уходит, сталкиваясь в двери с управделами Ниной. Та, запыхавшись, на ходу докладывает:

— Василий Иванович, я говорила статистику. Он крутит свой арифмометр, и только через час поспеют сведения.

— Хорошо. Возьмите вот эти бумаги и реализуйте.

Василий Иванович вышел из-за стола и прошелся по кабинету. Подошел к окну и, облокотившись на косяки, посмотрел на улицу. За окном сумрачный зимний день. По мостовой беспрерывно бегут автомобили, отвозят с лесозавода мусор и опилки. Василий Иванович заметил, что некоторые машины возвращаются к лесозаводу, не свалив весь мусор из ящика. Он не пропускает этого случая и звонит в гараж, требуя, чтобы машины очищались на свалке от мусора полностью. От разговора по телефону его отрывает слесарь, ремонтирующий землечерпальный снаряд „Чайка“. Он просит Буркова воздействовать на электросварщиков, тормозящих ремонт.

— Коммутатор,— звонит уже по телефону Бурков.— Дайте 83. Товарищ Рассказов? Ну, расскажите, Рассказов, о загрузке ваших электросварщиков...

Инженер внимательно прислушивается к голосу из телефонной трубки и, наконец, отдает распоряжение:

— Сегодня же проследите за работой электросварщиков, как идет сварка цепей для „Чайки“. Вечером не забудьте о результатах проверки сообщить мне по телефону...

Слесарь, довольный этим распоряжением, уже собрался уходить, но вспомнил, что надо еще получить якоря для „Чайки“.

— Ладно, об этом договоримся когда я буду у вас на „Чайке“, — отмахиваясь, говорит инженер.

Но вот опять верещит телефонный звонок, и на этот раз по-особому, неистово. Василий Иванович хватается за трубку.

— Да, Бурков. Что неправильно? Кто это говорит? Алексей Федорович? Сколько? Шестьсот кубометров на рамосмену? Нет, завтра не сможем... А мешают снашиваемость отдельных частей и другие причины, о которых, я полагаю, по телефону не следует распространяться. Да, да, а как же. А ты думаешь, рекорды Мусинского срываю? Нелепо. Поймите, что Мусинскому дана возможность работать, но задача, которая ставилась нами, должна быть отложена до более удобного случая. Хорошо. Объясню лично...

Бурков, повесив трубку, уходит в соседний кабинет к директору Леготину. Там у них разгорается продолжительный и горячий спор о повышенной посылке Мусинского и о том, почему Бурковым отдано распоряжение переставить другие рамы на более тонкий лес. Возвратившись в свой кабинет, Бурков застал там

техника Долгобородова. Нервно расхаживая, Василий Иванович забросал техника вопросами:

— Как идет рама Мусинского?

— Хорошо,— отвечает Долгобородов.

— Браковщик стоит?

— Стоит.

— Пилите пока толстый, диаметр 33—34 сантиметра, а там будет видно. В случае задержек звони, а не бегай взад-вперед.

— А вам что нужно, товарищ Бутусов? — обращается Бурков к новому посетителю.

— Нам нужно немного,— отвечает тот хладнокровно, с таким видом, что хочешь — не хочешь, а он уж не отступится, пока не добьется своего. — Нам нужны, Василий Иванович, гвозди, стекло, краска, электроарматура... И еще кое-что,— подавая ему бумажку, говорит Бутусов.

Бурков написал служебную записку в хозчасть и сказал:

— Все будет отпущено, кроме электропроводов. Их придется подождать. Наладьте, товарищ Бутусов, учет работы, как следует,— напутствовал Бурков. — Наладьте строгий учет расходования средств и строительных материалов. Без экономии и без учета качества работы мы не научимся хорошо строить. Всего доброго... — В пальто и с портфелем подмышкой, в кабинет Буркова завернул директор лесозавода Леготин. Взглянув на ручные часы, он сказал:

— Пора, Василий Иванович, в партком на подведение итогов.

— Я готов,— ответил Бурков и, по привычке застегиваясь на ходу, вышел с Леготиным из заводоуправления.

В парткоме лесозавода имени Молотова собрались партийные и беспартийные большевики,— руководители цехов и рабочие стахановцы одной из заводских смен.

В президиуме директор Леготин, секретарь парткома Суханов, и он, технический директор, инженер Василий Иванович Бурков.

Собрание открыл Суханов и первое же слово предоставил директору лесозавода Леготину. Тот выступил с цифрами об итогах сегодняшних суток. И потому, что за цифрами кроются дела живых людей— стахановцев, собрание внимательно прислушивалось к директору:

— В лесопильном цехе шестнадцатого завода показатели, товарищи, за эти стахановские сутки таковы: смена мастера Быкова выполнила 166 процентов, смена Орлова— распилила 146 процентов, эта смена имела простоев на 41 минуту. Смена мастера Листаева выполнила 142 процента. Учитывая, что водный цех давал отборный лес, учитывая, что пилоставы работали очень хорошо, в целом приходится сказать: мы поработали плохо. Имейте ввиду, мы ставили план минимум 150 процентов по заводу, а многие, очевидно, сочли это за максимум. И просчитались...

— А как дела в цехах семнадцатого?— врезался в паузу докладчика чей-то нетерпеливый голос.

— Погодите,— ответил Леготин на реплику,—

скажу и о семнадцатом. Рабочие семнадцатого лесозавода задвигались на местах. Бурков, зная о результатах их работы, наклонил голову, стал перелистывать блокнот.

Леготин продолжал:

— На шестнадцатом допущено шесть стандартов брака. У пятой рамы не сумели исправить вершинную тележку, получился простой. Да еще не все рамщики имели максимальную посылку леса... А вот вам результаты семнадцатого лесопильного завода. Смена мастера Борзых распилила 149,9 процента, то-есть 100 процентов к плану-минимуму. Остальные две смены мастера Ядовина и Вершинина отстали от смены Борзых...

Неожиданно для докладчика собрание зашумело. Кое-кто поднимался с мест и, перебивая Леготина, просил слова.

В прениях было установлено, что сменный мастер Борзых унес поставки* лесопиления с собой, скрыв их от других мастеров. Таким образом Вершинин и Ядовин вынуждены были пилить вслепую, наугад, не имея перед собой расчетов на поставку пиля в рамы.

— Борзых у нас так не впервые делает. Путевку на курорт себе зарабатывает. До других смен ему нет дела...

Собрание шумело, возмущенное выходкой Борзых.

Бурков, пыхтя папиросой, пишет в блокноте:

* Поставками называются таблицы, где зафиксированы на определенный срок распиловки номера пил, предназначенных для работы на заранее известном диаметре леса.

„Завтра ударить Борзых за скрытие поставов“. Про себя инженер подумал: „Надо бы поговорить с ним сегодня, да не буду отрывать от работы“.

А Леготин уже рассказывал, как обстоят дела у отдельных пильщиков:

— Мусинский вчера за смену распилил 196 процентов к плану, заработал 22 рубля. Шмонин дал 173 процента, заработок 18 рублей. И вот, еще до сих пор неизвестный у нас как стахановец, товарищ Зотов выработал 208 процентов за семичасовой день, заработав 24 рубля...

Пока Леготин отвечал на вопросы и выступления, Бурков о чем-то совещался с секретарем парткома Сухановым. Тот, наклонившись к инженеру, судя по резким движениям, был чем-то раздражен и недоволен.

Наконец он встал из-за стола и взял себе последнее, заключительное слово. Речь Суханова в сравнении с докладом Леготина была более живой и убедительной. Как на экране, в его словах проходила жизнь завода.

Суханов сознался перед собранием, что заводский треугольник, намечая норму выработки для стахановской пятидневки 150 процентов, этим самым допустил ошибку. Ибо после такой установки рамщики в первый упряг рабочего дня работали интенсивно, а когда увидели, что норма 150 процентов легко выполняема, то в следующие упряги они стали работать с прохладцей, рассчитывая не выскочить за 150 процентов нормы. На самом деле смогли бы и другие работать так же, как Мусинский и Зотов...

— Учтите, товарищи,— обращается Суханов к собранию:— вашей работой интересуется не только райком, но и крайком партии. У нас еще нехватает боевого духа, а отсюда кое у кого увертки, как бы свернуть в кусты, да прикрыться лопухом объективных причин. Кое-кто пытается обвинить в отставании механизмы, забывая и не видя за механизмами живых людей. А в людях-то как раз самое основное. У нас еще нехватает и большевистской бдительности. Есть люди, которые тормозят стахановское движение. Возьмите Нечаева,— да он прямо мешает стахановскому движению. Приняв механизмы после ремонта, он не доглядел у них неполадки и пустил их в ход. Механизмы отказались работать, а Нечаева это не волнует. Удивительно спокойный дядя. Или вот рабочий Бобров в водном цехе: насосные механизмы у Боброва бездействуют, а он и в ус не дует, занявшись личными делами. Таких единицы. А вы посмотрите на основную массу наших рабочих. Ведь они все горят желанием работать по-стахановски. Ни одного прогула, ни одного опоздания... Вот он председатель цехового комитета Филимонов,— продолжал Суханов, показывая на профработника, сидящего у стены,— полюбуйтесь, каков человечие. Обставил свой кабинет, а в цехах ни одного лозунга не вывесил, ничем не отметил стахановского движения.

— Филимонов,— добавляет Суханов,— у нас очень равнодушен к бильярду, он готов кием „протыкать“ подряд пятидневку. Бильярд не плохо, однако делу — время, а потехе найди другой часок.

Суханов долго еще говорил, под одобрительные замечания собравшихся, о слабых и отсталых местах производства. После него поднялся с места Бурков, и тихим, спокойным голосом рассказал рабочим, как нужно устранить замеченные технические неполадки, призывая всех к настойчивости в работе, к требовательности к самим себе...

Собрание кончилось в пятом часу вечера; на улице было уже темно. Василий Иванович, вспомнил, что он сегодня с самого раннего утра не ел, вспомнил, и направился в столовую ИТР.

Телефонные звонки преследовали Буркова везде. Официантка, подавая ему шницель, сообщила:

— Вас, товарищ Бурков, к телефону просят. С коммутатора звонили, ищут, куда вы ушли...

Бурков разговаривал по телефону со старшим диспетчером. Тот передавал, что сульфатный завод, куда идут рейки с лесозавода Молотова, не отвозит эти рейки вследствие какого-то перебоя. Завал реек вызывает простой рам. Инженер забыл о шницеле. Он несколько секунд молчит, собирая на лбу складки. Потом решает:

— Скажите дежурному технику силовой станции, чтобы завал реек сожгли в топках.—И не вешая трубки, Бурков ждет ответа со станции. Через минуту ему сообщают, что станция может использовать только незначительную часть реек. Соединившись с диспетчером, Бурков предложил ему снять десять автомашин с перевозки стройматериалов и переключить их сейчас же на разгрузку реечного завала.

Шницель успел уже остыть. Официантка предложила его подогреть.

— Ничего, переварю и холодное,— улыбаясь, отвечает инженер, и просит подать ему „на третье“— стакан какао и пирожное.

А из коридора опять уже слышится:

— Вам Буркова? Сейчас позову...

— Что-о? В Москву?— переспрашивает в трубку Василий Иванович. Трест посылает? Сегодня вечером? И билет заготовлен? Значит,— инженер смотрит на ручные часы,— через четыре часа ждать автомобиль?..

Занятия в заводоуправлении давно кончены, служащие уже разошлись. И только директор Леготин продолжает работать. В его кабинете, как и у Буркова, свет гаснет поздней ночью.

До отхода поезда осталось четыре часа. Василий Иванович позвонил на квартиру, предупредив о поездке. После обеда он еще раз проходит по лесозаводу, бирже, сортовой площадке, отдавая последние указания.

Всегда суетливый и горячий, Бесперстов бежал на встречу Буркову.

— Василий Иванович! положение тревожное,— запинаясь от волнения и усталости, докладывал он.— Столько пилим, что лесобиржа за нами не успевает. Как быть? И пожарники не раз звонили, просят скорей очиститься...

Бурков задумался.

— Это можно было предвидеть, Сергей Владимирович, немного раньше,— сказал он после некоторого

раздумья. Наша беда, что мы рассчитываем на минимумы. А рабочие по-стахановский перекрывают все наши предположения, вот видите,—и он показал на загроможденную досками громадную площадку биржи.

Вместе с Бесперстовым Бурков зашел в телефонную будку и оттуда по телефонным проводам отдал распоряжения:

— Диспетчеру биржи внутреннего рынка выделить сейчас же на лесозавод к сортировочной площадке десять человек...

— Диспетчеру по транспорту тоже выделить десять человек.

— Начальнику деревообделочного цеха Кузнецову выделить людей и стать во главе руководства усиленной выгрузки лесоматериалов.

— Директору лесобиржи выбраться из кабинетной тиши и проследить за работой автотранспорта и железной дороги...

Когда все эти распоряжения были переданы, Бурков облегченно вздохнул и сухо сказал Бесперстову:

— Трест предложил мне сегодня выехать в Москву. Ликвидация завала отнимет у вас часа четыре, постарайтесь. С вокзала вероятно успею справиться об этом... Они, пожав друг другу руки, расстались. Но Бурков еще спохватился и окрикнул Бесперстова:

— Сергей Владимирович, учтите, что в сегодняшней многотиражке приведен перечень наших недочетов. Примите меры к их устранению.

Василий Иванович еще раз обошел всю сортовую площадку, и тогда только направился домой, чтобы

успеть подготовиться к отъезду. Но оказалось еще не все сделано. Дела и заботы цеплялись и вереницей нависали на техническом директоре.

— Мне, пожалуй, и не уехать будет сегодня...— развел он руками, увидев перед собой остолбеневшего сменного мастера Орлова.

— Выручайте, Василий Иванович!— взмолился тот.

— Ну, что там у вас такое?

— С водным цехом опять неладно,— говорил Орлов, наступая на Буркова.— В бассейне запасы леса истощились. Вот-вот рамы станут пилить на холостом ходу.

— Почему?

— Не могу сказать, Василий Иванович, выясните сами. Мне водный цех не подчинен.

Скрипя сапогами по снегу, Бурков обходными дорожками бежит в водный цех. Толкачи, бревенщики на бассейне и лотках шевелили баграми, как тараканы шевелят длинными усищами. Опытным глазом Василий Иванович сразу отметил, что задержка в цехе происходит из-за несвоевременной и нерасторопной сортировки бревен по всем рукавам бассейна.

— Вот где корень зла,— указывает Бурков начальнику цеха Коробцову в сторону сортировщиков, и твое место здесь до тех пор, пока не снимете с бассейна нависшую угрозу; смотрите, не оставьте рамщиков без сырья...

Коробцов, нахмуренный и злой, идет к сортировщикам.

Из водного цеха Василий Иванович, наконец, возвращается домой. На этом, безусловно, не кончился бы

рабочий день инженера Буркова, если бы не экстренный выезд в Москву по заданию треста. Дома Василий Иванович тщательно вымылся, переоделся в свеженакрахмаленное белье и в гладко выутюженный заграничный серый костюм.

— В тридцатом году в Англии за семь фунтов стерлингов приобрел. И знаете, как там работают. Сегодня, например, вечером заказал, а на утро костюм мне приносят, и сшит в точности до миллиметра...

Он одевался не спеша, не горячась, хотя времени до отхода поезда оставалось очень мало. Чемодан в дорогу был приготовлен еще до его прихода. Недоставало взять с собою несколько книг. Василий Иванович порылся на этажерке и облюбовал две книжки: томик стихов Пастернака и книжку рассказов Зорича...

Под окнами прогудел рожок „форда“... Инженер, провожаемый сыном-подростком, вышел во двор.

— Папа,—сказал сын,—если заедешь к маме в Ленинград, передай от меня привет с поклоном.

— Не знаю, приверну ли я к ней, как время позволит,—отзывается Василий Иванович.

Жена инженера Буркова учится в Ленинграде.

— Счастливо оставаться,—прощается он с сыном,—да чтобы поменьше шалить...

„Форд“ легко и бесшумно тронулся с места и, покачиваясь по гладкой поверхности снежной мостовой, помчался через Соломбалу и город к вокзалу. Шумный лесозавод и лесобиржа, залитые электро-светом, остались далеко позади.

Вагон слегка приплясывал на стыках рельсов. В ночной тишине гремели железом колеса, их гул, по жилам двух бесконечных линий, уходил далеко-далеко. За окнами вагона из зловеще-студеной и темной ночи, мелькали тени телеграфных столбов, чахлые болотные сосны провожали на юг московский поезд, в котором сегодня заканчивал свой обычный день один из обыкновенных людей — инженер-стахановец Василий Иванович Бурков.

Ю. НИКОЛИЧ

ПЕРВАЯ ДОЯРКА В СОЮЗЕ

Тася Прокопьева
Награждена Орденом Ленина

Однажды она прочла в газете статью о Марии Демченко и не могла успокоиться.

— Вот бы такой быты!..— мечталось ей. Хоть бы посмотреть на нее, какая она есть...— не удержавшись, поделилась она с подругами.

И кто бы мог тогда думать, что эта скромная, молчаливая девушка через три месяца, подобно звеньевой Демченко, прославится на весь Союз?

Кто мог думать, что во главе с ней северные доярки будут отмечны даже в Кремле — в самом сердце нашей республики? А это так и было.

Когда лучшие в Союзе доярки и зоотехники, после вручения орденов на заседании ВЦИК, рассаживались группой, чтобы сфотографироваться вместе с руководителями партии и правительства, товарищ Сталин предложил:

— Северян надо посадить впереди.— И добавил:— Молодцы северяне! Приезжайте еще как-нибудь в Москву...

Заметив в их группе Тасю, товарищ Сталин обратился к ней:

— Ну, товарищ Прокопьева, теперь ты стала первой дояркой по Советскому Союзу, впереди идешь.

Тася смотрела на Сталина и улыбалась, не зная, что ответить ему — такому величайшему в мире человеку и в то же время такому простому.

Тася вернулась из Москвы в свой Холмогорский племхоз знаменитой дояркой страны. Ее знают теперь все, кому дороги интересы нашего социалистического животноводства. Ей пишут теперь и зимовщики чукотского побережья, и колхозники из артели „Новый свет“ Днепропетровщины, и пограничники Молдавской республики, и шахтеры Алмазнянской шахты Донбасса, и моряки Кронштадта, и инженеры Магнитогорска... Она получила больше 350 писем со всех концов страны. Всюду радовались ее успехам, не скрывая своего изумления. У некоторых это изумление было столь велико, что они отказывались даже верить в возможность таких успехов.

„Надоить 6291 литр от каждой коровы — это поразительно, — писал ей один колхозник из чудесной Армении, на границе с Турцией. — Когда я, — пишет он, — перевел твою речь на армянский язык, так колхозники не поверили твоим словам. „Это — „ками“, — сказали некоторые, — то-есть „ветер“, обман значит... А одна старушка сказала даже так: „Хоть она на карточке и хорошенькая, но в душе у ней — злой дух „яман“.

— Напиши ты, Тася, ответ нам собственноручно и подтверди его собственной подписью, чтобы доказать этим „твердолобам“, — просят ее колхозники из артели „Новый свет“ Днепропетровщины,

В перерыве между дойками Тася пишет ответы. Пишет о себе, о делах, доказывает...

В Холмогорском племхозе Тася работает пятый год. Осенью 1931 года племхоз закупил несколько породистых коров в Емецком районе. С ними пришла в племхоз из своей деревни и Тася Прокопьева. Ей было тогда 14 лет. Гнилое влияние старых бабушкиных привычек ее не коснулось, и жизнь свою она, можно сказать, только начинала в племхозе.

Дома она, хотя и обряжалась с коровами, но никогда их не доила. А в племхозе ее сразу поставили дояркой. Бригадиршей ее была тогда кулачка Горбатова. В уходе за скотом у этой бригадирши господствовала полная обезличка. Приведет бывало корову и скажет: „Дой, девка, эту корову“. А через день эту корову меняла на другую. Не покажет ничего, не расскажет, хотя таких, как Тася, на скотном дворе было не мало. И им приходилось самим приглядываться к старым дояркам и учиться у них. Скот жил в грязи. Доярки часто прогуливали, опаздывали на работу и пропускали дойки. Ухаживали за коровами и доили в большинстве по-старинке, по-домашнему, а иногда и того хуже.

Но стали крепнуть в племхозе и руководство, и партийная организация, и комсомол. Появился политотдел, своя газета, школы, кружки. Подтянулась дисциплина. Не стали мириться с прежними порядками. Много нового услышали доярки и скотницы: и о великом пятилетнем плане, и о социалистическом животноводстве, и о зоотехнике, и об уходе за коровами

по-новому, не по-домашнему. Многим все это не по вкусу пришлось, в особенности старым дояркам. Но Тася воспринимала эту агитацию, как свежий чернозем воспринимает зерно. То, что ей могло еще казаться естественным в деревенском хлеве, когда она помогала матери обрядиться с единственной коровенкой, тут, в племхозе, казалось ей безобразием.

Нужен был только толчок и он пришел. Тася начала уже пробовать работать по-иному.

Но все же решительным толчком послужило ей другое. Бригадиршу Горбатову, наконец, разоблачили и вместо нее назначили другую — коммунистку Симу Аникину. Та пришла и сразу так им сказала:

— Вот что, девушки, вы тут все молодые, с задором, давайте работать во всем по-новому и вызовем на соревнование второй двор, где старые доярки. Покажем им, как надо работать.

Молодым дояркам это очень понравилось. То они у старых доярок учились, а теперь их учить будут. К тому же, взять в соревновании перед ними первенство было очень соблазнительно. И девушки взялись.

— С чего начнем? — справилась Тася.

— Как с чего? С плана начнем... План нам дали. Вот и будем стараться перевыполнить его... А для начала давайте вычистим двор и коров! — распорядилась Аникина.

Такой хозяйский подход пришелся Тасе и ее подругам по душе. Еще договор не был подписан, а бригада Аникиной вычистила двор от навоза и грязи, вымыла его и заново побелила. Особенно старалась

Тася. Она отвоевала себе полотенце, тряпку, скребницу и все это хранила, как зеницу ока. С коровами она была ласковой хозяйкой, особенно следя за выменем. С деревенской смекалкой она догадывалась, что в вымени заключена вся сила молочной коровы. Тася аккуратно подмывала и массировала вымя и перед дойкой и после дойки. Об этом она уже слышала от зоотехника. Кормление коров Сима Аникина установила строго по нормам. Но Тасе тогда эти нормы казались каким-то голодным пайком. Она всегда старалась прихватить для своих коров побольше сена и концентратов.

— Ты что делаешь, Тася?— упрекала ее Аникина, поймав с большой охапкой сена.— Корову надо кормить по нормам, а ты валишь ей без разбору.

— С ваших норм корова ноги протянет,— негодовала Тася.

— Да ведь норма-то дается по науке,— разъясняла ей Аникина.— Сколько корова весит, так по весу ей и норму кладут.

— А ежели корова хочет есть больше вашей науки?— упорствовала Тася.

— Чудачка, право, чудачка!... Этак недолго и перекормить скотину. Положи обратно сено!— предложила, наконец, Аникина.

Тася бросала сено и со слезами убегала к коровам. Наука, на которую ссылалась Сима Аникина, была неизвестна Тасе, а учиться здесь было негде. „Да и надо ли простой доярке изучать какие-то науки?— думала прежде она.— Вот Демидова говорит, что

нам ненужны курсы, мы сами знаем не меньше зоотехников“. И когда в племхозе организовали курсы, Тася с некоторым недоверием пошла на них. Но первая же лекция ей очень понравилась. Все оказалось важным, все оказалось к делу. Тася стала аккуратно посещать курсы, стараясь все запоминать, записывать и пробовать на деле.

Скоро на скотном дворе Таси во всем почувствовалась перемена, прежде всего на удоях: те пошли вверх.

В 1933 году впервые отметили успехи Таси. Она перевыполнила свой план, и тогда ее карточка вместе с другими была выставлена в витрине передовых доярок племхоза. Но Тасе определенно нехватало размаха, а он приходит лишь со знанием своего дела. Она была маленькой хозяйкой, которая душой болела за работу, но все знания этой хозяйки заключались в небольшом опыте своего скотного двора. Что было за пределами этого двора — Тася не знала и работала впотьмах. Остроту этого недостатка она особенно почувствовала, когда съездила с делегацией в подшефную красноармейскую часть. Оттуда она явилась словно обновленной.

Между тем к Тасе стали приглядываться и политотдельцы. Они заметили в этой замкнутой деревенской девушке большую настойчивость, страстное желание учиться. Политотдельцы вовлекли Тасю в комсомол и в политшколу.

В техкружке, в простых рассказах зоотехника-коммунистки Олонцевой, перед Тасей раскрывались все новые и новые вещи, такие, которых она никогда

не предполагала. Она поняла, какую важность для удоев имеет кормление коров по нормам, как правильно составлять кормовые рационы, научилась распознавать у коров признаки молочности и узнала о многом другом.

„Почему в самом деле Медовая не может дать больше 20 литров в сутки,— думала Тася,— когда по всем признакам она может дать 40 и больше?“

И Тася стала внимательно присматриваться к корове, изучая привычки и потребности ее. Ко всему, что касалось ухода за коровами, у нее теперь стало другое отношение. Она теперь уже не верила слепо в непреложность норм кормления, а проверяла их на результатах дойки. Если она замечала, что та или другая корова неохотно ест, она подбавляла в корм соли, разнообразила пищу, сбавляла нормы. И потом глядела: как это все отзывается на удоях.

Так, она заметила, что для Медовой норма велика, и что если ее придерживаться, так корову можно, пожалуй, и перекормить. Разнообразие пищи прекрасно отзывалось на Медовой. И Тася добилась, что эта корова стала давать не 20, а 26, потом 32, 37 и, наконец, в 1935 году она дала высший суточный удой 43 литра.

Дирекция охотно поддерживала Тасю в борьбе за высокие удои. Но было у нее однажды и расхождение с дирекцией. Когда осенью в 1934 году не хватало рабочих рук для уборки хлебов, дирекция ничего не могла придумать лучшего, как мобилизовать всех доярок на поля. Тогда Тася пришла в контору и решительно заявила:

— Не пойду!.. А кто же будет ухаживать за моими коровами, когда я буду в поле?

— Не весь же день будешь там,— пояснял ей директор.

— Все равно порядок-то нарушается... Поле не близко... Некоторые дойки и пропустишь,— угрюмо говорила Тася.

— Ну, что же делать?— разводил руками директор.— Сейчас, милая, не в удачах дело, а как бы хлеб убрать.

— Все равно не пойду... Никуда не пойду от своих коров!— неожиданно заявила Тася и бросилась к выходу.

И Тасю не смогли оторвать от коров ни тогда, ни после.

Когда ей пришлось в ущерб коровам затрачивать много времени на ходьбу за брюквой и разноску ее по кормушкам, она пришла в политотдел и настойчиво сказала: „Это не дело!“ Политотдел помог ей, выделив на эту работу других людей.

Уверенно идет Тася от достижения к достижению, не видя в этом никакого геройства, считая это своим обычным делом.

Она и рассказывает о своей работе так, что и писать как будто бы нечего.

— Обыкновенно работаю,— говорит она,— работаю, как и все. Стараюсь, сколько можно, и только...

Мы сидели с Тасей в ее светлой и чистой комнате и вместе составляли брошюру о ее опыте раздойки рекордисток. Задача была нелегкой и для нее и для меня.

— Не знаю, чего больше рассказывать...— разводила руками она.— Все как будто рассказала.

— У тебя, Тася, семь рекордисток— обратился я к ней.— Расскажи, как ты ухаживаешь за каждой из них... Для доярок это будет интересно.

Слово за словом, при помощи наводящих вопросов, она рассказала мне, примерно, следующее:

— За коровами нужно ухаживать с любовью и радостью. Главное— знать повадки каждой коровы и приспособляться к ней. Есть коровы неприхотливые и выносливые. Вот Репетиция, моя любимая корова— спокойная и нетребовательная холмогорка— дает всегда ровный удой. Она не требует от меня особых подходов. Другое дело— Золушка. Это страшно капризная корова. Она снижает удои по всякому случаю, который ей не по нраву. Разбудишь не во-время— неладно. А если неласково обойдешься с ней, так она и на дойке стоит беспокойно и удои снижает. Золушка совсем не любит, когда на скотном дворе ходит народ. Пришлось сделать для нее даже отдельную клетку. К Золушке подходишь с особой лаской, никогда не говоришь ей грубого слова.

— Научиться доить кулаком,— продолжала Тася,— совсем нетрудно, и я научилась этому у старых доярок и в зоотехническом кружке. Дойку рекордисток я произвожу пять раз в сутки по строго заведенному порядку. Первая дойка производится в 4 часа утра, вторая— в 8 часов утра, затем в 12 часов дня, в 5 часов вечера и последняя— в 10 часов вечера. Начинаю доить всегда с коровы Радости, потом перехожу к

Медовой, после—к Репетиции и так дальше. Перед дойкой я обмываю теплой водой вымя, насухо его обтираю, массирую и уже потом приступаю к дойке. Во время дойки еще раз массирую вымя, чтобы взять от коровы все молоко. В конце дойки также массирую. Корову Радость сейчас я хочу переводить на шестикратную дойку. В 1935 году она дала высший удой 30 литров, а в этом, 1936, году на первом месяце отела она дала уже высший удой 52 литра. Я знаю теперь по ее молочным признакам, что эта корова может дать за лактацию в 1936 году 10 тысяч литров без вреда для себя. Кормление коров я провожу строго по нормам, которые составляют зоотехники. Но иногда изменяю эти нормы. Если корова не может съесть всего, что ей положено, сбавляешь норму по аппетиту, постепенно повышая дачу корма до полной нормы. Дачу корма обязательно измеряю особой выверенной меркой, чтобы знать, сколько съела корова, каков у нее аппетит. Начинаю кормление с концентратов. Жмыхи обвариваю кипятком, а отруби, овсянку и ячменку завариваю теплой водой в ведре или деревянной бадейке. Пьют воду коровы по мере надобности из автопоилок американского типа. Но я пою их еще водой, которой завариваю сено. Коровы любят это пойло и прибавляют удои. В корма обязательно прибавляешь немного минеральной подкормки: мела, костяной муки, соли, угля. Словом, каждая корова требует особого к себе внимания и особого ухода.

Слушая Тасю, я копался в гряде книг, разложенных у нее на столе.

— Откуда у тебя столько книг?— спросил я между делом.

— Это в Москве нам подарили.

Взяв со стола отчет о втором съезде колхозников-ударников, она развернула книгу и как бы про себя сказала:

— Хорошо бы так же напечатали наше совещание — ударников животноводства...

— А ты что-нибудь прочла из этих книг?

— Нет. Взяла вон о челюскинцах, да читать-то некогда,— ответила она.

Это была правда. Сейчас Тася много работает. В перерывах между дойками она едва успевает отвечать на письма, а к этому — учеба, домашняя работа. Выходных дней у Таси сейчас нет; она отказалась от них, чтобы высвободить себе время для поездки на краевую конференцию комсомола. Но вообще Тася любит книги. Последними она с большим удовольствием прочла „Поднятую целину“ Шолохова, и „Как закалялась сталь“ Островского.

— Сейчас я подгоняю технику, — как бы оправдывалась она. — Когда ездила в Москву, пропустила много, а летом хочу сдавать экзамен на мастера социалистического животноводства. Это в крайзу, — добавила она.

Скоро звонок. Сговорившись встретиться еще раз, я вышел от Таси и пошел в контору.

Мне хотелось повидать Тасю Прокопьеву за дойкой, а попасть на скотный двор в племхозе трудно: легче пройти в кабинет самого ответственного на-

чальника. Многим из приезжих работников, даже для научной работы, отказывали в пропусках во двор... Мера такая была абсолютно необходима. В плеомхозе имеются исключительно ценные рекордистки, и каждая такая рекордистка стоит не меньше 44 тысяч рублей. А приезжие легко могли занести какую-нибудь инфекцию. К моему счастью, пропуск мне дали без всякой „атаки“. С ним на следующий день я пошел к Прокопьевой.

— Сегодня, Тася, пойду к тебе на скотный двор,— сообщил я ей на пороге.

— А пропуск есть?— строго спросила она.

— Есть, есть... Где бы только халат достать.

— Халат свой дам. Вчера выстирала оба, так один возьми. Вот тот холщевый,— и она показала на гардероб.

Я переоделся в халат и стал ждать. Тася была почти готова; в подол халата она собирала со стола куски хлеба для коров.

— Пойдем— обратилась она ко мне.

Скотный двор от общежития доярок находится в трех минутах ходьбы. Дорогой Тася предупредила меня, чтобы во время дойки я с ней не разговаривал. Я это знал и раньше и поэтому решил быть как можно незаметнее на дворе. Запомнился рассказ Таси о Золушке. В ее „квартиру“— клетку я даже и не заглядывал, невольно уважая эту щепетильную аристократку.

Во дворе, на котором работали орденоноски Прокопьева, Головина и Веселова, стояло сто коров. Это

высокое и длинное помещение, стены которого побелены известью. Коровы стояли в пять рядов. С первого взгляда двор показался почти безлюдным. Только у весов стояла небольшая группа женщин. Но, приглядевшись, замечаешь возле коров доярок. Они работали молча и не спеша: некоторые убирали из-под коров навоз, сгребая его в канавку, другие уже доили, и тонкие белые струйки стекали в железные ведра.

Обойдя двор, я остановился у рекордисток Таси. Это были крупные и степенные коровы, знающие себе цену и поэтому на все смотревшие равнодушно. В сравнении с ними первотелки Тани Головиной, стоявшие напротив, казались карликами.

Тася приступила уже к дойке, начав, как всегда, с Радости.

Я наблюдал, как она работает.

Обмыв и обтерев тряпкой вымя, Тася несколько раз сильно погладила его руками и начала доить.

Она доила быстро и энергично. Захватив в кулак соски, она слегка подталкивала вымя кверху и потом сильно, но не беспокоя корову, перебирала соски пальцами в кулаке.

Невольно вспомнилось письмо к Тасе одного колхозника, который спрашивал: „Как у тебя руки не устанут доить с каждой коровы по 50 литров в день?“ Я смотрел на ее мускулистые руки в полузасученных рукавах халата и думал: „Такие руки не устанут“.

Радость стояла совершенно спокойно и равнодушно смотрела по сторонам. Когда струйки молока стали совсем тонкими и слабыми, Тася остановила дойку и,

почти охватив огромное вымя, стала его снова массировать. Подоив еще немного, она с ведром быстро пошла к весам: ей ясно не терпелось поскорее узнать результат.

У весов уже столпились свободные доярки, бригадиры Глупышева и Веселова.

— Восемь, ровно восемь,— первая объявила Глупышева.

— А вчера было восемь и три,— записывая в какую-то ведомость, сообщила учетчица.

Мне показалось, что Тася покраснела, посмотрела на меня сурово, будто я был в этом виноват. Наклонившись к ведомости, она проверила показания, но ошибки не было: Радость сбавила удои сегодня на три десятых.

— Ничего, Тася,— успокаивала Веселова похмурившуюся девушку,—вечером надоишь больше...

Тася ничего не ответила. Она сняла с весов ведро и сквозь марлю вылила молоко в большой бидон.

Вернувшись к коровам, Тася принялась за Медовую. Но, кончив дойку Медовой, она уже не спешила сразу к весам. Тася поставила ведро на скамейку, взяла метлу и вычистила из-под коровы навоз. Потом разбросала ей чистую подстилку и вымыла у коровы загрязненные места. Кончив все это, она пошла к весам.

Поздно вечером с нетерпением звоню к ней на квартиру.

— Ну, как, Тася? Сколько же дала твоя Радость?

— Радость немного прибавила... 46 литров надоила.

Голос Прокопьевой был спокойным, и хмурых нок я в нем не чувствовал.

Поздравил ее с успехом. Ложасть спать, слышал, как местные „Последние известия по радио“ сообщили о сегодняшнем рекорде Таси. Грубый бас гремел из репродуктора, передавая рассказ корреспондента: „Можно ли дать больше?“— „Можно,—отвечала нам Тася,—и я обязательно дам!“

Нет, подумал я, Тася так не могла бы ответить. Это ты, товарищ корреспондент, за нее так ответил. Тася сделает так, но не скажет. Тася не терпит парадных фраз.

В характере Таси Прокопьевой самое ценное качество—настойчивость и какая-то внутренняя сосредоточенность. Поэтому она кажется неразговорчивой, замкнутой. Между тем она совсем не такая.

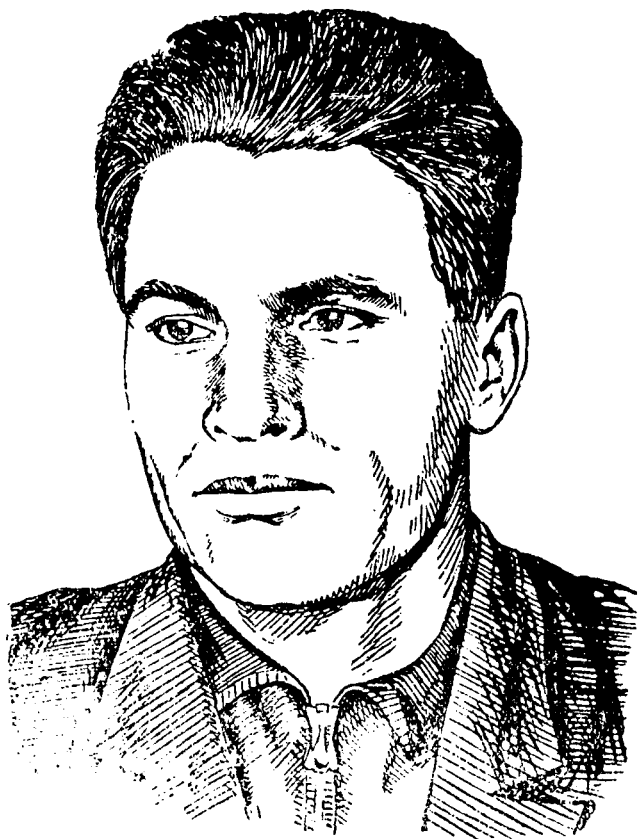
— Я люблю цветы, хорошие наряды, не прочь потанцевать и попеть,—говорит она. Правда, времени не только для развлечений, но и для ученья-то остается мало,—с грустью заключает Тася.

Тася выбрана была делегаткой на X Комсомольский съезд. Подарком съезду она преподнесла новый всесоюзный рекорд суточного удоя от коровы Радости—52 литра в сутки, превысила рекорд бывшей мировой рекордистки Мальки—этой не превзойденной до сих пор холмогорки.

И по общему удою от своих коров Тася сдержала свое слово, данное нашему великому вождю товарищу Сталину на Всесоюзном совещании ударников животноводства.

ЕФ. ТВЕРДОВ

ОРДЕНОНОСЕЦ ПЕРВЫШИН

Степан Антонович Первышин
Награжден орденом Трудового Красного Знамени

...Весна пришла неожиданно. Из-под навесов мужички вытаскивали косули и выезжали в поле. Антон отдал Степана в батраки к односельчанину Попову Алексею. У Попова два магазина, много ситцу, полотна, много кренделей, много хлеба. У Антона нет хлеба.

— Семь пудов за сезон, так по рукам? — торговался Антон. — Семь пудов, и главное вперед. Степка у меня парень бой...

Попов согласился.

Ровно восемь месяцев от темна до темна работал Степан у Попова. За 240 дней 8 рублей 40 копеек.

Осенью, когда кончились полевые работы, разговоры в деревне пошли о заработках на стороне, а тут еще с Печоры вернулся односельчанин — сосед Степана. Лошадь пригнал рыжую, поддевку купил, да сто рублей деньгами принес.

Степан сорвался от Попова. И вдвоем с Тимошкой Филатовым под вечер он вышел в дальний тысячекилометровый переход.

У устья реки Цылемки они остановились. Степан указал рукой на село:

— Видишь,— говорил он Тимофею.— Видишь вон тех самых? Крыша железом крыта. Люди нужны им.

— Пойдем до заводу. Там, может, лучше будет,— заметил Тимофей.

Так и не решив — куда податься, друзья поплелись к ближайшей избе, чтобы покормиться в ней. Но как стыдно под окном стучаться, да еще милостыню просить. Оба взрослые. Тимофею девятнадцать, а Степану в Егорьев день восемнадцать минуло. Но голод города берет, амбары ломает. И пошли оба.

— Мир дому!

— В работники наниматься?—спросил сразу хозяин,—прошу садиться.

Добротню принял хозяин. Забыв про стыд, ребята ели оленье котлеты, как картошку. Да тут хозяин еще достал бутылку самогона.

— Сколько за год возьмешь? — обратился хозяин к Тимофею.—Возьми четвертной.

А когда хозяин ушел в горенку, Тимофей ткнул в бок Степана.

— Ну, дак как же?

— Живоглот,— прошептал он.—Бежим. Скорей. И звездной ночью они ушли искать работы.

Еще десять дней приятели путались по печорским заводам и пристаням. На работу не принимали. И, когда терпение их истощилось, когда они думали уже возвращаться в родную деревню Карась, узнали, что в Оксино на кожевенный завод Терентьева людей набирают.

Село Оксина на берегу. Маленькие понурые домишки сползали по косогору, а посреди них дом Терентьева возвышался, как большеротая насадка среди бескрылых цыплят. Под селом дымил кожевенный и меховой завод Терентьева. Много народу на заводе, много грузчиков на пристани, а все они одного хозяина.

Встретил их сам Терентьев, тощий, невысокого роста, старик:

— Здравствуйте! Работать? Шестьдесят рублей в год!— отрубил он.

— Сто рублей, так по рукам,— торговался Тимофей.

— Ладно... Василь!— крикнул он конторщику.— Отведи их в постоянную избу.

И стал Тимошка работать на кожевенном, известь для кож в жбаны сыпал, а Степан невода чинил к рыбной путине.

А потом перевели их обоих на рыбную ловлю. Весна и лето в тот год были на редкость. Стояла теплая погода, а ветра куда-то ушли. Рыба ловилась хорошо; по двести пудов на тоню доставали рыбаки. Однажды Степан не вышел на работу: болела голова, тошнило. Вечером Тимофей принес свежей нельмы.

— Сварить?— спросил он.

Степан одобрительно покачал головой.

Ветер ли забросил, люди ли донесли, только узнал Туголуков—управляющий Терентьева, что Степан да Тимофей хозяйскую рыбу варят. Пришел в комнату. Накричал и грозил в суд подать. Ногой опрокинул

чугун. Разлилась уха, разлилась и кровь в Степане.

— Ты чего, чортова мать?.. Душа из тебя вон! Живоглоты! Им бы только из людей кровь сосать.— Айда за расчетом!—крикнул Степан.

Был какой-то праздник. У Терентьева гости. В кухне принял и все сделал для них конторщик. Расчет был прост. Высчитал за сапоги, за малицу, высчитал за нельму, которую Тимошка взял, и присчиталось Степану 80 рублей.

*

С тех пор прошло много лет... О старой жизни Степан Первышин вспоминает редко и всегда со злобой.

Новая жизнь началась, когда в Карасевской образовался колхоз. Но по-настоящему понял ее Степан чуть позже... Ранней весной 1932 года в деревню забрел вербовщик Сплавтреста. Поработать на стороне было заманчиво. И, сколотив из односельчан-колхозников артель, Степан ушел с нею на плотку в запань Мечку.

В работу он втянулся быстро. К труду он привык давно, а освоить плотку — дело нехитрое. Труднее было организовать вокруг себя бригаду, но и с этим Степан справился. Молодые ребята уважали работающего бригадира и верили ему. Но все-таки мало чем отличались первышинцы от других плотчиков в первый год. Правда, они не бегали с работы за сухарями домой и не кричали громко о сапогах, — „давай, дескать, сапоги, а то работу бросим“, но и не забежали на работе вперед.

На следующий год Степан Первышин опять со своей бригадой весной ушел на запань Мечку. Только теперь — дело другое... Еще до сплава, долгими весенними вечерами велись разговоры о нормах выработки, о заработках, о сплоченных станках... Поняли первышинцы, что на сплаве можно заработать большие деньги.

Но на Мечке не пришлось работать первышинцам долго. Их перевели на Бобровскую запань. А в то лето дела на Бобровской запани были, можно сказать, совсем липовые. Куда ни посмотришь — кругом лес... А вода уходила... Где-то в верховьях реки грозила обсушка. Вот в какое время пришел Степан Первышин со своей бригадой на Боброво. Он думал: послали на прорыв — значит на тебя надеются, тебе доверяют... Нельзя, стало-быть, подводить. И еще дорогой он старался внушить своим ребятам серьезность задания и намекнул им на награды.

Утром Степан вышел с бригадой на берег. Облокотившись на багор, он окинул взглядом всю запань.

Ребята стояли тут же: то смотрели на реку, то на своего командира, стараясь разгадать его мысли.

„Много леса, — подумал Степан. — Ну, ничего. Работа надежная“. Он повернулся к бригаде.

— А, ну... Сколько плотить будем? Вручную... — добавил он.

— Сто кубометров! — ответил кто-то.

— А норма? — спросили Степана.

— Пятьдесят!

— Ну, тогда восьмидесяти хватит.

Степан еще раз окинул взглядом реку, лес, бригаду. Потом расстегнул ворот рубахи и подал команду — приступить к работе. Людей он расставил так, чтобы каждый человек знал свое место, выполнял определенную работу.

Толстые бревна люди выдергивали из воды на плот: баграми подхватывали бревна, те звонко перестукивались и, связанные березовой стяжкой, ложились в ряд.

Степан руководил работой. Он видел всех своих людей и слышал удары багров о бревна, замечая хватку каждого. Кто не смог справиться, он подбежал к нему, и багор у него в руке вертелся, как у жонглера гранаты. Он поспевал всюду, ободряя каждого.

— Вот так! Двенашник бери в торец! Не горячись! Спокойней!

Где только появлялся он — там бойко кипела работа и плоты росли быстрее. Его руки, как железные клещи, быстро сцепляли стяжки. И чем трудней было брать из воды бревна, чем трудней было сцеплять стяжки, тем сильнее загоралось желание победить и сплотить больше бревен, чтобы история еще не помнила такого случая. Кончался день, и смена уходила на отдых.

Дни были длинные, яркие. Но Степану каждый день приносил новое, радостное. У клуба сплавщиков вывешена доска почета, и на ней вторую декаду красуется его бригада. Цифры в графе выполнения менялись. Сначала 80, потом 90... Дальше 100, 150, 200...

— Это порыв. Аврал! Ненадежно,— толковали отстающие бригады. Но в тиши у них рождались мысли: не отстать бы от бригады Первышина. А когда Степан получил переходящее красное знамя, на следующий день его бригада дала 240 кубометров за смену:

— Невиданная, неслыханная цифра ручной сплотки.

Степана премировали патефоном, а бригаду — деньгами в 1500 рублей.

День и ночь пароходы уводили плоты. Река очищалась. Поднявшись на высокий берег, Степан огляделся.

„А лес-то скоро весь сплавим“, — подумал Степка и подозвал к себе загорелого, плотного, с серыми глазами сплотчика из своей бригады. — Васька, — обратился к нему Степан, — лес-то кончается.. Ловко? Шибко мы работали?

— Да... поработали, — и парень посмотрел на Степана, а у самого в глазах огонек заискрился. — Степан! Послушай меня. Что-то горло жжет. Во рту высохло. Душа свербит. Хоть бы одну капельку. Ведь кончаем? Можно и поминки справить.

Степан помолчал недолго и, как бы не замечая парня, проговорил:

— Да... а пожалуй выпить можно...

И однажды под этой же самой елочкой, где стоял Степан, на том же самом месте, откуда он измерял взглядом лес, открылся бригадный бал. Степан держал в руке стакан, наполненный мускатом. Он любит это вино пить в особо радостные дни.

— Ну, можно, ребята, и радоваться. Лесу-то в запани осталось мало. Поработали. Молодцы! Так выпьем же, товарищи, за все... За что действительно выпьем? — Он почесал в затылке. — Выпьем! За то и за се... Ну, пейте. Пусть будет нам жить веселей.

Степка крутнул головой, и звонко чокнулись стаканы. Ночь была светлая. Теплая. Степан вышел и завел патефон. Тот патефон, которым премировали его.

— Хороша музыка. Хороша песня.

Весело было в тот вечер. Река текла спокойной... На другом берегу широко открывались поля, деревни, пожни. Горели на запани огни ярко. Стучали плотчики, и неслись оттуда крики:

— Скорей! Шевелись... Наддай!..

В тот год Степан Первышин заслужил себе славу хорошего бригадира и опытного плотчика. Зимой он работал в лесу, изучая несложный труд лесоруба до самых мелочей, стараясь и тут работу наладить по-новому, наперекор отцовским привычкам.

В конце 1935 года Севлес направил Первышина для работы в Харовский леспромхоз. Он ехал туда, чтобы научить людей работать по-новому. Из леспромхоза ему дали путевку в Семигородную.

Когда стемнело, люди принесли в бараки веселый говор и запах холода.

В столовой гремела посуда. Люди ужинали.

Степан Антонович подвинулся к бригадиру Филатову:

— Сколько вырубил? — спросил он, испытующе посмотрев на Филатова.

— Мало! На бросовом лесе нормы не дашь. Полтора кубометра в силу налаживаем, иногда и по колу приходится. Пила ломается. Вот уже пять сломал. Не могу присноровиться. Выйдем утром. Думаешь размахнуться. Как принажмешь, да крякнешь, глядишь — пила чик, и сразу в разгон два конца. Не ладится у меня с лучковой.

Степан Антонович вынул из кармана книжку. Раскрыл ее. А в ней когда-то он записал рассказ лесоруба из Матросовского лесопункта: „Лучковая пила, как неподатливая красавица, требует внимания и ухода. Ржавый предмет не способен к жизни. Пилу от ржавчины надо уберегать. После работы пилу надо обтереть, потом слегка смазать машинным маслом. Если нет машинного — ружейным. Пила не любит, когда ее насиливают. Она сама свободно идет в дерево. Не жми, не рви, работай плавно“.

В этой неказистой книжечке Степан записывал опыт работы в лесу и на сплаве, какой ему приходилось испытать, или о каком приходилось слышать когда-нибудь.

Он закрыл книжку. Положил ее в карман и вышел. Шагая по поселку, он думал о том, как изменился труд лесоруба. Раньше рубили лес топором. Хлыст свалят, отрубят комель, да топором же и раскряжевывают.

В Пинюге о пилах понятия не имели.

— А об этом старики и в сказке не мечтали, — кивнул он на гудящий мотовоз, который приволок из леса 10 вагонеток бревен.

В большой белой комнате, куда пришел Степан Антонович, было ужелюдно. По стенам висели плакаты. И на одном из них он прочел:— „Привет стахановцу Первышину“. Прошел вперед, а позади слышал, как шептали:

— Полномочный приехал...

— Из края...

— В лес бы его. К елке. Пусть на деле покажет.

Собрание открывал инженер Семигородного лесопункта Ширяев. Доклад его о стахановском движении был переполнен разными „факторами“, „стимулами“, „калькуляциями“ и т. д. „Не то им надо,— подумал Степан.— Расскажу своим языком без „стимулов“.

Первышин посмотрел в книгу:

„Развод у пилы-дровянки должен быть нормальный, не более пяти миллиметров. Острая пила в дерево, что бритва в репу, пойдет. Тупая — намучает. В деланку придешь, обдумай, куда валить. Людей без дела не гоняй. Минуты дороги. Поставь каждого на отдельный процесс. Не расставишь — намучаешься. Перед бригадой не задавайся, носа не гни. Не расскажешь лесорубу правил валки, браку не оберешься“.

И вот слово дали Степану. Окинув серыми глазами лесорубов, он простыми словами рассказал о своем опыте работы. Лесорубы сидели тихо и внимательно смотрели на Степана.

— А как надо силу расставить на работе?— спрашивал себя Первышин,— и отвечал сразу:— по потоку!

— Ты бы показал нам?— перебил его старик с взлохмаченными волосами, сидевший в углу.

— Для этого и приехал. Меня послал Севлес. Я только что приехал из Казахстана. Туда на празднование ездил. Пятнадцатилетие ихней республики. Домой некогда ехать: пленум КИКа скоро. Вот меня и послали помочь вам. Чем могу, помогу.

И он продолжал рассказывать как лучше организовать труд, как точить и ухаживать за пилой, топором и о многом другом.

— По-моему, так,— заключил он,— а вы посоветуете, может лучше? Просил бы вашего совета. Расскажите.

Лесорубы улыбались. Им приятно, что у них спрашивают совета.

— Что же это такое?— протянул свою руку из угла старик. Его черноватая борода уперлась в грудь.— Приедет полномочный... Опять же собрание. Поговорит и уедет. А этот накось?— тряхнул он бородой.— Просит опытом поделиться. Коли скоро это так, то я скажу... Я у Федотова глядел лучок. Обидно, что ломаются. Думаю, почему? Верно, пила ржавеет. Это от небрежности. Но у него тетива слабо натянута. Пила войдет в дерево. Он этак с силой дернет ее, она—цык и все... Второе место. Не стоит на сжигание сучьев отдельных людей ставить. Коли скоро это так, то авралом сжечь сучья можно. Ну, я кончил.

Поднялся Чекалев. У него простодушное лицо и тихий голос. Он немного волнуется:

— На мелкотоварнике больших норм не выполнишь.

И его сразу перебил десятник, доказывая, что и на мелкотоварнике можно дать нормы.

— Надо, чтобы мы за четыре километра не ходили попусту, — поддерживали молодыедесятники. — Обед и завтрак кухня в термосах должна подвозить в делянку.

Первышин молчал и, наклонив голову, слушал споры. Лесорубы предлагали свои советы и соображения.

Дельные мысли Степан Антонович сейчас же записывал в свою книжку: „Завтраки и обеды нужно носить в делянку. Тетиву натягивать ту же. Освободить вальщиков от исканья для валки хлыстов“.

*

Начальник лесопункта послал Степана в бригаду Лобачева. С рассветом он вышел в лес вместе с бригадой. В пути рассказал ей, как нужно рубить лес:

— Потоком работать будем. Так не будем застаиваться... Скажем, вальщик чуть зазевался, его окорзовщик догонит и будет ворон считать. Надо, чтобы все на потоке шло слаженно. Быть всем, как один. Я бригадир... Что скажу — делай. Ослушаешься — накажу.

В делянке лес был тощий. Выпрямился Степан. Скинул меховую тужурку и остался в одной телогрейке. Натянув потуже тетиву у пилы, он ловко положил ее в дерево.

— Пошли! — сказал он.

И, словно по сигналу, вдруг все ожило. Вздывая пыль и подбрасывая вверх сучья, падали ели, сосны. Лучковой пилой Степан владел лучше, чем ложкой за обедом. Движения были легкие, плавные. Он работал без всякой натуги, а размеренно и вольно.

— Держите пилу ровно с небольшим наклоном, и она сама пойдет,— учил Степан.

Вальщики работали дровяной. Их подгонял Степан. Он, подходил к ним и укорял.

— Стыдновато, ребята. Моложе меня, а поддаетесь.

Ребята раньше так не работали. С прохладцей рубили, закурки были, а нарубали курам на смех. На доске, где ежедневно отмечались показатели работы, у Лобачева всегда стояли единицы. С непривычки-то показалось тяжеловато.

Вечером у Степана с бригадой был разговор долгий.

— Двое из ребят домой ушли,— сообщил Лобачев. Степан принял это сообщение спокойно и ответил:

— Других возьмем.

А другие пришли без зова: „Работать будем. Хотим...“ На шутку Степана они упрямо повторили: „Хотим работать. За этим пришли“.

— А работать, так работать,— решил Степан.— Учиться будете, высокий заработок добудете. Ну, что вы зарабатываете по 3—5 рублей. На этом лесу я бы взял полторы десятки в день.

На второй день бригада выработала по 4,5 кубометра, норма была перевыполнена на 150 процентов. На следующий день дали по 7 кубометров на человека. Лесорубы сначала не поверили.

— Ему десятники приписывают...

Услыхав эти разговоры, Степан только улыбнулся. Его работу хронометражировали два лесоруба, проверявшие Степанову выработку. Краснеть пришлось. На

мелкотоварнике, где лесорубы давали по полтора кубометра, в этот день бригада Степана дала 7,5 кубометра на каждого.

— Мил человек, Степан Антоныч,— заговорил вечером Чекалев,— мы тебе верим. Приди ко мне в бригаду, покажи нам, как надо работать.

За несколько дней работы на Семигородном лесопункте Степан побывал во многих бригадах. Вечером у него всегда было полно народу. Подолгу засиживались люди за простыми задушевными разговорами. Полюбили лесорубы Степана.

Однажды, по возвращении из леса, в бараке его встретила рассыльная:

— Степан Антоныч, тебя к телефону, из Семигородной звонили. Что-то серьезное. Меня за тобой десятник послал.

Не переодеваясь, Степан поспешно вышел из барака. В конторе с улыбкой встретил его десятник, улыбались и конторщики. Степан недоверчиво посмотрел на них, стараясь догадаться, чем вызваны эти улыбки. Из Семигородной инженер Ширяев передавал Степану постановление правительства о награждении инициаторов стахановского движения. В числе их и он — Первышин — лесоруб Северного края награжден орденом Трудового Красного Знамени. В голове шумело. Просил еще и еще перечитывать постановление. Когда удостоверился, спокойно повесил трубку и широко улыбнулся.

— Поздравляю, Степан Антонович, с высокой наградой!

Степан сел на стул против начальника.

— Поработали неплохо, — говорил начальник, — норму перекрыли в четыре раза. Оказывается, что и на мелкотоварнике можно большую выработку давать. Все можно делать, товарищ. Все. С таким, как вы, да у нас в стране можно цветы вырастить под снегом. Все можно...

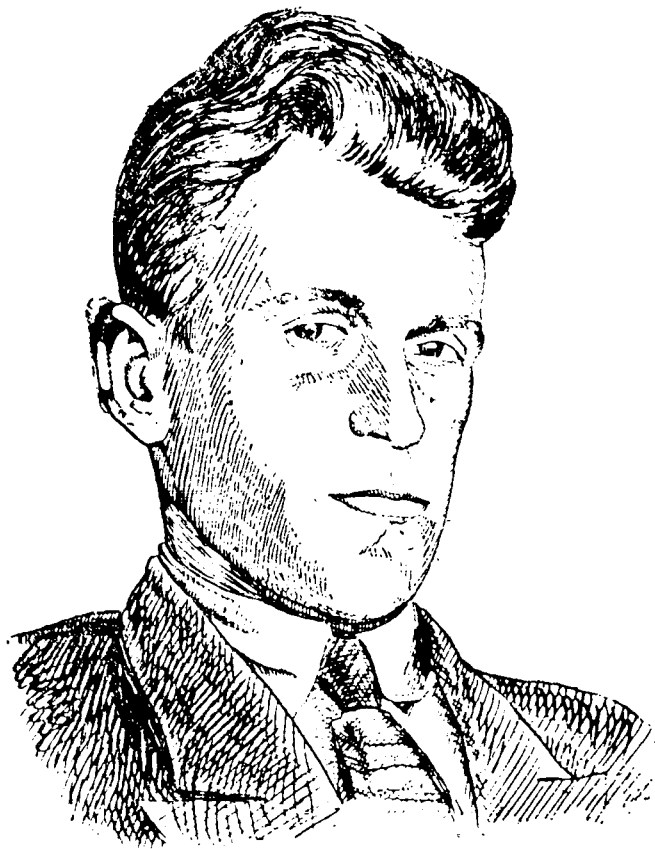
Степан засмеялся.

Вбежавший конторщик сообщил, что подан мотовоз и Первышину приказано ехать в Семигородную.

— Поезд на Архангельск отходит в пять часов вечера, — прибавил он.

ЕФ. ТВЕРДОВ

РАССКАЗ О ПРОСТОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Василий Михайлович Белов
Награжден орденом Трудового Красного Знамени

Много прошло дней... Много выпало снега. А память крепко держит ослепительно-яркие воспоминания о поездке в Москву. Эти воспоминания на морозе согревают сердца и заставляют улыбаться.

Москва... Огромные здания вздыбились к небу стройными линиями. Много людей. Они идут быстро, куда-то спешат, и их останавливают только белая милицьяская перчатка или светофор, как семафор останавливает движение поезда.

Метро... Комсомольская площадь. На отполированных камнях вестибюлей и на мраморной лестнице играют лучи электрических фонарей.

.
Сейчас он только что вернулся с занятий политшколы. Совсем недавно,— это тоже памятно для него,— к нему в комнату пришел парторг базы Котомин.

— Так что, Вася, тебе, милый, придется руководить комсомольской политшколой,— сказал он, улыбаясь, и протянул Белову программу и учебники.— Подчитай. Без подготовки не ходи...

И ушел. Василий не успел даже отказаться.

— Ладно,—подумал он.— Небось справляются другие, и я тоже справлюсь.

Он бережно поднял со стола книгу, перенес ее на полку. Потом, отогнув тюлевую занавеску, посмотрел в окно. Сквозь иней, облепивший стекла, Василий ясно увидел свет от трактора, который медленно двигался по трассе.

„Возвращается кто-то из поездки“,— подумал Василий. Он включил репродуктор. Потом подставил под ноги стул и лег на кровать. Приятно было под музыку закрыть глаза и немножко помечтать, но из репродуктора до Василия Михайловича доносились слова:

— „Лучшие ударники колхозных полей Бурято-Монгольской автономной советской социалистической республики на приеме у председателя Совета Народных Комиссаров товарища Молотова...“

Василий Михайлович поднял голову. В его памяти сразу же всплыли знакомые места. Кремль. В приемной товарища Молотова делегация знатных людей лесной промышленности Севера ждала главу правительства. Открылась дверь, и в нее вошел Молотов, следом за ним — Чубарь, Лобов. Как-будто это было вчера...

*

— Говори! Говори!.. Кто обогнал?

Но Котомин молчал, подсаживаясь к столу. Белов не унимался. В его глазах было беспокойство.

— Да говори же скорее, кто обогнал?

Котомин так же спокойно и молча развернул газету:

— Вот видишь,—и он ткнул указательным пальцем в обведенный карандашом столбик,—читай сам.

Василий Михайлович взял газету и, когда прочел, уже спокойно сказал:

— Так что из этого?.. Разве другому нельзя делать рекорды? Это неудивительно. Огарков вывез 442 кубометра на девяти километрах, а я вывезу на двенадцати.

Сказал он это и снова было прилег на кровать. Но лежать он больше не мог... Встал и сел за стол перед Котоминым.

— Вот что я тебе скажу. В пути, когда я возвращался с делегацией из Москвы, я делал подсчеты карандашом. Подсчитывал, сколько же все-таки сможет вывезти трактор. И, ты думаешь, что же?

Котомин уставился на него вопросительным взглядом.

— На нашем „сталинце“,—продолжал Белов,—можно вывезти по хорошей дороге и все шестьсот. Да-да. Шестьсот. Не веришь? Прикинь.

И Василий тут же с карандашом в руке высчитывал нагрузку на трактор.

— При этом,—говорил он,—нужна особая смекалка: как трогать состав с места. Нужно умение втягивать состав на маленькие подъемчики. Нужны сноровка и расчеты, без которых ты ничего не сделаешь.

В комнату вошла жена его Пелагея. Она в большой глиняной вазе несла цветок.

— Какая красота!—заговорила она.—Видишь, какой пышный. А знаешь, Вася, как этот цветок назы-

вается?— не дожидаясь ответа, она продолжала:— китаяская роза. Как-будто из Китая. Китай-с-к-а-я...

Василий Михайлович придвинул к окну табурет, и жена бережно поставила на него цветок. Потом все трое они окружили цветок, рассматривая распустившиеся его лепестки. Василий Михайлович, улыбаясь, проговорил:

— Цветы... Да... действительно цветы. Цветы, знаете ли, товарищ Котомин, всегда напоминают детство. Вот такие же цветы были у моей тетки Дарьи Ефимовны. Зимой цвели.— Потом он глянул на жену и мягко сказал ей:— Палаша, поставь самовар. Чайку с Котоминным попьем, а за чаем и слова найдутся.

*

Василий родился в тот самый момент, когда в бывшем Санкт-Петербурге на площади у Зимнего дворца были расстреляны сотни рабочих, веровавших еще в милость царя. Но сам Василий не помнит этого. Не помнит, когда горела в их округе усадьба помещика князя Гагарина. Отец Михаил Евстафьевич ему не рассказывал, а мать Наталья Васильевна умерла рано.

Но одно очень хорошо запомнил Василий.

Деревня Александрово недалеко от Рязани. До станции Гагарино два часа езды на почтовых лошадях. Дорога проходила большими полями, принадлежавшими князю Гагарину. Его усадьба раскинулась на несколько километров. Деревень в Александровской волости много, а земли — клочки. Земля была барская. Половина крестьян работала на князя Гагарина.

Отец Михаил Евстафьевич, уходя в солдаты в империалистическую войну, долго гадал,— на кого оставить детей, а их у него было трое. Старшему сыну Афанасию было тогда 11 лет, а дочери Аннушке — 9 лет. А в хозяйстве нехватало даже хлеба. В стойле всегда докучливо ржала гнедая кобыла Старуха. По зубам отец Михаил Евстафьевич определял ей не менее тридцати лет, а тридцать лет — кобылий век. Но у Афанасия, Василия и Аннушки были большие холщевые торбы. На это и надеялся Михаил. Он позвал к себе свою сестру Дарью. Дарья тогда работала у князя Гагарина.

— Дарья Ефимовна,— отец низко поклонился сестре, сдерживая свое сердце,— я ухожу на войну. Приголубь моих сирот.

Каждое утро тетка приходила к ним в избушку, ставила на колени и заставляла за ней читать „Отче наш“ или „Царю небесный“. Это проделывалось ежедневно по три раза в сутки. Однажды, когда у Василия болел живот, и он не вышел на молитву, тетка забеспокоилась и спросила:

— Где младшой?

— Брюхо болит,— ответили дети.

Дарья разгневалась. Побила Василия ремнем и поставила его за двери, выбросив ему торбу. Он не плакал. Надел торбу и пошел из деревни. Шумел теплый ветер в высоких травах. Порхали трясогузки, стрекотали кузнечики, и мир заливало солнцем. Василий шел побираться. Проходя мимо усадьбы Гагарина, он невольно остановился. На бровке дороги лежала девушка.

Она была бледная и чуть выговаривала непонятные ему слова.

— Это во сне,— подумал он и повернул девушку. Из ее рта лилась яркая кровь.— Что с тобой?

Но девушка не отвечала. Тогда он вновь вернулся в деревню. Рассказал об этом брату и, взяв несколько сухарей, пошел к девушке. Размочив сухари, он дал их ей, и, когда на землю упала роса, девушка пришла в сознание и рассказала, что ее ударила машина.

— Машина?..— недоуменно открыл рот Василий.— Прямо с рельсов?

— Нет. Она по дороге бежала.

Только успела проговорить это девушка, как автомобиль, оставляя позади себя пыль, пронесся перед глазами ребятишек. Василий встал. Улыбнулся.

— Бегает,— проговорил он,— сама. Хорошо бы на ней подкатиться. А тебя как зовут?— спросил он у девушки.

— Зинкой.

— Ты откуда?

— Из Рязани.

— Мать есть?

— Нет.

— Отец?

— Папка пришел с войны без ног и послал меня собирать куски.

— Пойдем вместе. У меня тоже папка на войне сражается. Немцев лупит.

Три месяца они побирались вместе, ночуя под кровом ночи в больших полях Рязанской губернии. По-

том целую зиму провели в деревнях Тверской губернии, выпрашивая милостыню на пропитание. Но при каждом удобном случае Василий вспоминал машину, приговаривая:

— Эх, Зинка, нам бы машину! Сел бы я и увез тебя туда, где много хлеба.

Зинка, прижавшись к нему, тепло дышала. Но слякотная осень их разлучила. Зинку он оставил под Москвой. Ее положили в больницу. Было тяжелое время. Империалистическая война кончилась. С фронтов ехали вооруженные люди. Василий Михайлович вернулся на родину и застал там отца. Тяжелые окопные дни наложили на Михаила Евстафьевича отпечаток. Он стал неразговорчив, задумчив и зол. Очень часто без вины выгонял детей из дому, а сам после этого подолгу плакал. В 1919 году Михаил Евстафьевич женился. Мачеха не любила детей, и снова пошли трудные дни и скитания по чужим дворам.

В 1929 году Василий Михайлович очутился в Москве. Большой город недружелюбно встретил его. Работы он найти не мог, но и возвращаться обратно не было средств. Тогда он решил сделаться стекольщиком. Продав запасную одежду на Сухаревском рынке, он купил стекол и соорудил себе ящик для носки их, приобрел алмаз, стал ходить по дворам да выкрикивать:

— Вставляю стекла! Стекла вставляю! Дешево работаю, прочно и хорошо делаю!..

Работа стекольщика не прельщала Василия Михайловича. Он, пожалуй, давно бы бросил ремесло, но чем заняться? Торговать он не привык, на заводах ра-

боты не найдешь. Вот так и стекольничал да копил деньги на дорогу.

Однажды он сидел у Москва-реки и тянул какую-то скучную песню. К нему подошел мужчина средних лет. На нем было серое осеннее пальто с большими костяными пуговицами. Шляпа с широкими полями.

— Гражданин!— окликнул он Василия.

Василий повернулся.

— У вас горево есть.

— Что это такое?

— Ну, спички.

Прикурил и, попыхивая дымом, снова спросил:

— Работаешь?

— Так, от нужды. Лишь бы на хлеб. Стекольничаю.

Человек цыкнул слюной так далеко, что она улетела в воду, и сочувственно пожал плечами.

— Сожалею,— потом подумал немного и добавил:— посоветую я тебе, мил человек, на Север податься. Там работы много. Незавидное твое занятие. Незавидное, парень. Советую пойти к Красным воротам и там порасспросить. Я слышал, что какой-то Наркомат там на работу берет.

Человек ушел. Василий задумался. На другой день он пошел в сторону Красных ворот, а счастье, видно, ему навстречу шло. На полдороге его окликнула женщина:

— Стекольщик!..

Он повернулся. Она кричала и манила пальцем зайти в квартиру. Когда зашел Василий, хозяйка ука-

зала ему работу. Во время работы у них завязался разговор. Хозяйка спрашивала у него: „Как зарабатываешь? Что поделываешь? Как с квартирой?“ Выслушав ответы стекольщика, она неожиданно переменила тон речи:

— Я, знаешь что, молодой человек,—заговорила она мягко,—я вот еду на Север к мужу. У него работы хватит.

— А кем и где работает твой муж?

— На Плесецкой начальником лестранхоза.

— А какие у него работы есть? Я хочу на машине ездить.

— Он заготавливает лес. У него и машины есть. На них лес возят.

И Белов поехал на Север.

*

Было еще темно, когда Василий вышел из квартиры. Он проходил поселком. Несколько лет тому назад на этом месте стоял досчатый гараж да несколько бараклов. А теперь тут выстроены кузница, электросварочная мастерская, электростанция, гаражи, рабочие дома... По ночам фукала электростанция, разнося свой гул далеко за пределы станции.

В гараже Белов застал механика Осипова. Его круглая кудлатая голова лежала на столе.

— Не спишь?—спросил Белов.

Осипов поднялся и вплотную подошел к нему.

— Знаешь, Вася,—заговорил он, слегка покачивая головой.— Я думаю, если бы изобрести нашему „ста-

линцу" четвертую скорость, тогда бы мы показали, где раки смогут бегать, а не ползать. Ты понимаешь,— он говорил быстро, и Белову приходилось напрягать внимание, чтобы уловить смысл его слов,— если бы это сделать...

Помолчав немного, полушопотом добавил:

— Вот отработанный газ „сталинца“ я пускаю в дело... Газ снова через особые трубы попадает в цилиндры и принимает прежнюю силу... Да, это дело...

Много ценных изобретений дал за последнее время этот невзрачный на вид человек. Он изобрел прибор для расточки цилиндров. Он заставил посредством электромагнитов работать лучковую пилу без помощи человека. Он изобрел электростанцию на колесах.

Это был целый лесообрабатывающий заводик. Позавчера только испытывали его изобретение. Осипов выехал на тракторе на биржу. Раскинул шнур. А потом заработала динамо, поставленная на трактор, и ток побежал по шнуру на 500 метров. От шнура шли розетки, в которые на расстоянии 20 метров включали электропилы, и 16 пил работали на полном ходу.

Приехал Забивкин. Осипов пошел осматривать трактор. Пошел и Белов. Он остановил Забивкина и спросил:

— Сколько привез?

— Двести пятьдесят семь кубометров.

— А Огарков вывез четыреста сорок два...

— Четыреста сорок два?— удивился Забивкин.

И сейчас же добавил:— И нам нельзя качать. Надо попробовать.

— Надо попробовать?— повторил Василий и отошел к своему трактору.— Надо попробовать,— еще раз проговорил он и в такт работы мотора почти крикнул:

— И попробуем!..

Крепко ступая гусеницами по утрамбованному снегу, трактор побежал вперед в сердце темного леса, освещая фарами колею. Почти у самого верхнего катища дорога расходилась. Одна колея шла прямо, а вторая — уходила влево.

— По которой ехать?

Вспоминал Василий январскую ночь прошлого года. На перекрестке его тогда никто не встретил. Он поехал наугад влево и понял после, что он не туда заехал. Пришлось обратным ходом выводить машину. Посадил он „сталинца“ на пень. Получилось смешно и досадно. Только с помощью второй машины освободил Василий к утру своего „сталинца“. На бюро партийной ячейки обсуждали эту ошибку Белова. Выругали. Вот и сейчас он приехал, а десятника на назначенном месте нет. Остановив трактор, Василий пошел за десятником. За полкилометра от трактора встретил Василий десятника, который шел с начальником лесопункта Евсеевым.

На двенадцатом километре Василий нашел тринадцать груженных платформ.

— Этого мало,— сказал он, обращаясь к Евсееву.— Я увезу больше.

— Сколько?

— Двадцать одну.

Евсеев сдержанно засмеялся и шутливо заметил Белову:

— Не развалишь?

Не отвечая на вопрос, Василий спокойно спросил у Евсеева:

— Куда ехать?

— Прямо на катище.

И, получив путевку, Василий повел трактор на место. Размеренно, ровно работал мотор, гусеницы отсчитывали метры. Мысли одна за другой в голове Василия бегут вместе с трактором.

В 1932 году, в один из морозных дней, он впервые сел за руль. Перед ним раскинулся широко лес во всем своем величии, и он гордый ехал дальше и дальше, и казалось ему, что трактором управлять не так уж трудно, как это думают другие.

В 1931 году, будучи возчиком на лошадях, он боялся встречи с трактором. Лошади бесились. Потом, когда он уже был сцепщиком и учился на курсах трактористов, привык к машине. Он работал в бригаде тракториста Кемова. Учился у него. Без стеснения он приглашал его на квартиру, приходил к нему сам и подолгу приятели толковали о тракторе. С каждым днем перед ним открывались новые, казавшиеся недоступными, тайны двигателя внутреннего сгорания. И, подобно врачу, Василий выслушивал тысячу раз биение стального сердца. Он по слуху распознавал болезнь механизма, но никогда не задавался, а всегда спрашивал совета механика. Все, что он знает, охотно передает другому. Сцепщик его —

Пономарев — ныне заботами Василия Михайловича стал трактористом, сдав экзамен на отлично.

У биржи Василий остановил трактор.

— Слезайте. Приехали.

Не спеша, слез он с трактора. Внимательно осмотрел погруженные платформы и сказал:

— Погрузка скверная. Можно было бы увезти больше.

Елисеев ничего не ответил, пошел к диспетчерской. Там он осведомился, сколько платформ стоит под погрузкой леса, и доложил Белову:

— Можно выводить. Двадцать три платформы есть, а восемь через пять минут подготовят.

Начинаются боевые минуты. Формировать состав надо тоже умело. Василий формирует его по-железнодорожному. В голову он ставит тяжеловесные, в середину — полегче, а позади — самые легкие. И водит он трактор уверенно, твердо. То трактор забегает чуть вперед для прицепки, то пятится, отодвигая состав назад.

— Готово! — машет рукой сцепщик.

И трактор молчком берет платформу, выводя ее к составу.

*

Солнце было уже высоко, когда Василий Михайлович закончил формировать состав. Ослепительные лучи, прорезав облака, шмыгнули по просекам, дорожкам, заиграли множеством разноцветных „зайчиков“ на снегу и макушках деревьев. Василий Михайлович надел полушубок и еще раз пошел в обход

состава проверить сцепку. Огромные платформы, наклоняясь на один бок, придерживались вспомогательными плечами (подполозками), они тянулись вдаль, и состав был похож на товарный поезд.

— Можно двигаться,— сказал он, встретясь со сцепщиком.

— Полагаю,— ответил сцепщик и быстро исчез в хвосте.

Василий Михайлович поднялся на трактор. Зарокотал мотор сильнее и сильнее. Его звук дробно шумел в лесу, и, казалось, лес притих, притаился. „Поет“,— подумал Василий о моторе и спокойным движением руки перевел трактор на вторую скорость. Когда громадные гусеницы, напрягаясь, приподнялись, он опять плавным движением перевел рычаг на первую скорость и посмотрел назад. Первая платформа тронулась с места, затем другая, третья, и уже последняя платформа сошла с места, медленно переваливаясь. Состав пошел. То стихая, то бешено шумя, работал трактор.

Трактор вел состав в двадцать комплектов на второй скорости. Рычаги управления были в руках у человека, который, казалось, слился с машиной. Сердце, слух и зрение — все было приковано к мотору.

Много составов вывел Василий из лесу. Много леса было подвезено им на катище к линии железной дороги. Но такого состава он еще никогда не водил. Его смелая инициатива и знание своего дела, знание машины еще в 1934 году оставили позади ведомственные нормы.

— Девяносто кубометров,— спрашивал он,— да эта норма курам насмех.

И он давал в 1934 году в среднем 109 кубометров на тракторо-рейс.

Он жил жизнью тех, кто честно боролся за лесоэкспорт. Вместе со всеми радовался успехам и вместе грустил от неудач. Он первый бросил вызов трактористам на индивидуальное соревнование, которое после превратилось во всесоюзное. Он скромнен и говорит мало.

Поднявшись на высокое сиденье „сталинца“, Василий действует рулями. Он видит впереди каждую неровность колеи и принимает меры. По ходу трактора он чувствует, что делается за спиной. От 98-го квартала начинается спуск и крутой заворот. Трудно на этом завороте вести состав. Малейшая оплошность тракториста, и состав, подгоняемый задними платформами, может столкнуть трактор с моста в сырую болотную грязь. Это было с одним трактористом, который понадеялся на свою удаль, хотел убежать на тракторе от напора состава и был вместе с трактором смят... На этом месте он всегда ведет машину на первой скорости, сдерживая бег состава.

Спуск окончен. Он оглядывается. Огромные нагруженные платформы, опираясь на один полоз, иногда поднимаются, встают на один бок, и кажется, что вот-вот они развалятся. Но вспомогательные ползки задерживают крен.

Полозья скрипят.

Состав подвигается к катищу.

С верхнего катища на базу было донесение: „Тракторист В. М. Белов ведет состав в 20 комплектов“.

— Двадцать комплектов!

— Двадцать!

В удивлении выкрикивали цифру 20 на перекрестках улиц базы. Эта цифра подняла всех на ноги.

В конторе счетоводы наперебой высчитывали кубатуру.

— Четыреста сорок!

— Четыреста десять!

— Триста девяносто!

Но никто еще точно не знал кубатуры. Знали только количество платформ и по ним судили.

В конторе базы, часто поправляя шапку, ходил взад и вперед секретарь районного комитета партии. За столом сидел парторг Котомин. Они готовы были к встрече простого человека, отличающегося от других разве тем, что в кармане у него лежит партбилет.

— Е-е-дет!..

И все вышли навстречу. Как и обычно, легко и властно управляя рулями, Василий Михайлович провел состав на катище.

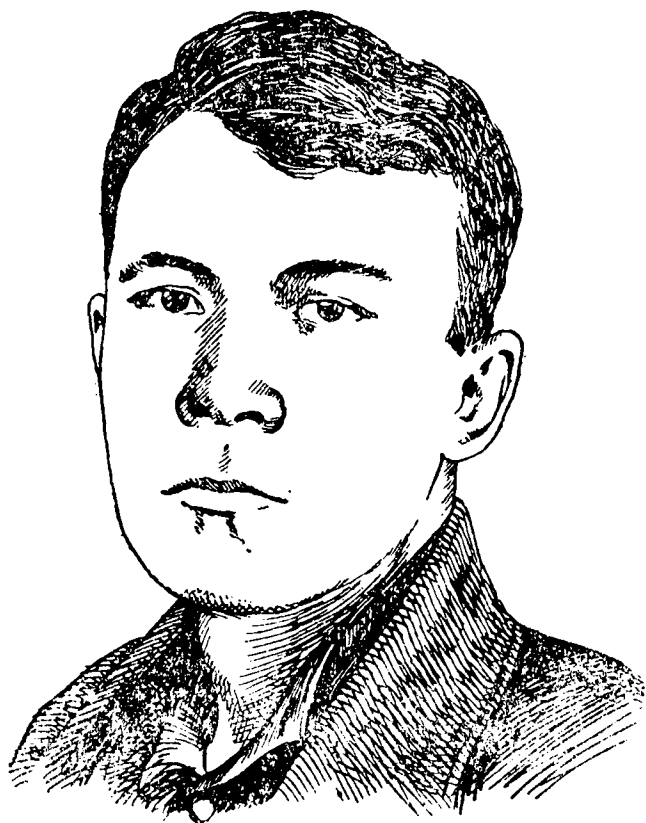
После, когда он поставил трактор в гараж и расписался в акте о сдаче трактора старшему трактористу, его обступили. Это был рейс 27 декабря 1935 года...

Как все стахановцы, Белов подрубал старые технические нормы и творил революционное дело.

Правительство отметило его заслуги, наградив орденом Трудового Красного Знамени.

ВЫЛЬ ПАШ

АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ

Антон Васильевич Карманов

По обеим сторонам дороги высятся мохнатыми шапками стройные, сонно покачивающиеся сосны. Кругом тишина. Слышно только, как под санями скрипит снег, да ямщик хрипло понукает лошадь. Но вот между деревьями замелькали огоньки. Проехали мостик через речку Чуим, и перед глазами выросли постройки.

Здесь работают ударники-лесорубы колхоза „Красный Октябрь“.

До бригады имени Колегова два километра. Начинает светать, а в бараке уже никого нет. Спрашиваю сторожиху: — Где рубит Антон?

По указанной тропе шагаем в делянку.

... Антона Васильевича Карманова я знал по газетным заметкам и фотографиям. Писали: за один сезон он заготавливает до тысячи кубометров древесины. Многие удивлялись: „Неужли может заготавливать столько один человек? Вот силач!..“

И я представлял Антона Васильевича человеком большого роста, крепкого телосложения, который легко может vorочать бревна, с одного маху переру-

бать сосну, ломать подковы... Богатырем показывали его и в газетах.

Слава о нем, как о лучшем лесорубе-ударнике, росла и распространялась на всю Коми область. Мне давно хотелось посмотреть своими глазами на его работу, открыть секрет его высокой производительности.

... Нет уже торжественной тишины, которая господствовала ночью. Лес в этом месте — светлый цех огромного завода: с грохотом падают столетние сосны, глухо стучат стальные топоры, надсадливо шаркают и звенят острые пилы. В этом валютном цехе потолок — прозрачно-голубое небо, свет — холодное зимнее солнце, пол — яркий под лучами солнца снежный покров.

Но вот показались и рубщики. По колено в снегу бредем к ним. Первого встретили Ваню Подорова * — старшего из бригады имени Колегова. С ним я знаком. Поздоровались.

— К Антону? Пойдем... Вот они... Совсем недалеко затрещало.

— Сторонись!.. — крикнул женский голос, и правее от нас с треском свалилось большое дерево.

— Это Антон. Смотри, как ворочает! — с восхищением сказал Подоров.

У комля большой сосны, помахивая нам рукой, стоял небольшого роста молодой лесоруб. Недалеко от него девушка — Саня Елохина.

* Подоров Иван Гаврилович, теперь учится в г. Архангельске, в ВКСХШ.

Тепло пожимаю руки новым друзьям. Прежнее представление об Антоне Карманове моментально рассеялось: передо мной стоял сухощавый синеглазый парень. По сравнению с плотным и коренастым Подоровым он казался совсем мальчишкой. Вот он какой Антон Васильевич Карманов, о ком я слышал столько разговоров, кого повидать собирался целый год!.. И теперь мы стоим с ним рядом и улыбаемся.

Разговаривать было трудно. Антон Васильевич совершенно не слышит: несколько лет тому назад, после тяжелой болезни, он потерял слух. Пытливыми глазами он смотрит на меня, стараясь понять мои слова по движению губ. Но у нас ничего не выходит. Тогда Антон Васильевич достал из-за пазухи тетрадку с карандашом и мы продолжали разговаривать, переписываясь.

Так я узнал, что он уже заготовил 400 кубометров высококачественной древесины. С Саней Елохиной они ежедневно заготавливают по 10—12 кубометров на каждого.

Беспрерывно со всех сторон раздается треск сучьев падающих сосен. Где-то в стороне слышны крики возчиков. Ваня Подоров, глубоко проваливаясь в снег, ушел к своим товарищам по звену. Антон и Саня разделявали поваленную сосну. Я стараюсь запечатлеть каждое их движение, понять их сноровку. Антон Васильевич смерял хлыст в двух местах, отмечая топором. Вдвоем раскряжевали его на две части. Взяв окорочную лопату, Антон стал очищать кору с комлевого бревна. Саня очищала другое бревно. Быстро и легко

ходила в руках Антона Васильевича остро-отточенная окорочная лопата. Каждый взмах лопаты очищал кору на метр, оголяя белое тело стройной сосны. Когда одна половина бревна была окорена, Антон кондаком перевернул бревно. Опять широкие ритмические взмахи лопаты...

Антон работает в одной рубашке. У него все движения рассчитаны точно; ни на секунду он не поднимал головы, пока не окорил бревно... Потом выпрямился, посмотрел на гладко очищенное бревно и сказал с улыбкой:

— Пойдет на авио...

Тем временем Саня Елохина закончила разделку второго бревна. Кудрявые волосы выбились из-под платка, лицо горит...

— Это пойдет в пиловочник,— всматриваясь в новое дерево, проговорил Антон. Он взял инструменты...

На разделку хлыста истрачено 28 минут. Заготовлено 0,95 кубометра. Иногда из одного хлыста можно заготовить три бревна — тогда выйдет больше. Меньше 10 кубометров в день на человека в этом году они с Саней Елохиной не заготавливали. Был случай, когда они заготовили в один день 32 кубометра или 93 бревна.

Антон уже у другого дерева. Топором он окорил комлевую часть, чтобы проверить качество дерева. Обойдя кругом, он осмотрел ствол сосны до вершины, и только тогда, обхватив левой рукой очищенный от коры комель и приложив левую грудь плотно к дереву,—несколько раз ударил сосну обухом топора.

— Годится,— негромко сказал Антон и стал делать подруб.

Собрав в кучу обрубленные сучья и вершину, Саня подошла к Антону.

И снова зашаркала пила... Покачнулась верхушка, с треском упала сосна, ломая и разбрасывая сучья, поднимая облака снежной пыли.

Антон и Саня работают в лесу до позднего вечера, а чуть свет они уже выходят на рубку. Днем, не заходя в барак, они закусывают около костра.

Сейчас темнеет...

Вся бригада возвращается из лесу, перекликаясь голосами. Небо, как красивый ковер, переливается многочисленными звездами. Из-за лесу поднимается бледный месяц. В бараке мелькают огни. На высоком берегу речки Чуим виднеются большие штабели леса.

После ужина из барака врываются в темноту северной ночи песни молодежи и звонкие переливы гармошки.

Сладко спит после дневной работы Антон Васильевич. Рядом спит Саня — его испытанный товарищ по работе, лучшая ударница из женщин.

*

В начале 1933 г. область была в глубоком прорыве по лесозаготовкам. И вот тогда партия объявила сталинский поход за лес. Лучшие люди из партии и комсомола были направлены на лесозаготовки работать непосредственно в бригадах, помочь им правильно расставить силы и уплотнить день.

... В феврале меня снова командировали в Палаузский лесопункт для организации социалистического буксира из лучших ударников в Ибский лесопункт.

Иба глубоко завязла в прорывном болоте. Надо было как-то помочь ей выбраться на твердую землю, отряхнуться и пойти в гору. Такую помощь ей могла оказать буксирная бригада. В нее вошли лучшие лесорубы-ударники Палауза и Багшора: А. В. Карманов, И. Г. Подоров (бригадир), А. И. Елохина, М. И. Карманов, А. Н. Карманов* (парторг), И. Е. Карманов (комсорг). Все они согласились ехать добровольно. К тому времени каждый из них дал уже по 1000—1100 кубометров древесины. С гордостью провожали нас ударники чуимских лесов.

— Покажите, как надо работать!— напутствовал нас старик Данил Иванович, завертывая цыгарку.

— Ждем победителями,— подхватывали молодые.

— Сами то не подкачайте!— отвечал Афанасий Карманов. А мы уж поработаем!..

— Пишите нам!— крикнул чей-то женский голос, когда колхозные лошади уже галопом понесли нас через чуимский мостик. Бригада запела боевую песню палаузских лесорубов:

В лесном бору белеют бревна,
Бескрайно лег за рядом ряд.
Здесь днем топор ложится ровно,
Здесь песни в сумерки звенят.

* Афанасий Нестерович Карманов в то время был бригадиром лучшей в Коми области бригады колхоза „Красный Октябрь“. Ныне выдвинут на ответственную работу в редакцию областной газеты „Лесной рабочий“.

В Ибе нас встретил председатель Коми облисполкома Ф. Г. Тараканов.*

Вечером в каждом бараке мы провели беседы, рассказывая ибским лесорубам о своей работе в лесу. Многие не верили, что за один сезон можно заготовить одному лесорубу тысячу и больше кубометров. Были и такие, которые с презрением, даже с ненавистью, смотрели на буксирную бригаду; кулацкие „агитпропы“ — как звали их тогда.

— У нас лес плохой, не можем больше заготавливать,— вдруг несмело начинал из темного угла Коповась — первый лодырь по лесопунктам.

— В Палаузе у вас золото, а не лес,— хорошо вам хвастаться тысячами кубометров, а попробуйте поработать в нашем лесу,— поддерживал его Томов.

Эти разговоры и настроения можно было сломить только примером. Через день буксирная бригада И. Г. Подорова уже работала рядом с ибскими бригадами.

*

Тов. Тараканов вспоминал:

— В 1919 году мы вот здесь гнались за белыми... По пояс в снегу брел наш маленький партизанский отряд... Догнали белых где-то у лесной избушки, и сразу между нами завязалась перестрелка... Ничего необычного. Половина белогвардейского отряда была уничтожена в перестрелке, а остальных мы захватили в плен...

* Теперь первый помощник начальника крайзу.

— А теперь вот гонимся за валютой,— заключил неожиданно Тараканов.

Мы шли с ним к нашим товарищам из буксира. Где-то вблизи затрещало и ухнуло...

— Ива-а-ан!— кричу во весь голос.

— У-у-у-у!— слышу в ответ.

Тропу загородили окоренные бревна. Здесь работали Михаил Иванович и Ваня Карманов. Первый лопатой окорял бревно, второй — рубил сучья. Левее работал Антон Васильевич с Саней Елохиной. Их почти не видно за большой сосной, толщиной в два обхвата, которую они приготовились свалить. Недалеко работали бригадир И. Г. Подоров и парторг бригады А. Н. Карманов.

Вокруг нас с треском и грохотом валились сосны.

— Здорово крутят!— говорит тов. Тараканов.— Если бы все работали так, мы программу лесозаготовок уже перевыполнили бы...

Через десять минут Федор Гаврилович ушел к другим бригадам, сказав на прощанье:

— Вашей боевой работой, ребята, гордится весь край. Работайте по-ударному, а партия никогда не забудет героев...

Вечером, когда наша бригада собралась к ужину, от секретаря партийной ячейки принесли записку: „Бригада Осипова вызывает вашу бригаду на соревнование. Там подняли производительность по рубке до 6,6 кубометра на человека, борются за 7 кубометров“...

— А мы будем бороться за 8 кубометров,— ответил Афанасий Карманов.

В первый же день буксирная бригада дала по 7 кубометров на человека, хотя лес был хуже, чем у других бригад. В то же время бригада Муравьева, работая рядом, в одинаковых условиях, заготовила только по 3,4 кубометра. На другой день буксирная бригада свою производительность повысила до 7,5 кубометра, в следующий — до 8 кубометров, а в последние дни систематически давала уже по 9—10 кубометров, выполняя дневную норму на 200—250 процентов...

Глубоко всколыхнул ибских лесорубов рекорд буксирной бригады. И вот тогда стыдно было ссылаться и на редкий лес, и на плохой инструмент. Стыдливо, а после смелее ибские лесорубы пошли за нашей бригадой, значительно повысив производительность труда. Ибский лесопункт пошел в гору.

*

В сезон 1932-33 года Антон Васильевич Карманов ручной пилой заготовил 1300 кубометров высококачественной древесины, взяв первенство по Северному краю.

Экспортное совещание при Коми облизполкоме премировало каждого члена буксирной бригады деньгами по 500 рублей и путевками на южный курорт, а президиум облизполкома всех наградил почетными грамотами.

Они были достойны этой награды.

*

С сыктывкарского аэродрома на открытом самолете Антон Васильевич поднялся в высь. Внизу оста-

лись паутины—улицы, коробочки—дома. У реки Сысолы дымился лесопильный завод. Позади остался Сыктывкар. Перед глазами Антона раскинулись безбрежные лесные пространства, разорванные Сысолой, около которой приютились деревни, сверху—хмурое осеннее небо.

Буйным ураганом в лицо бросался колючий ветер, срывая с головы ушанку. Пришлось спрятаться за стекло-козырек. Покачивает стальная птица, кренясь слегка на поворотах. Антон крепче держится за борта кабины... Но через час он уже привыкает к свисту ветра и плавной воздушной качке. Видя спокойное лицо молодого пилота, Антон Васильевич и сам успокаивается. А еще через час вдали показалась Пустошь—районный центр. Самолет делает круг над посадочной площадкой... Антон, весело улыбаясь, машет рукой.

Самолет снизился на большую и ровную поляну. Антон Васильевич вышел из кабины... Земля под ногами слегка покачивалась. Взяв чемодан, он направился к леспромхозу.

Антон Карманов возвращался с южного курорта.

По приезде с курорта Тима Антон (так зовут тов. Карманова) организовал небольшую бригаду. Взялись заготовить и вывезти 4000 кубометров экспортной древесины. Бригаде дали название „Борцы за лесоэкспорт“.

В 1930-31 году Антон Васильевич заготовил 1058 кубометров высококачественной древесины.

В 1931-32 году—1200 кубометров.

В 1932-33 году—1300 кубометров.

В 1933-34 году—свыше 1000 кубометров.

А в 1934-35 году он взялся дать три нормы (сезонная норма—170 кубометров на человека).

Вышли в лес поздно—в конце октября. Нужно было догнать другие бригады. Антон Васильевич теперь—сам бригадир. Опять он работал со своим другом Саней Елохиной. Первыми они выходили на работу и ежедневно давали самые лучшие показатели.

Бригада поняла, что спустя рукава при Антоне работать нельзя.

В этом году работа была исключительно трудной. Случалось, некоторые лесорубы грозили удрать из бригады. Рубщикам приходилось выискивать клейменные деревья на площади трех кварталов, а возчикам—к каждому бревну заезжать по глубокому снегу на довольно далекое расстояние... Колхоз выделил неважных лошадей. К тому же целую зиму возились с сеном: или долго не привозили, или привозили плохую осоку. Руководство колхоза обращало мало внимания на бригаду: „Антон,—дескать,—и так вывезет план“.

— Удерем из бригады... Смеются над нами, что ли?—говорили одни.

— Пусть Антон работает со своей Сандрой,—поддерживали его другие.

В этой обстановке и Антон иногда падал духом. Не слышит он ропота некоторых из бригады, не может хорошо рассказать, разжечь огненным словом лесорубов и возчиков. Сгоряча и сам хотел уйти из бригады, бросить все дело и перейти к другим. Но помнил он, что дал обещание взять первенство по

лесопункту, и вот он уже не мог и не хотел изменить своему слову.

Не сдался Антон Васильевич. Изо дня в день он упорно выходил с Саней Елохиной в свой квартал, пытливо, укоризненно глядя на остальных членов бригады.

В одно время выходили из барака с Антоном и лучшие ударники — Николай Ярков, А. Желев и П. Трифонов.

Некоторые не выдержали больше укоризненного взгляда Антона и со смущением шли за ним и ударниками на работу. Дисциплина в бригаде была поднята.

Работа двинулась в гору, а через месяц бригада уже вышла в передовые. В конце января бригада завоевала переходящее знамя лесопункта.

... Сысольский район по лесозаготовкам в 1935 г. плелся в хвосте. По этому поводу тов. Карманов писал: „Мне совестно за свой район... Каждый год мы были передовыми, а теперь позорно отстаем...“ Когда был объявлен двухнедельник завершения лесозаготовок, Антон Васильевич на собрании бригады подал своему помощнику небольшую записку: „К 28 марта обязательно надо выполнить план по рубке и вывозке. Согласны ли вы, товарищи, поднажать так, чтобы взять первое место по лесопункту?“

Сплоченная бригада в один голос теперь ответила своему бригадиру:

— Согласны!..

— Выполним!..

„Согласны ли вы, — пишет далее бригадир, — после выполнения плана остаться в лесу буксировать от-

стающие колхозные бригады, чтобы вывести в передовые ряды лесопункт в целом?»

— Согласны!.. Останемся!

Бригада „Борцы за лесозэкспорт“ стала образцовой. Антон Карманов вышел победителем не только как лучший ударник, но и как замечательный бригадир.

Еще выше поднялась производительность: стали давать по 9—10 кубометров на человека; усилилась вывозка. Антон иногда без шапки и ремня, в одной рубашке при тридцатиградусном морозе, сваливает деревья, ворочает бревна, работает окорочной лопатой, почти не давая отдыха Сане. Такой же горячий, как и всегда, Антон Васильевич в последние дни даже похудел, вечерами стал чаще задумываться... Но утром встает первым, будит Саню, всех членов бригады и после короткого завтрака — в лес, к столетним соснам.

28 марта бригада по лесопункту первой отдала победный рапорт секретарю крайкома ВКП(б) тов. Конторину, находившемуся в то время в Сысольском районе, и после выполнения плана осталась в лесу буксировать отстающие колхозные бригады... А. В. Карманов, А. И. Елохина, Н. Ярков, А. Желев, П. Трифонов и другие ударники бригады заготовили по 600 кубометров экспортной древесины, выполнив сезонное задание на 300 с лишним процентов. Бригада по лесопункту вышла на первое место...

Областная премиальная комиссия премировала А. В. Карманова именными часами и наградила почетной грамотой. Ценными подарками были премированы почти все члены бригады.

*

Осенью 1935 года Антон Васильевич написал в областную газету * письмо:

„В течение пяти лет я выполнял сезонные нормы по лесозаготовкам на 300 и больше процентов. В этом году, применяя в работе методы стахановцев, я обязуюсь заготовить 1000 кубометров высококачественной древесины...“

Так Антон Васильевич стал инициатором широко развернувшегося в крае движения „тысячников“.

За словом последовало конкретное дело. Уже к концу января 1936 года звено Антона Васильевича дало 1800 кубометров или по 600 кубометров на человека. А 27 марта короткая телеграмма в „Правде Севера“ гласила:

„Инициатор движения тысячников леса Коми области стахановец Антон Васильевич Карманов заготовил 1100 кубометров высококачественной древесины, заработал 2200 рублей. Взялся дополнительно заготовить 200 кубометров. За десять лет работы Карманов заготовил свыше 10 000 кубометров экспортной древесины лучшего качества. Был премирован 18 раз“.

*

Под лучами весеннего солнца речка Тыбью понесет свои быстрые воды в реку Сысолу... Сплошной массой будет плыть древесина по бурной речке. И в этой массе древесины немало будет бревен, ошлифованных умелой рукой Антона Карманова. С устья Сысолы крепкие плоты поплывут на Архангельск, к большим лесозаводам, к океанским пароходам...

* А. В. Карманов не только читает газеты, политическую и художественную литературу, но и является активным корреспондентом областных газет.

НАТ. БОЛОТОВА
М. КОНДРАШОВА

ЖЕНЯ АРТАШЕВА

Женя Арташева
Награждена орденом Ленина

Желтым пышным караваем на белой сверкающей скатерти огромного стола кажется издали на снежном поле воз яровой соломы... Воз приближается. Наш ямщик сворачивает с дороги. Пропускаем воз. На мгновение он обдает нас волнующим запахом овинного дымка, теплого хлеба, солнца, лета.

За возом движется прямоугольная фигура в теплом азыме, в толстом, застывшем на морозе, неуклюжем платке... Если бы не пушистые выбивающиеся из-под платка волосы, не бойкие, слегка прищуренные глаза, не крепкий, молодой овал розового лица,— никак нельзя было бы предположить в этой фигуре молоденькой девушки.

Мы пропускаем воз и выбираемся на дорогу. Наш возница, рабочий чебсарского пригородного хозяйства, взмахивает кнутовищем в сторону проехавшего воза и говорит:

— Вот она самая и есть, наша-то Женя.

В его голосе теплота и гордость. Мы понимаем его. Это — Женя Арташева. Та самая Женя, которая по обработке льна дала цифры, рекордные не только по Северному краю, но и по всему Союзу.

Встреча с Женей здесь, среди поля, так же неожиданна, как и радостна.

Забывши всякие условности, мы окликаем ее. Она оборачивается. Спрашиваем:

— Женя! Мы хотим обогреться с дороги у вас. Можно?

Женя улыбается. Ей, конечно, понятна наша хитрость. Не мороз, а желание познакомиться со стахановкой манит седоков к ним в избу. И, улыбаясь, Женя отвечает:

— Заезжайте, заезжаете! Пожалуйста! Я тоже скоро вернусь, только солому отвезу.

*

Мороз крепчает. Стынут поле и небо. Но уютно выглядывают из снегов небольшие аккуратные домики колхозников. Деревенька тепло закуталась в белый пух.

В деревне Савинской, в третьей производственной бригаде колхоза „Борьба“ Леоновского сельсовета, Чебсарского района, живет с родными Женя Арташева.

Женин дом невелик, но приветливо смотрит он на улицу тремя окнами нарядными, с голубой обшивкой. Приветлива и семья Жени. Старушка-мать Анна Осиповна старается обогреть неожиданных гостей. Устиляет горячую иечь одеялами и подушками, ставит самовар.

У Анны Осиповны удивительный контраст в лице. Улыбаются губы, ласковые сеточки морщин возле глаз, общее выражение лица счастливое и довольное, а в глазах остатки старой грусти. Тает с каждым годом

эта грусть, но слишком много накопилось ее раньше, до революции, в то время, когда муж Анны Осиповны, деревенский столяр, за гроши без конца работал местным кулакам ульи, мебель... В те времена копилась эта грусть, когда Александр Иванович годы маялся на империалистической войне, сидел в окопах, пропадал в плену; когда на женские плечи Анны Осиповны свалились все заботы по хозяйству, по воспитанию детей. А было их к революции пятеро. Женя родилась накануне Октября.

Сейчас детей у Анны Осиповны восемь. Девятый, старший, сын убит пять лет тому назад на гулянке. Его гибель да пожар в 1932 году, съевший избу и немудрое имущество Арташевых, вложили последние капли грусти в глаза Анны Осиповны. Старшего сына сгубили остатки темного, дикого дореволюционного быта деревни. И когда мысленно сравнивает Анна Осиповна долю обоих сыновей, рядом со скорбью о старшем, Дмитрие, цветет в ее сердце радость за второго сына — Ивана.

В 1931 году уехал парень в Бобровскую запань на сплав. Работал настойчиво. Сделался ударником. Послали его в Архангельск учиться. Окончил Ваня фельдшерские курсы, стал работать по специальности на транспорте, а потом отправился на Дальний Восток. Второй год работает он там фельдшером. На хорошем счету...

Письма его домой полны радости...

Гордится мать своим сыном. Но еще больше горда она дочкой Женей.

У Кати, старшей сестры Жени, быстрые, ловкие руки (Катя замужем в другой деревне, но сейчас она гостит у родных). Склонившись над работой, Катя умело и бойко шьет что-то из удивительно красивой яркочерной фланели, усыпанной белыми звездочками.

— Что вы шьете, Катя?

— Платье Жене. Сестричке недосуг особенно заниматься шитьем, а ее стоит побаловать. Я люблю шить. Уже не первое платье для нее за это время готовлю.

И тут Анна Осиповна не выдерживает. Она рассказывает, сколько премий получила Женя.

— За зиму девять платьев сшила она, косынку шелковую получила, джемпер, патефон и многое другое,— говорит старушка и, открыв сундук, показывает богатство дочери...

Крепдешин (шелк), шерсть, сатинет, батист, трикотаж, шелковые чулки — вот наряды стахановки-колхозницы Жени Арташевой. Матери хочется говорить о своей знатной дочке:

— Высокая она у нас, дородная да статная. Какое платье ни наденет,— всякое на ней, как облитое, сидит.

Клокочет, бурлит яркий, чистый самовар. На столе — густое топленое молоко, пареная брусника, вкусные деревенские пироги, жамки...

За столом — веселье, шутки, смех... Рабочий день окончен. К Жене собираются девушки. Все они идут сегодня на „веселую“, так называют в Чебсаре вечеринку.

Девушки пьют чай, подутюживают наряды, которые возьмут с собой.

Стар дядя Афанасий, но в работе он еще лют. Сызмала испорчен у него один глаз, и семью свою завести он не решился. На всю жизнь бобылем остался. К братнину гнезду прирос. Любит Афанасий своих племянников... Вот и сейчас — смотрит с печи на нарядную Женю, и сердце радуется у старика:

— Ну, и деваха хорошая ты у нас, Евгения! И платье тебе подстать. Горит оно, ровно заря вечерняя в августе на ведренный день... Глядеть любо...

Женя смеется... Еще бы! Крепдешинное платье-то! И цвет и фасон самый модный... Любо и Анне Осиповне...

— В старые-то годы копишь-копишь по крохам маслице... Год копишь. Перед святой наладишься в город... Барыне какой продашь. Так сейчас моя Женька всякой барыни наряднее... А наши-то девки и во сне не видали таких платьев раньше...

Женя смеется:

— Сравнила, мать, нынешнее время с прошлым!.. Ишь, что выдумала! Наряжаемся мы, что горожанки. А вот моемся — срамота одна...

И Женя неожиданно обрушивается на зятя — Василия — мужа Кати (он у них в колхозе на строительстве колхозной бани).

— Скоро ли вы там? Ждем давно баню-то... Надоело в печи мыться, лазить в золе да в саже...

Василий отвечает, что баню скоро dokonчат. Пять комнат будет в новой бане... Парильни... Женское и мужское отделения...

— Сварливая ты какая у нас, Женя. Намедни председатель сельсовета говорил, что и его разнесла. За что бы это?— спрашивает он.

— Как за что? Смирнов ворчит, что мы с девушками много времени на „веселье“ тратим... Я и сказала ему, что кабы он устроил межколхозный клуб, так мы бы всякие „веселые“ забыли; спектакли бы стали ставить... А у нас клуба нет... В читальне избача не найдешь... А ведь повеселиться-то охота! Мы с подружками любим поработать побольше, погулять подольше...

*

Первые числа августа. Раннее солнце заливает ровным светом широкое льняное поле. Ровный желтый лен блещет своими головками. Утро. Тишина и безлюдье...

Но вот появились люди. Косынки колхозниц яркими, крупными цветами рассыпались по полю. Работа закипела. Некогда ни оглядываться, ни разговаривать. Желтые загоны льна под умелыми руками теребильщиц превращаются в черные пятна. Приятно шуршит длинный лен в руках женщин.

Много теребильщиц на поле. Каждая из них работает на своем участке. Долгий летний день в горячей работе проходит незаметно. На горизонте с мерой в руках, похожей на печатную букву А, появляется бригадир Лебедев. Его лицо серьезно. С грязной тетрадкой подходит он к колхозницам, чтобы принять работу. Смотрит снопы, проверяет, туго ли они связаны, и чисты ли загоны. Долго ходит он по полю,

обмеривает участки, высчитывает что-то, муслит химический карандаш, затем встает на колени, и вытербленный лен стройными рядами цифр выстилается в тетради бригадира против фамилий колхозниц.

Солнце спускается за далекие крыши домов. Колхозницы столпились вокруг Лебедева.

— Ну, бабы! Поработали не плохо, а все же больше Жени никто не мог вытербить.

— Знаем, знаем, что Женя твоя любимица, лишние сотни примерил, наверно.

— И мы не хуже ее работали.

— Целый день теребишь, оглянуться некогда,— перебивают бригадира голоса.

— Да погодите вы, дайте мне договорить. Ничего я никому не приписываю. А что Женя работает хорошо, так это факт. Вот она и сегодня 22 сотки вытеребила. А некоторые из вас только по 10 дали. Проверьте, ежели мне не верите.

— А, ну тебя! Пиши скорей. Домой итти надо,— огрызнулась бойкая женщина Александра Крыжова... Женщины гурьбой направились к деревне.

Лебедев остался в поле. Он долго думал, пересчитывал и решил еще раз перемерить Женин участок.

— Дурак я. Конечно, не ошибся. Вот они — 22 сотки. Молодец Женька! На красную доску ее сегодня запишу,— решает бригадир и крупными шагами идет в деревню.

*

Осеннее утро уныло и холодно. Небо кутается в серые клочья и плачет частыми мелкими слезами.

Пустое поле неприветливо. Ноги вязнут в липкой, жидкой грязи.

Женя торопится на мяльно-трепальный пункт. Она не замечает ни дождя, ни холода.

— Летом я была лучшей ударницей,— с грустной улыбкой думает Женя:— в два раза перевыполняла всякую норму. И вот вчера целый день не отходила от колеса... Думала, что хотя норму выполняю. А натрепала только 13 килограммов. Тринадцать... Вместо 20. А позавчера только восемь. От 13 отнять 8— будет 5. На 5 килограммов больше. Сегодня, если еще 5 килограммов прибавлю, будет 18. Ладно, не буду расстраиваться. Видно, я еще не привыкла к агрегату. Надо как-то ловчей быть. Наверно, можно и не 20, и не 40 килограммов натрепать, а много больше. А ведь сколько времени уходит у нас на обдергивание повесмы. Да еще на перекидывание.

Быстро идет Женя, но еще быстрее бегут ее мысли.

Под горой между деревнями Покровской и Ивановской небольшое одноэтажное помещение с крупными окнами, наполовину заколоченными. Это мяльно-трепальный пункт. На пункте два отделения — мяльное и трепальное. В мяльном отделении стоит мялка. К ней приспособлены столы, гребни для очесывания горстей. В трепальном отделении установлен агрегат Санта-лова. На двух валах вращается по четыре колеса. Колеса усеяны крыльями — трепалами. Рядом с колесами широкие доски с вырезом для вкладки повесмы льна.

Застучал мотор трактора. Завертелся шкив, плавно побежали ремни трансмиссии и привели в движение

валы агрегата. Они завертелись в разные стороны. Одну за другою подкладывают трепальщицы повесмы под острые трепала. Кипит работа.

Сегодня Женя молчалива. Не слышно ее голоса на пункте. Она внимательно следит за движением колеса. Быстро перекладывает повесму. И все же не успевает загрузить колесо полностью. Почти половину оборотов делает оно впустую... Женя не унывает. Не может быть, чтобы колесо не подчинилось ей! И уже в следующие дни работы на пункте выработка Жени стала наивысшей. Она давала чистого волокна до 29 килограммов за смену. Женя зажигала своим примером остальных работниц. Развернулось соревнование. Обязательство трепальщиц было напечатано в краевой и районной газетах. „К 15 ноября рассчитаться перед государством“ — вот задача, которую поставили перед собой леоновские трепальщицы.

*

Домшино...

В магазине сельпо идет горячий спор. Бойкая, опрятная женщина громко говорит:

— Все врут. Не верю я, чтобы 29 килограммов можно за смену натрепать. Руки отбей об колесо, так и то ничего не выйдет.

— Мне тоже как-то не верится... Хотя кто же их знает, может и правда,—замечает другая.

Большинство собравшихся женщин выражают сомнение.

Дверь в магазин открылась. Две девушки, хорошо одетые, зашли в лавку.

— Смотри, — вот это они пришли. Сегодня будут учить наших трепальщиц работе, — шепнула первая. Вот эта, высокая-то, и есть Арташева.

— Кажись, наряжаться да краситься они мастерицы, а не работать, — ехидно шепчет другая.

Раздается чей-то смех.

— Бабоньки! Неужли они такие форсистые и на пункт пойдут? То-то наработают много!

Девушки не обращают внимания на шопот и громкие замечания женщин. Они делают какие-то покупки и выходят из магазина.

В одной из колхозных изб они надевают свое рабочее платье и отправляются на пункт.

Неприветливо встречают их домшинские трепальщицы. Они с враждебным любопытством осматривают их, переговариваясь между собой:

— Дайте им льна-то, который посырее, пушай учат... Подумаешь, какие учительши нашлись!..

— Яйца курицу учить пришли, — говорит пожилая женщина.

Женя не вытерпела:

— Учить вас мы не собираемся, а хотим передать свой опыт. Сырого льна мы трепать не будем. Волокно можно испортить. А как будем трепать? Смотрите сами.

Она спокойно и ловко забрала кучу повесмы и поднесла к указанному ей месту. Народа набралось полный пункт. Многие толпились в дверях. Всем хотелось посмотреть, как работают девушки. А девушки — две Жени — Арташева и Смирнова — спокойно, как и на своем пункте, подкладывали длинные ручные повесмы

льна и вынимали из-под трепала серебристые мягкие косы. Работали уверенно и точно. Кучи волокна росли с каждой минутой. В толпе разговоры, одобрения... Мнение колхозниц изменялось. Любопытство разгоралось. Толпа не расходилась.

Через три с половиной часа Женя Арташева отошла от агрегата и, улыбнувшись, спросила:

— Ну, что? Видели, как мы работаем? А теперь работайте вы, а мы посмотрим. Только шубы-то снимите, на работе хватит тепла. Свешайте наш лен,— обратилась она к заведующему.

За это время Женя натрепала 19 килограммов. Обычная производительность труда на Домшинском пункте была 3 килограмма на одну трепальщицу за целую смену. А тут 19 килограммов за три с половиной часа!

Немного меньше натрепала и Женя Смирнова.

Леоновские ударницы разбудили трепальщиц Домшина.

— И мы не лыком шиты,—заявили они...

И доказали это на деле. Три часа работали они под наблюдением Арташевой.. Средняя выработка одной трепальщицы за эти часы достигла 9 килограммов.

*

Электрическая лампочка тускло освещает купе вагона. Девушки тихо разговаривают.

— Нюра, а мне все-таки боязно что-то. Спрашивать, наверно, много будут, а что мы знаем? Что скажем?—делится своей тревогой Женя Смирнова.

— Ничего тут страшного нет! Будут, наверное, спрашивать, как мы работали. Так уж об этом-то расскажем,— успокаивает подругу Женя Арташева.

— Да, Женя! ты-то знаешь, что ответить. А я так первый раз и в Архангельск-то еду. И Архангельска-то боюсь,— вымолвила Нюра Снопова,

— Да не одна ты, Нюра, в первый раз едешь. Женя Арташева только и бывала там.

— Так что я тогда видела-то! Была на погрузке. Работала на бирже, только и всего. А тут, наверное, в крайком пойдем, в крайисполком.

В разговор вмешался председатель колхоза Василий Павлович Мясников.

— Не трусьте, девчата. Приедем — видно будет. Сейчас еще рано гадать, как и что станут спрашивать.

Скоро Архангельск.

Разговор продолжается... В такт ему мерно постукивают колеса. Проводник возвращает билеты. В окне вагона замелькали вокзальные огни. Белое здание плывет навстречу поезду...

Гостей в Архангельске встретили приветливо. Лучшие номера гостиницы были отведены ударницам. Хорошая обстановка, мягкие кровати с чистым бельем, вежливое обслуживание рассеяли в девушках страх. Они уверенно и гордо поднимались по лестнице дома Советов. Ударницы шли на прием к секретарям краевого комитета партии — Вл. Иванову и Дм. Конторину. Руководители крайкома и крайисполкома тепло встретили колхозниц.

— Долго ждали мы героинь, а вас все нет. Давайте, побеседуем, как вы работали, как готовитесь к посеву будущего года,— обращается к девушкам Вл. Иванов.

Отвечает Женя Арташева. Сначала заметно волнуется, но скоро от смущенья не остается и следа.

— Земля у нас, Владимир Иванович, подготовлена. На будущий год мы лен будем сеять по клеверищу, 30 гектаров вспахано под зябь. Верно, что мы подзатянули обработку льна, вместо 15 закончили 23 ноября. Мешали простои из-за поломки трактора и из-за горючего.

Колхозницы рассказывают, как они работали, как добились высокой производительности труда, как учили работать других колхозниц и подтягивали отстающих.

Беседа подходила к концу. Владимир Иванович спрашивает девушек, что они намерены делать по возвращении из Архангельска.

— Как только приедем, отправимся в Юрченский сельсовет. Покажем там, как надо работать,— отвечает Женя.

— А ну-ка, попробуйте выработать в этом сельсовете побольше. В Калининской области дают по 70 и больше килограммов.

— Постараемся,— отвечает Женя. Можно выработать и 70 килограммов за смену. Но у нас так поставлено дело, что каждая трепальщица сама должна убирать костру. Три раза в смену на полчаса останавливается агрегат, чтобы очистить место от отхо-

дов. Можно организовать дело так, что костру будет убирать один человек, только нужно поднять машины и между ними сделать полотно.

Предложение Жени было принято.

Президиум крайисполкома премировал ударниц. Это была первая краевая премия Женя Арташевой. Она — стахановка.

*

Попрежнему вертятся колеса агрегата. Женя спокойно и уверенно вкладывает в разрез доски повесмы.

— Что это такое? Почему костра не отлетает?— беспокоится Женя.

Проводит рукой по повесме и обнаруживает, что лен подают непросушенный. Женя молчит. „Простая случайность“,— думает она. Но „случайность“ настойчиво повторяется... Все чаще и чаще идут сырые и гнилые повесмы. Женя не выдерживает и обращается к подавальщику:

— Почему вы мне то гнилой, то сырой лен подаете?

— У нас весь такой. Лучше этого нет,— оправдывался Виноградов.

И попережнему получает Женя сырые кучи льна. Вредители не удовлетворяются этим. Их цель — скомпрометировать лучшую стахановку — Женю Арташеву, помешать ей выполнить обязательство, данное краевому комитету партии.

Простои на пункте становятся не редкостью. То трактор остановится, то тресту не насушат.

Женя нервничает. Ей хочется и на бекаревском льне показать себя... Ей мешают...

Печальная и расстроенная, возвращается она домой. Пропала ее прежняя веселость. Женя спрашивает мать:

— Ну, что мне делать, мама? Сегодня опять вместо восьми часов работали не больше пяти, а остальное время стояли. Знаю я, что кто-то нарочно мешает нам в работе, а кто? Никак не могу понять.

— Да из-за чего простои-то были?

— Тресты сушеной не было. Да и сушат никуда не годно. Пока треплешь одну повесму, можно бы десять оттрепать. То сырую тресту подадут, а то еще и так было: возьмешь в руку, как-будто повесма хорошая, а положишь под било,—вынешь оттуда—один оскомелок. Лен весь под трепало свалился.

— А почто бы это?

— Гнилой лен-то подавали, вот и выработай на этакое льне много.

— Ты бы сказала кому-нибудь об этом...

— А что, мама? И верно! Надо будет написать в редакцию.

Женя пишет письмо в Чебсару, в районную газету. На небольшом листочке она рассказывает, как ей мешают работать.

Через несколько дней приезжает на пункт прокурор. С помощью ударниц, подруг Жени, он устанавливает, что Виноградов и Александра Артеева умышленно вредили на пункте. Вредители были убраны. Девушки с новой силой и энергией принялись за работу. Длинный, добротный лен цвета стали заполнил весы. Выработку Жени пришлось взвешивать на три веса. 145 килограммов выработала она за одну смену.

Так ответила стахановка Женя на гнусную попытку классового врага.

*

Ярко горит керосиновая лампа. В комнате уютно и чисто. У стола с папироской во рту сидит Александр Иванович. Мать, облокотившись на стол, расплывается в улыбках. Маленькие Люба и Маня удивленными глазами наблюдают за старшей сестрой. Женя открывает небольшой чемодан, ставит его на стол, достает патефонные пластинки. Льется задушевная песня... Незнакомый голос берет в плен сердца слушателей... Голос рассказывает о поле, о широком полюшке, о героях Красной армии, о девушках, провожающих этих героев... О молодых селах-колхозах рассказывает песня...

Слушают песню старики Арташевы. Слушают девочки...

Далеко унеслась мыслями Женя.

Перед ее глазами Архангельск... Пленум крайкома. Ее речь на пленуме, напечатанная потом в газете. Поездка на областную выставку в город Калинин. Красные флаги, музыка, море приветствий. Павильоны выставки, лекции, беседы, концерты, театр и, наконец, премирование: патефон...

Дверь распахнулась. За облаками пара не сразу разглядели вошедшего.

Жене принесли газеты и телеграмму из Лежского района. Телеграмма сообщала, что Анна Малова за одну смену натрепала 274 килограмма. Женя устанавливает патефон.

— А молодец Аннушка! Правда, ведь?— обращается она к матери.

— Ты о ком это?

— Да помнишь, осенью-то приезжала из Лежи? Я ее, учила, как лен трепать и как обращаться с агрегатом. Три дня она у нас жила. Рассказывала, что больше 10 килограммов никак не может натрепать. А теперь смотри: 274 килограмма! У меня еще не было такой выработки. Я рада за нее, но все-таки не уступлю ей, не сдамся. Завтра же докажу это...

— Да ты подожди еще хвастать, может, и не обогнать.

— Знаешь, мама! Стаханову не обидно было, что его рекорд перекрыли другие. Он радовался, что увеличилась производительность труда везде. Так же и я рада. Ведь у нас теперь ни у кого ~~нет~~ выработки ниже 100 килограммов. Ни у одной трепальщицы. Ведь этим можно гордиться...

*

Пофыркивая, быстро бежит лошадь. Мороз склеивает ресницы... Жене тепло в санях, но ветер пощипывает нос и щеки. В кошевке за длинный путь много всего передумается... Укачивает мерное потряхивание саней... Убаюкивает скрип полозьев... Женя дремлет... На большом ухабе открывает глаза.

Мелькают огоньки деревни Бекарева. Лошадь останавливается у правления колхоза. Женя проворно вбегает в теплую избу. Стрелки ходиков показывают 7. Женя скидывает зипун, посылает сторожиху за заве-

дующим пунктом и сама отправляется смотреть мяльно-трепальный пункт. Она осматривает агрегат, мялку. Указывает заведующему на расхлябанные трепала. Требуется поправить гребни.

К началу работы все указания Жени выполнены. Трепальщицы в сборе. Засучив рукава, Женя весело и громко говорит:

— Ну, давайте соревноваться! Я берусь сегодня выработать 300 килограммов за смену.

Трепальщицы долго переглядываются, перешептываются. Часть их испугана такой цифрой, но многие соглашаются соревноваться с Женей.

В 8 часов приступают к делу. Вертятся колеса агрегата, шелестят трансмиссии... Женя обычно и ловко начинает работу.

На пункт собрались все колхозники. Всем им хотелось посмотреть, как работает стахановка. Но Женя ни на кого не обращает внимания. Она уверенно и точно правой рукой закладывает повесмы, левой рукой быстро разбирает лен. Чистое, мягкое волокно ежесекундно летит на полку.

Смена окончена. Работали ровно восемь часов.

— Взвесьте, пожалуйста, сколько я натрепала,— обращается Женя к заведующему.

Весы показывают 317 килограммов. Глафира Бойкова, соревнуясь с Женей не могла угнаться за ней. Ее куча весит 269 килограммов. И ни у одной трепальщицы ниже 145 килограммов выработки не было...

За один день обработали двести с лишком центнеров тресты.

... Спокойно села Женя в сани... Возвратясь домой, она телеграфировала:

Архангельск. Крайкомпарт
Владимиру Иванову

18 января выработала 8 часов Бекаревском льнопункте 317 килограммов тчк Рекорд Маловой перекрыт

Женя Арташова

А вскоре после этого рекорда Женя была вызвана на совещание в Москву, там она видела Сталина, Ворошилова, там она получила за свою прекрасную работу высшую награду — орден Ленина. И никогда эта поездка в Москву не исчезнет из памяти Жени Арташевой — лучшей льнотрепальщицы Советского Союза.

ЕФИМ ТВЕРДОВ

СТРЕЛОЧНИЦА БУРАЧИХИ

Пелагея Афанасьевна Давыдова
Награждена орденом Трудового Красного Знамени

Паровоз глубоко вздохнул и остановился.

— Бурачиха! — крикнул кондуктор и посмотрел на часы.

— Сколько минут стоит поезд? — спросил пассажир в полосатых брюках.

— Небольшой промежуток времени, после которого пойдет, а может быть и не пойдет, — отмахнулся кондуктор от пассажира, как от надоедливой мухи.

— Когда же, я говорю, поезд пойдет? — не отступал пассажир.

— Может быть сейчас, а может быть и после, — повторил кондуктор.

— А точнее? — наседал пассажир.

Кондуктор пожал плечами и указал на станционное здание, где у входа висел колокол.

— Когда в колокол позвонят, тогда и поезд пойдет.

Через десять минут пассажир спрашивает:

— В чем же задержка? Полагается одна минута, а мы стоим полчаса...

— Паровозу путь закрыт. Будем стоять еще час. Не все ли равно? Куда спешить...

Так было до 1930 года.

.....
Поезда идут на юг, на восток, на север и запад. Поезда идут, прорезая пространство таежных лесов, рек и гор. Поезда везут пассажиров, груз, почту. Поезда идут, и ночную темень разрезают огни паровоза. Проводник вагона протяжно кричит:

— Бурачиха!

— Кто имеет до Бурачихи билеты! Поезд стоит на станции одну минуту. Следующая остановка — Няндомы.

Машинист затормозил бег паровоза. Поезд остановился.

Станция Бурачиха!

Кондуктор смотрит на часы:

30 секунд... 35... 40... 50...

Кондуктор берет в руки свисток.

58 секунд...

Кондуктор подносит к губам свисток, и трель разносится по станции.

Выбросив клуб дыма, паровоз тронул состав. За окнами мелькали телеграфные столбы да лес, одетый в белый снег.

Поезд ускорял свой бег.

Дежурный по станции по селектору передает в Няндому:

— Диспет-ч-е-е-р!.. Диспетче-е-р!— кричит он, не повышая и не понижая тона.— Диспетче-е-р? Няндомы? Поезд №72 вышел в 22 часа 30 минут. Точно по графику движения. Могут ли на Полоху резервный 786?

Есть! Полоха... Полоха! Кто у аппарата дежурит?
Могу ли 786...

И вновь поезд уходит на перегон к югу.

Так стало в 1935 году.

*

На перрон вышла женщина. Узкая полоса света падает на землю от ее фонаря. На ней серый плащ, туго перетянутый ремнем. В левой руке сигналы. Они положены в кожаный футляр. Через плечо, на ремне, перекинут медный рожок. Она невысокого роста, у нее продолговатое белое лицо и спокойные голубоватые глаза. Вязаный гарусный платок закрывает лоб.

Она идет медленно. Часто останавливается. Наклоняется к рельсам и внимательно их рассматривает. Потом вновь поднимается и, размахивая фонарем, идет дальше. За ней бежит девушка. У девушки длинная коса. Коса бьется о пояс. Девушка размахивает бу-
мажкой.

— Пелагея! Давыдова! Пе-ла-ге-я-а!..— кричит она.

Пелагея остановилась. Девушка, задыхаясь, кричит ей:

— Тебе, Палаша, телеграмма!..

— От наркома! — подойдя, добавляет она. — Понима-е-шь?.. От наркома, мне профорг передал, и подпись Каганович... Я сама читала... Чудно... Каганович... Сам... К себе на совещание тебя вызывает.

Когда Давыдова читала телеграмму, руки ее дрожали и ноги подламывались. Долго не понимала телеграмму.

— Поздравляю, Пелагея! Поздравляю... Сам нарком как лучшую ударницу вызывает,—приветствовал Давыдову подошедший парторг.

Поняла тогда Пелагея, и на ее лице зацвела улыбка. Взяла подругу за руку и закружилась с ней от радости.

— В Москву!.. Я ведь там не бывала. Посмотрю! Тебе и себе гарусный платок привезу. С цветами беру,—целовала она подругу.

Проводив ее и парторга, Пелагея осталась одна на стрелке. Она стояла посреди пути и думала... О чем она думала? О детстве? О Москве? А может быть о любимом? В лесу было тихо. По белой просеке к горизонту уходила узкая линия пути. Вечер окутывал сизым дымом фонари.

*

Старое Завандышье. Это ни хутор, ни село. Десятка два изб, приземистых, с маленькими оконцами сползали по косогору вниз к реке. С двух сторон деревню подпирал густой лес, а с двух—пожни, по берегам реки заливной луг и маленькие клочья полей. Людей было много, а земли нет.

Шел 1916 год. Взяли в солдаты последнего ратника второго разряда Григорьева. В Завандышьи остались дети, женки и старики. Шли скупые, голодные дни. Земля истощилась и давала скудные урожаи.

Отец Пелагеи Афанасий Дементьевич тогда работал на железной дороге, числился в штате, а ратников с путей в солдаты не брали. Зарабатывал мало, и семья голодала.

— Что будем делать? Чем жить будем?

Вопрос этот вставал перед ним не в первый раз и казался Афанасию неразрешимым. Один не в силах заработать столько, чтобы семья жила прилично, а прилично у Афанасия Дементьевича считалось — это есть хотя бы овсяный хлеб с картошкой.

— А что ежели Палашке работать пойти?— обратился он раз к жене. К примеру, скажем, так: она десятку заработает да я три, и то лучше будет. Сытнее.

— А ее возьмут?— спросила, посмотрев на Пелагею, жена.

— Вон Коровины отпускают Анютку, а я что?.. — ответила за отца девочка.

— Хуже ее, что ли?

Пелагея подошла к матери:

— Я помогу вам да и сама оденусь. Все девки нарядные ходят, а только я одна в домотканой юбке. Не задерживай, мамань, пойду.

В сорок лет спится меньше, чем в детстве. Татьяна Прокопьевна открыла глаза. Было еще темно. Услылав в кухне шорох, мать окликнула:

— Это ты, Палаша?

— Я, мама, — отозвалась Пелагея, надевая на ногу лапоть.

— Ты что так рано?

Пелагея подошла к матери и, взяв ее руку, с дрожью сказала:

— Я, мама, пойду?

Мать в испуге приподнялась на кровати и, глядя в глаза дочери, заговорила:

— Куда ты, моя девочка? Ведь еще ты молода. Где тебе заработать!

Но Пелагея прервала мать:

— Мама! Я ведь здорова. Ты помнишь, я мешки картошки носила на плечах. Ведь плечи после этого не болели.

Понимающе кивает Татьяна Прокопьевна. Слезы потекли по щекам; ей жаль дочки. Жаль ее раннего детства, которое пройдет в кропотливом труде. Но и выхода не видит Татьяна. Она щурит свои глаза. Встает с постели.

Пелагея с матерью молча шли по дороге к станции. Татьяна Прокопьевна считала себя виноватой перед дочерью, что так рано отпускала ее на работу. Пелагея же чувствовала, что она обидела мать своим уходом из дома.

Вместе с Коровиной, белокурой девочкой, Пелагея пришла из деревни на железную дорогу. Полустанок Бурачиха — Няндомы принял их и поглотил в кропотливой работе. Тогда и дети нужны были транспорту. Тогда и дети работали, как взрослые. Первые дни были тягостны. После работы ныла грудь, а руки немели. Долгими вечерами в казармах слышалась задорная гармоника и пьяные песни, насмешки над девочками. Но Пелагея была спокойной и равнодушной, она даже подшучивала над собой, как взрослая, хорошо знающая жизнь.

Работая на путях, она училась у старого мастера образцовому ведению путевого хозяйства. Она спрашивала у него о правильном содержании путевых

насыпей, надоедала ему всякими расспросами, так что мастер раз с сердцем сказал ей:

— Не бабьего ума это дело. Ни чорта не поймешь, Палашка, в нашем деле...

Но Пелагея вновь расспрашивала мастера, когда тот бывал в хорошем настроении..

*

Шел конец 1917 года. Дни были тревожные. Днем и ночью проходили поезда. Из телячьих теплушек доносился шум, громкие солдатские песни. На вагонах висели плакаты: „Да здравствует власть советов“... Не раз видела Пелагея, как люди в шинелях требовали к себе начальника станции и предлагали ему немедленно отправлять состав. Когда упирался начальник, ему угрожали оружием.

В эти тревожные дни многие железнодорожники покидали транспорт. Они шли в деревню, уходили искать более сытной работы, а некоторые просто побирались по деревням. Не понимала тогда Пелагея многого. Но на транспорте все же осталась.

*

Снег сыпался могучим потоком. Из будки вышла Коровина.

— Не слышно поезда?— спрашивает она у Пелагеи, подойдя к стрелке.

— Нет!

Пелагея поднимает на нее глаза.

— Стрелки-то надо почище держать. Последний раз принимаю от тебя так. Понимаешь ли, что мы должны о стрелках заботиться больше, чем о себе?

Подойдя к Пелагее вплотную, Коровина говорит полушопотом:

— Это верно, Пелагея...

— Чего верно?

— Верно ты говоришь... Надо мусор за собой подчищать. Опрятность надо соблюдать.

Пелагея долго смотрит на свою подругу и улыбается, когда Коровина, взяв метлу, начала расчищать стрелку.

— Помнишь, когда я бригадиром по ремонту пути была,—говорит она, обращаясь к Коровиной,—и ты была в моей бригаде? Мы тогда обе любили путь. Наш участок был образцовый. Мы обогнали бригаду мужчин. Работали полегоньку, а норму ежедневно перевыполняли. Мы победили бригаду мужчин. Мы добросовестно и честно относились к работе. Да и сейчас... Ну, что я тебе рассказываю. Сама знаешь,—и Пелагея, довольная, направилась в будку.

Стены будки увешены приказами, покрытыми пылью. Они уже почернели и стали неразборчивыми. Они висят на стене с 1924 года. Пелагея с горечью стала сдирать их со стен. В будку вошел начальник станции Бурачихи, худощавый, с бледным лицом.

— Что это?—взглядом показал начальник станции на содранные со стены приказы.

— Это старье. Хочу обновить будку. Я хочу сделать ее образцовой.

— М-да... Это верно,—Начальник станции добродушно положил руку на плечо Пелагее,—Это хорошо. Я поддерживаю.

Улучив минуту, Пелагея попросила начальника:
— На стрелках у нас безобразие. Чистоты нет. Стрелки обезличены. Прикрепите всех стрелочников к стрелкам. Пусть знает каждый свое место.

Начальник ушел. Через несколько дней было трудно узнать старую постовую будку. Сейчас в ней чисто. Новые портреты и плакаты украшали стены. Пелагея стояла у приказа и с трудом читала его. Недавно она познала азбуку.

Небо в этот вечер было угрожающе черным. Сильный ветер поднимал снег в воздух и кружил его. Снег осыпался в сугробы. Сугробы вставали высокие, как поставленное укрепление. Но пурга не может остановить движения. Поезда проходили и в эту ночь. Их нельзя было остановить. С новостроек телеграфировали об остановках. Тридцать три раза в эту ночь Пелагея очищала стрелки от снега. Девять пар поездов пропустила она. Поездов с лесом — метро и новостройкам, с машинами — Северу.

Начинался рассвет. Ветер усилился еще больше. Он трепал крыши строений, метал снег, строил сугробы.

В эту сумятицу проходил почтовый поезд. Пелагея принимала его на второй путь. Тысячи людей мирно спали в вагонах, спокойные и счастливые. Поезд на стрелке прошел быстро. Но в этом беге, стоя у переводного бруса на стрелке, Пелагея уловила посторонний, тревожный стук. Почувствовала сердцем нелад-

ное. Быстро переведя на выход стрелку, она вбежала в будку:

— Алло! Начальник! Слушаете? Товарищ... Посмотрите паровоз. Что-то у него болталось и стучало.

Она в волнении захлебывалась словами, и от этого ее тревога еще более росла.

Через несколько минут Пелагее позвонили. Говорил с ней сам начальник станции:

— Сорвался рычаг тормозного крана и подножка. Спасибо...

Спокойной вышла она из будки. Пошла по пути. Шпалы были поцарапаны и на стыке срезано несколько болтов: шестигранные гайки лежали на снегу. До самого моста часть стыковых болтов была чем-то изуродована и головки срезаны. На четверть километра стыки рельсов были расшиты. А вдалеке, высоко на небе загорелись огни прожектора. И двинулись огни к сердцу Пелагеи. Скоро должен быть поезд. Она бежит обратно к будке и наталкивается на Коровину:

— Подружка! Беги к мастеру, скажи, путь неисправен!

Коровина убежала.

Пришел мастер. Пришли рабочие. Починили путь. Поезд с лесом пошел на Москву без задержки.

*

В комнате светло и чисто. Пахнет земляничным мылом. На стене тикают ходики. В переднем углу висит портрет Ильича. На комодe цветы и маленькие статуетки. Заслышав в коридоре шаги, Пелагея бережно закрывает книгу и, не разгибаясь, смотрит на

входную дверь. Коровина крадется медленно: ей хочется обнять Пелагею, но, видя, что Пелагея смотрит на нее, бросает на стул поддевку, сигналы и улыбается.

— А ведь твое предложение о прикреплении к стрелкам, хорошее предложение. Обезлички не стало. Одна красота. Приходишь на стрелку — чистенькая.

Пелагея довольно улыбается. Она снова раскрывает книгу и читает первое слово: „Комбайнер“. Потом, закрыв книгу, говорит:

— Две недели тому назад мне наш председатель профкома показал буквы, а сейчас я уже читаю. Вижу, что написано. Вот только до смысла с трудом добираюсь.

Взглянув на нарядную подругу, она с любопытством спрашивает:

— В клуб собралась?

— В клуб. Сегодня там живгазета выступает.

Пелагея подбежала к шкафу, взяла оттуда платье и быстро оделась.

Чтобы быстрее дойти до клуба, девушки свернули с дороги на тропинку.

В маленьком, опрятном железнодорожном клубе, служащем одновременно и красным уголком, и канцелярией профкома, докладчик из района говорил о работе транспорта. После выступил начальник станции. Он рассказал о неповоротливости грузчиков, о неисправных путях.

— А следовало бы нам работать лучше. Следовало бы взять пример с Пелагеи Давыдовой, — сказал он в заключение.

Услышав свою фамилию, Пелагея вздрогнула. А на трибуне уже стоял парторг станции и, показывая на Пелагею, говорил:

— Вот Давыдова! Глядите! Обыкновенный человек. Это действительно ударница. Мы сегодня ее премируем. Она предотвратила пять крушений. Ее стрелка всегда содержится в чистоте и полной готовности. Вот! Но и ей тоже надо проявить больше бдительности.

После парторга председательствующий неожиданно предоставил слово Пелагее Давыдовой. С краской на лице она подошла к столу; хотела сказать что-то многое, но на сцене все забыла. Долго стояла, не зная, с чего начать. А потом быстро сошла со сцены и только на ходу ответила:

— Да разве я не хочу работать? Хочу... Я буду. Обязательно... бдительна...

Она садится рядом с Коровиной, а люди хлопали в ладоши, поворачивая к ней головы.

После собрания выступала живгазета. Живгазетчики играли бойко и веселыми песнями привлекали слушателей. Особенно Пелагее понравился кудрявый парень. На нем была синяя блуза. Он хорошо декламировал стихи о транспорте.

Пелагея долго думала над докладом и выступлением агитколлектива. Ей еще мерещились люди в синих блузах и слова бойкого кудрявого парня: „Транспорт болен, он помощи ждет“. Она старалась разгадать сущность и тайну этих слов и не могла. Утром пошла к парторгу.

— Скажи — как это понять — узкое место и болен

транспорт? Чем болен? Скарлатиной, иль тиф опять забрал?—смеясь спросила она.

Парторг не смеялся. Он понимал Пелагею и долго рассказывал ей о транспорте. Выслушав парторга, Пелагея шла домой еще более уверенной в своих силах. Ей стало теперь понятным, на что призывают таких, как она, партия и правительство. Высокий стрелочник поста номер один остановился перед ней и насмешливо проговорил:

— Вы бы душистого мыла купили, гражданочка, чтобы от стрелок духами несло...

Пелагея посмотрела на него с недоумением и прошла мимо.

— Говорю, одеколон в магазин поступил,— не отставал стрелочник,— может быть, возьмете флакончик для мытья стрелок.

— Дурак ты!— вырвалось у Пелагеи.— Смеешься зря... над собой насмехаешься,— добавила она.

Пелагея пошла к дому. Стрелочник недоумевающе смотрел ей вслед, задумавшись над словами Пелагеи. Дома Пелагея села за книгу. Теперь для нее не было выше удовольствия, чем преодолевать строчки и вдумываться в их смысл.

Неутомимая жажда вспыхнула в ней. Она хотела знать все, о чем пишут книги.

Но больше всего Пелагея хотела знать о транспорте...

*

... Прошло три недели, как Пелагея вернулась из Москвы с совещания.

— А гарусный платок так и забыла купить,— говорила она Коровиной, оправдываясь:— времени не было. Да посмотрела я на московских девушек, там все в шляпках ходят да в шапочках. А мы что? Хуже их? Тоже шапочки можем носить.

В этот день, как и обычно, Пелагея дежурила на стрелке. В обеденный перерыв к ней пришел стрелочник. Он улыбался. Долго тряс руку Пелагеи. Хлопал по плечу, говорил ласково:

— Молодец ты у нас... Да...— спохватившись, сказал он,— я пришел тебя сменить.

Пелагея не понимала его усердия и принимала предложение за шутку.

Но стрелочник, видя ее усмешку, говорил твердо:

— По-сурьезному упреждаю тебя. Поди срочно к начальнику, там тебя ждут. Дрезина под тебя подана. В Няндому поедешь.

На вокзале Пелагею обступили. Каждый старался пожать ей руку, говоря торжественное слово: „Поздравляем“. А самое главное скрывали, да телеграфист выдал.

— Вас, Палаша, орденом Трудового Красного Знамени наградило правительство,— сказал он.

— Орденом?— переспросила она.

Телеграфист прочел телеграмму. Секретарь райкома партии Салтыков поздравлял с наградой.

— Не ждала этого. Думала, обо мне никто не знает. Вишь какое дело-то,—все больше смущаясь, говорила Пелагея.

Все последующие дни были радостными. Собрания, поздравления, письма друзей, знакомых и незна-

комых. Пелагея не успевала отвечать на письма, а не отвечать было нельзя. Люди просили совета, чтобы стать такими же, как она.

Однажды поздно вечером, при свете керосиновой лампы, медленно и разборчиво она вывела первые слова в письме, о котором думала долго и любовно:

„Родной и любимый товарищ Сталин...“

Она волновалась, а когда успокоилась, то слова полились на бумагу легко и задушевно.

...„Не знаю, какими словами благодарить вас, дорогой товарищ Сталин, за то, что Вы отметили в своей речи на приеме в Кремле нас, „маленьких людей“. Я хорошо понимаю, что на моей как будто бы небольшой работе стрелочницы я выполняю большое и ответственное государственное дело.

5 лет я работаю стрелочницей, и не знаю аварий. 21 год я на транспорте, и никто не упрекнет меня в плохой работе.

Только в нашей Советской стране могут поднимать так высоко людей. Меня наградили орденом Трудового Красного Знамени. На маленькой станции Бурачихе меня нашел зоркий глаз правительства, выделил из многих тысяч других и вместе с 56 передовыми железнодорожниками я получила высокую награду.

Женщина, забытая и отсталая в прошлом, я теперь стала известным человеком.

Я благодарю правительство и Вас, товарищ Сталин, за честь, оказанную мне, и все свои силы положу на то, чтобы эту честь и доверие оправдать...

Пелагея Давыдова“.

БОР. МЯСНИКОВ

ИВАН ДМИТРИЕВИЧ
ГЛОТОВ

Иван Дмитриевич Глов

*Как в лесу идет работа —
Полюбуйся, погляди.
Это Глотовы бригада
По участку впереди.*

Писать о Глотове, об одном Иване Дмитриевиче, замечательном мастере лесоразработок, которого знают не только в крае, но и за пределами его — нельзя. Надо писать о глотовцах. Иван Дмитриевич вышел из их среды, они его растили, подымали как лучшего из лучших в своей среде, шли за ним и учились.

Глотовцы — это имя растущей с каждым днем армии стахановцев — мастеров леса; это прежде всего бригада Глотовы, за которой идут десятки других бригад, перенимающих глотовское мастерство.

*

Четыре года назад здесь был густой лес, куда изредка заходили охотники за зайцем или горностаем. Но пришли с топорами и пилами глотовцы. Они стали рубить. И вот вырос в лесу город с большими домами, с железной дорогой рядом. Называется он четвертым производственным участком Вельского леспромхоза Мосгортопа. На участке живет шестьсот человек и не

одна сотня лошадей. В этот сезон нужно вырубить и вывезти к линии, погрузить не много, не мало — двести сорок тысяч кубометров древесины. Тут есть над чем поработать!

В бараке у глотовцев тихо. Слышно только ровное, спокойное дыханье спящих да тиканье ходиков. Лесорубы спят на железных кроватях с матрацами, накрытых простынями, на мягких подушках, под пестрыми ватными одеялами. Стол покрыт белой скатертью. На столе патефон, веселый затейник вечернего досуга бригады. По комнате, чистой и выбеленной, струится тепло от двух печек.

В половине четвертого Клавдий Глотов открывает глаза. Он щурится на огонь печки. Потом быстро вскакивает и одевается. Долго и старательно плещется у умывальника над тазом. Один за другим просыпаются остальные члены бригады.

Уборщица Нюра, своя же, пежемская девица, принесла ведро кипятку, чайник, кружки и заварила чай. Глотовцы пьют чай у себя, а завтракать идут в столовую. Там для них уже готовы жирный свиной суп, сладкие макароны, кофе, белый хлеб.

Захватив луковые пилы (две — работать, две — в запас, чтобы простоя не было), топоры, пилу-сортовку, бригада отправляется в лес. У дверей своей квартиры ее поджидает сам бригадир — Иван Дмитриевич.

Январским утром в пять часов совсем темно. Широкий протяжник, политый водой, обледенелый (для возки на американских санях), уводит бригаду в тем-

ный лес. С участка доносится тихий звон: подъем! Начался напряженный рабочий день.

Полтора километра до делянки — четверть часа. И вот тишина ночи уже вспугнута треском первого упавшего дерева, шелестом пилы. В лесосеке бригада (двенадцать человек) расставляется конвейером — потоком. Глотовцы — это поточно-сквозная бригада. На свалке вместе с Петром Готовым стоит сам Иван Дмитриевич. Выбрав дерево, он быстро очищает место вокруг ствола, делает надруб с той стороны, куда оно упадет. Остроотточенная пила быстро вгрызается в ствол все глубже и глубже. Вот вершина дрогнула, стряхивая на плечи людей снег, и дерево медленно стало падать.

Каждые полторы минуты падает дерево. Это уж обязательно. Это утверждает и хронометражист Борис Галкин. Сидя у костра, он внимательно следит по часам, боясь упустить каждое движение свальщиков, и торопливо черкает клеточки на помятом листке. Ветер вырывает листок, прижатый рукой к колену, знобит руки.

— Что, Боря, озяб? — смеется из-за пилы Иван Дмитриевич.

— Ну, пустяки, — оживляется Борис.

Галкин подсчитывает: один хлыст в полторы минуты, сорок хлыстов в час, четыреста хлыстов за десять часов. Вот как дается рекорд — четырнадцать кубометров на человека в день.

— Эх! — сокрушенно вздыхает Иван Дмитриевич в минуту передышки, — хорошо бы нашим техникам

приспособить на валке лучковую пилу. Тогда можно бы сваливать одному человеку, да и быстрее дело пошло бы. Есть, конечно, сваливают и сейчас — в раздумьи продолжает Иван Дмитриевич, но тяжело, рука отекает. Ловкость надо большую. Слыхал я, что Егор Васильевич Высотин думает-таки приспособить на валке лучковую пилу...

В пятидесяти метрах позади свальщиков идут Алексей Куклин и Федор Глотов. Они обрубают сучья, складывают их в костер, сжигают — очищают путь раскряжевщику-лучковцу. Тот идет без задержки — лучший лучковец Афанасий Хухрин. Остро выточена, всегда исправна у него пила с круто гнутым лучком образца того же изобретателя — Егора Васильевича Высотина.

Афанасий идет от одного сваленного дерева к другому, расчлняя их по мерке на части. Позади его остаются готовые к вывозке бревна: пиловочник, шпальные чураки, рудстойка, баланс, реже — литовские столбы, авиалес, наконец, дрова долготье и коротье. Свыше двадцати сортов заготавливаемой древесины!

Бригада рубит лес сплошь, оставляя только деревья тоньше десяти сантиметров. Лес валится „в елку“. Этот канадский способ Иван Дмитриевич вывез из Карелии, обучив ему не только свою бригаду, но и другие. Деревья сваливаются параллельно — вершина к вершине, чтобы можно было, обрубив вершины и сучья, не тратить времени на их сбор в костры. Раскряжевав деревья, остается только немного отодвинуть их по сторонам, и тогда к окученным „кострам“

(так здесь называют кучи леса) можно легко подъехать на лошади, навалить воз и без всяких заворотов выехать на протяжник. А глововцы так аккуратно собирают „костры“ леса, так чисто убирают место от сучьев, что подъезжай хоть на автомобиле.

За раскряжевщиками на двух лошадях следуют трелевщики, они отвозят лес к протяжнику. А там возчики наваливают лес на широкие американские сани.

Сюда в делянку глововцев идут и едут посмотреть лесорубы с других участков и леспромхозов, чтобы перенять их опыт. Часто наезжают к ним поучиться и работники леспромхоза. Однажды вышло так, что к бригаде Глотова собралось человек восемь из „начальства“: инструктор райкома, редактор многотиражки, парторг, профработник, культурник, хронометражист, десятник, уполномоченный профсоюза. Поднялись разговоры, расспросы, смех. А глововцы ослабили темп работы. Тогда Иван Дмитриевич подошел и сердито сказал:

— Вот что, товарищи, ведь из вас целая бригада выйдет. Она могла бы дать по десять кубометров на брата. А может лучше вам разойтись, чтобы не смущать моих ребят?

И люди разошлись...

В полдень глововцы должны закусывать; они все чаще поглядывают на лесную дорогу. Заметив на ней повозку, они встречают ее приветствием:

— Столовая приехала!

Бригада стягивается к повозке. Мальчик-возница открывает крышку бачка-термоса и оттуда выры-

вается ароматный пар мясного супа. Мальчик достает чистые тарелки, ложки, белый хлеб, разливает по тарелкам суп со свиной, и тогда бригада размещается кто где: на повозке, на бачке, на пне, стволе упавшего дерева... Закусывают быстро и молча. Приятная теплота разливается по телу, к мускулам приливает новая сила. Но вот Иван Дмитриевич стряхивает с колен крошки хлеба.

— Эй, ребята! Как бы того... работать, говорю, как бы не стало тяжело,— смеется он.

Мальчик-возница, уложив посуду, трогает лошадь. А бригада усаживается вокруг костра, свертывая цыгарки. С четверть часа можно покурить, отдохнуть, поговорить.

Клавдий Готов только что вернулся из дома отдыха; он с удовольствием вспоминает, как сытно, культурно и весело ему там жилось. Лесной дом отдыха построен на третьем участке, в нем по пятидневке отдыхают стахановцы-лесорубы; почти вся бригада готовцев перебивалась там. Клавдий рассказывает о том, как отдыхающие помогли устранить простой вагонов на третьем участке. Простой остановил на участке всю работу и угрожал срывом плана. Тогда кто-то робко предложил использовать отдыхающих. Хотя это было запрещено, но сами отдыхающие, не привыкшие сидеть сложа руки, захотели во что бы то ни стало помочь. В течение двух часов вагоны были погружены.

— Пора! обращается ко всем Иван Дмитриевич.

Бригада расходится по местам, осматривая пилы, топоры.

Опять закипела работа; дзинькнула и зашуршала ненасытная пила.

Прыгая по пням и стволам, пробираются в деланку профсоюзный инструктор и редактор многотиражки. Они невысокие и коренастые парни. Бригада их знает и уважает: свои ребята, из лесорубов.

— Ну, Иван Дмитриевич,— говорит инструктор,— отдохни малость, дай нам поробить.

Иван Дмитриевич разгибает спину. С добродушной усмешкой он смотрит, как гости, скинув пальто, в одних фуфайках взялись за пилу. Высоченной елке было не меньше двухсот лет. Ее поперечник 64 сантиметра. Чем глубже врезывалась пила, тем тяжелее было ее дергать. Два раза „гости“ выпрямляли спины и переводили дыхание. Наконец, вековуха качнулась. Гул шел по лесу, когда она грохалась в снег.

— Ну, молодцы, говорит Иван Дмитриевич.— Много шпальных чураков выйдет.

В три часа уже смеркается, а в четыре темно. Готовцы работают при свете костров. К семи часам, свалив на утро несколько десятков деревьев и забросав снегом последний истлевший костер, готовцы выходят на протяжник, к поселку. Закончен еще один трудовой день.

Сегодня они вырубili на брата по четырнадцати кубометров. Но они еще не довольны. Дать по двадцати пяти кубометров на человека в день, вырубить двенадцать тысяч кубометров, по тысяче на каждого — так уговаривались готовцы с осени. Потому и назвались „тысячниками“. Но вот и огни, поселок.

В квартире Ивана Дмитриевича натоплено жарко. Придя с работы и отужинав, Глотов завел патефон, полученный им в подарок от председателя Совнаркома тов. Молотова и наркомлеса тов. Лобова. Иван Дмитриевич, расстегнув ворот клетчатой рубашки, курил папиросу и рассказывал мне о себе.

— В 1924 году вся наша „механизация“ состояла из обыкновенной пилы и топора. Даже с корня срубали и торец подравнивали топором. Сколько лесу мы вырубили, пока началась настоящая лесозаготовка. Теперь лесу надо стране все больше и больше. Если, скажем, все рамщики будут постольку распиливать за день, сколько пилит мой хороший знакомый, первый рамщик Мусинский, то тут нам, лесорубам, только поспевай нарубить да подвозить к заводам.

В 1933 году леспромхоз отправил меня на курсы в Карелию. Хорошо работают канадцы и карельцы, но и мы можем так работать, да еще лучше их. У них главный инструмент — лучковая пила. Об этой штуке мы раньше и не слыхали. Неплохо придумано... Раньше пилили вдвоем, и дело шло плохо. А тут работаешь один и напиливаешь за четверых. После курсов меня назначили инструктором по леспромхозу. Я сам пилил лучковой пилой баланс и бригаде показывал.

Поперву боялись лесорубы: не умеем, трудно пилить, ломается. Немало пришлось постараться. А подика сейчас к лесорубу, скажи: „брось лучковую пилу“, так он тебе покажет.

Прошлый год,— помолчав немного, снова рассказывает Глов, — моя бригада работала в одном квартале с комсомольской бригадой Ивана Петрова. Вот уж где соревновались! Промеж нами ходило красное знамя московских пролетариев. Вырубали по семнадцати кубометров! Но что греха таить: иногда перешибали нас комсомольцы; все молодежь здоровая, не пожалуешься. Но ненадолго переходило к ним знамя Моссовета.

Петровцы и в этом году работают по-стахановски, дали самую высокую норму — шестнадцать с лишним кубометров. Моя бригада поставила перед собой задачу добиться 25 кубометров, и добьется. Тут надо подумать, где улучшить способ работы, инструмент. Каждый лесоруб должен подумать, а не только один наш изобретатель Высотин.

Из моих учеников многие сейчас работают бригадирами. Вон Олехов Петр Евлампиевич, сосед, дает 10—12 кубометров. Осенью из моей бригады ушел Борис Рудаков. „Хочу, — говорит, — организовать кадровую бригаду“. „Ну, ладно, — говорю, — иди, только меня не срами, хорошо работай“.

Если наши гловские нормы кто и перекроет, мне не обидно, я радуюсь, что растут новые стахановцы. Хочется свой опыт передать всем лесорубам, чтобы не отставали от гловцев. С начала сезона я был инструктором леспромхоза по канадским методам. Бригадой руководил тогда брат Клавдий. Но молод, что ли, Клавдий, а в бригаде не было боевого духа, ребята рубили по 6—7 кубометров. Другие бригады

давали и того меньше. Работали по-старому, звеньями да парами. Сколько я ни рассказывал о поточном способе,— не понимают. Затвердили, что лес плохой. Тогда я решил снова встать в бригаду. В первый день мы вырубили по 9 кубометров, на другой—десять, а потом уж и четырнадцать.

И Иван Дмитриевич подробно стал рассказывать о расстановке рабочей силы и об инструменте.

Иван Дмитриевич сделал последнюю затяжку и примял в пепельнице окурки папиросы.

— Ну, спать пора. Пойду, посмотрю,— спят, наверное, ребята в бараке.

С ним и я вышел.

*

Самым замечательным событием в жизни Ивана Дмитриевича Глотова была поездка в Москву на прием ударников лесной промышленности председателем Совнаркома СССР тов. Молотовым и наркомом лесной промышленности тов. Лобовым. Об этом Иван Дмитриевич рассказывает много и охотно.

Приветливо встретила нас столица. На вокзале ожидали автомобили... Разместили нас в чистых комнатах. А уж вечером опять на машинах поехали мы к тов. Лобову. Всех он усадил за стол, устроил угощение. Докладывают ему обо мне, что это, мол, лучший бригадир лесорубов Вельского леспромхоза Северного края.

— Да, да, много слышался я об Иване Дмитриевиче Глотове,— сказал он весело и подал мне руку.— Здравствуйте...

Спрашивал, как мы живем, заботятся ли о нас, как моя бригада добилась больших успехов, есть ли у нас механизмы, тракторы, на каких лошадях мы возим.

Я рассказал все без утайки и прикрас. Несколько часов беседовал с нами товарищ Лобов, с каждым в отдельности говорил.

А на следующий день вместе с ним поехали в Кремль, к товарищу Молотову. Нас провели прямо в большой кабинет председателя Совнаркома.

Тов. Лобов сообщает товарищу Молотову о каждом из нас в отдельности, называет по фамилии. Совсем попросту, как со старыми знакомыми, товарищ Молотов поздоровался с нами и попросил садиться. Фотограф заснял всю делегацию, а потом товарищ Молотов велел фотографу заснять нас вдвоем с Василием Мусинским.

Товарищ Лобов сказал, что он Мусинского премировал легковым автомобилем, а остальных — по 500 рублей деньгами и пальто.

Товарищ Молотов стал беседовать с Мусинским, а потом обратился ко мне. Спрашивал много. Но я не сробел и все подробно рассказал. Спрашивает у меня товарищ Молотов:

— Сколько зарабатывает за день лесоруб в вашей бригаде?

— Заработок доходил до 21 рубля в день, — ответил я.

— А на каких лошадях возите лес?

— Больше на колхозных, но есть из собственного обоза леспромхоза, так как мы — кадровая бригада.

Я помню, как товарищ Молотов сказал:

— Колхозную лошадь, товарищ Глов, надо по-немногу высвободить от леса, заменять механизмами, механизировать труд в лесу.

Еще товарищ Молотов спрашивал, как распределяется заработок в бригаде.

Всю свою жизнь не забуду этого разговора. На прощанье он каждому из нас пожал руку и проводил до дверей.

Вокруг жизнь кипит,— рассказывает Глов о Москве,— трамваи звенят, катятся тысячи автомобилей. А метрополитен-то чего стоит! Железная лестница сама движется. Под землей светло, воздух чистый, как и наверху. Стены вокзала отделаны разноцветным мрамором. Вагон с кожаными сиденьями, мчится быстрее поезда. Я понял тогда, что и мы помогали строить метро. Нашим лесом крепили тоннели. Недаром трое из моей бригады награждены значками ударников Метростроя, такой же значок и у меня на груди.

Приехав из Москвы, Глов много о своей поездке рассказал и своей бригаде, на колхозном собрании и на всех участках леспромхоза. Всюду слушали его с огромным вниманием, подробно расспрашивали, заставляли пересказывать про товарища Молотова, про Москву и Кремль.

*

Иван Дмитриевич Глов — мастер лесного дела, талантливый организатор труда в лесу, хороший „хозяйин“ своей бригады. Гловцы — это имя новой, растущей изо дня в день, армии стахановцев леса.

А. С. КАНЕВ

ЗАСЛУЖЕННАЯ СЛАВА

Манефа Владимировна Корюкина
Награждена орденом Ленина

„Только колхозная жизнь могла сделать труд делом почета, только она могла породить настоящих героинь-женщин“.

(СТАЛИН)

Колхоз „Буденновец“, Шейбухтовского сельсовета, Междуреченского района...

Разве не точный адрес? Но, увы!...

— Еще здесь спросим,—заезжая в следующую деревню, без надежды на успех, предлагает мой ямщик.

Нас встречают колхозницы и ребята из школы. Спрашиваю, в какой деревне колхоз „Буденновец“.

— Колхоз „Буденновец“? Вот уж не скажем... По Шейбухте много колхозов, где их всех запомнишь.

— А в какой деревне у вас лучшая свиноферма? Где живет сталинская ударница Корюкина?

— В Потькине!—в один голос говорят взрослые и малыши.

— Вот она, деревня Потькино,—указывает за лесок пожилой колхозник.—Манефа Владимировна там, при ферме, и проживает. Поросят у ней нынче много. Все покупают... Или вы по другому делу?

— По другому,— смеется ямщик и трогает:— Ну, карий!...

Дорога спускается в овраг. Впереди, на холмике за оврагом, кучкой стоят избушки, а их соломенные крыши похожи на стариковские головы, остриженные „под горшок“.

— Почему же раньше не сказали про Манефу-то?— обиженным тоном обращается ко мне ямщик.— Давно бы там были.

— А разве ты ее знаешь?

— Да ведь она, товарищ, всему району известная.

*

Ничем не выделялось Потькино от других деревень Междуречья. Все они были похожи друг на друга, как тертые калачи. И жизнь та же... Те же ссоры и зверские драки из-за земли, искромсанной на мелкие единоличные полоски.

Незаметной и тихой девушкой жила в Потькине Манефа Корюкина.

Пятеро сестер-бесприданниц осталось без отца. Мать лежала больная. Манефа — старшая, а ей только 15 лет. Много слез пролила маленькая хозяйка осиротелой семьи.

А жили так: пачку спичек держали целый год; самовар ставили на пасху да на вознесенье. Ели простоквашу из обрата, а сливки забирал кулак-маслодел за долги. Лошадку продали за сорок рублей и еще остались должны кулакам. Земля перестала родить,—соседи „исполу“ все соки из нее вытянули.

Кулаку Фролову теребили лен,— по одиннадцать копеек с овина платил. Жатвы день — сорок пять копеек...

С утренней зари до темной ночи гнули спины пятеро сестер-бесприданниц. А потом из сил выбились и решили „в дом принять“, жениха взять к Манефе. Пришел из другой деревни к невесте Константин,— тоже от пяти братьев. Приданого принес: от матушки — руки да ноги, а от батюшки — портки да рукавицы.

Купили молодые для начала зерна тридцать пудов и своими силами засеяли надел. И зажили... Но сусеки от хлеба никогда не ломились.

Подросли младшие сестры Манефы — тоже вышли замуж, и все пятеро сестер потянули тяжелую ношу единоличной „бабьей доли“, о которой Н. А. Некрасов писал:

Доля ты русская, долюшка женская!

Вряд ли труднее сыскать.

Приняли потькинцы зятя, а потом ему на горло стали:

— Поставь ведро водки или убирайся с нашей земли!...

Вместе с мужем ушла и Манефа.

Но у свекра в домелюдно было и без них. Пришлось продать свои скудные пожитки и поставить потькинскому земельному обществу выкуп. Вся община напилась и по звериному ревела...

Грызли мужики глотку друг у друга, а кулаки потешались.

Много воды утекло с тех пор по узенькой и извилистой речке Шейбухте. Пришла революция и перепахала многовечные межи на земле потькинского общества, докатила волну коллективизации, слизав с земли кулаков Фроловых.

Хотя Потькино и сохранило свой старый облик,— также кучкой прижались у речки избушки, такие же соломенные крыши на них..., но это уже не старое Потькино. Теперь в Потькино колхоз и славится он хорошей свинофермой и ударниками. Посреди соломенных крыш чуть высится необычная постройка. На крыше труба деревянная с решетчатым верхом, по стене рядом новые окошки, с левого боку — звон на сарай, а с правого — избушка старая — грибком приросла. Здесь-то и жила и работала сталинская ударница Манефа Владимировна Корюкина — одна из лучших мастериц по свиноводству.

В 1931 году, когда вторично организовался Потькинский колхоз, Манефу Владимировну послали на курсы при свиноферме в колхозе „Северная стройка“.

С курсов Корюкина приехала в свой колхоз и приняла шесть свиноматок и хряка — грязных и вшивых. Все они были русской породы. Ни одна матка не была покрыта. Веса эти животные по 38—40 килограммов. Кормились без всякой нормы гнилой картошкой и стояли в темной, грязной хибарке.

Первым долгом вывести вшей,— решила Манефа. От правления потребовала хорошего свинарника.

— Какое еще помещение? Свиньи грязь-то пуще любят,— загалдели мужики.

— Двор ладить — трата трудодней, да и хлеба не видать будет,— все свиньи сожрут. Заколоть их надо!

За сердце задели такие слова Манефу Владимировну. Как угорелая, поплелась она домой, а от свиней не отступилась. В райзо помогли ей добиться у колхоза нового помещения для свиней. Перевела она свиней во двор и начала вшивое стадо ремонтировать. Целый год маялась Манефа: каждый день мыла свиней щелоком, скребла их мочалкой, и вши, наконец, вывелись.

Но это было только начало. Давно у Манефы Владимировны созрел план улучшить породу своей фермы. Много приходилось ей доказывать правлению, убеждать колхозников, ругаться даже, плакать, и все таки она добилась своего.

Через райзо колхоз достал хряка английской породы. Поила и холила иноземца, ночи не спала, и хряк стал поправляться не по дням, а по часам: за месяц давал по 16—17 килограммов привесу. За такие успехи назвала она хряка Ударником. А десятимесячным пустила его в случку.

Русская Гуся (рекордистка) дала первый приплод от Ударника — 15 здоровых и резвых поросят. Это уже метисы первой генерации, то-есть смешанная порода. Но у Гуси оказалось всего двенадцать сосков, и поэтому из пятнадцати близнецов первого опороса трое погибло.

Теперь бы Корюкина сумела их сохранить! Теперь она успешно выкармливает „лишние рты“, подсаживая их к вымени матки в порядке очереди.

Первосупоросные свиноматки давали очень мелкие пометы — от пяти до шести голов. Поросята рождались слабыми, недоразвитыми. Ночи не спала Манефа, корпела в свинарнике, думая: „Как отвести угрозу бесплодия, как улучшить приплод?“

Часами просиживала она и над книгами. Как назойливая муха, шипела керосиновая лампа. Спокойно спал муж, две дочери и младший сын. Только Манефа одна упорствовала...

— И как это я не догадывалась! — удивляется теперь она. — Ведь вся причина была в том, что Ударник спаривался со своими дочерними — молодыми матками. Откуда же будет хороший приплод?

Взяли в обмен на Ударника хряка Буденко — тоже английской породы. Некрасивый на вид, в плечах толстый, Буденко оказался хорошим производителем. Первый приплод от него получили по пятнадцати поросят на матку вместо двенадцати по плану. Вскоре по совету Корюкиной колхоз приобрел второго хряка из Ивановской области и двух импортных маток — Алечку и Анечку. Но иноземки оказались очень нежными, требовательными „особами“, а сами — маломолочными. Они давали слабый приплод.

Когда Анечка опоросилась — одного родила мертвого, а остальных девять поросят принесла слабыми. В колхозе „Передовик“, Шиленского сельсовета, импортная принесла 20 штук и все — мертвые. В „Пе-

реломе“, Лаврентьевского сельсовета, импортная дала помет—двенадцать поросят живых, но сохранить тоже не сумели.

— Только от молочной матки можно ожидать хороший помет,—заклЮчила Корюкина.—Самое подходящее при наших условиях—это спаривание простой русской матки с английским хряком.

И верно. Метисы свинофермы „Буденновца“ в подсосный период давали по 400—500 граммов прироста в сутки, а „стоцентные иностранцы“—всего лишь по 200 граммов.

За первый год Манефа Владимировна вырастила 92 поросенка.

Корюкина воспитала себе помощницу—такую же замечательную ударницу свиноводства, как она сама, Александру Евгеньевну Люскову. Ныне Люскова—сталинская ударница-свинарка, бригадир и заместитель заведующей фермой.

Люскова в колхозе со дня организации. Муж у нее три года руководил полеводческой бригадой и одновременно подвозил корма, работал на мельнице. Работал честно и хорошо, знал свое дело.

Но вот бывший председатель правления Дыдин, который вел колхоз к развалу, снял Люскова с бригадирства и отправил в лес.

— Без мужа-то, от пятерых ребят Люскова к свиньям не пойдет,—злорадствовали враги колхоза.

А Люскова продолжала ходить на ферму.

— Не обидушка ли?—глОтая слезы, вспоминает она.—Я все силы отдаю свинушкам, чтобы жизнь

улучшить у колхозников, а некоторые под кулацкую дудку на меня зубы точат: „Наживаешься,— говорят,— трудодней много получаешь, да тебе еще премии дают“. А сами работать не хотят. Взяли мы одну такую колхозницу на свинарник—день поработала и больше не приходила: „Хлопот много... Не хочу,— говорит,— со свиньями возиться“. И Корюкиной-то меня стращали. „Заест, мол, тебя Корюшкина, будет распоряжаться, а ты, как сноха, ее приказания исполняй да грязь убирай“.

— Сначала я устрашилась было,—рассказывает Люскова.— А как пошла на свинарник, обеими руками взялась за дело. Манефа со мной рядом работала, у нее и пример брала.

Скоро в свинарнике стало тесно. И 25 голов трехмесячного молодняка Люскова увела в свой двор. Двор был ветхий и холодный. Все углы и щели с мужем замазала глиной, стены снаружи обложила соломой, и в старом хлеву стало поросятам светло и уютно.

За пятнадцать месяцев Люскова много раз приходила втупик, но духом не падала. С Манефой Владимировной они всегда находили выход.

— Зашла я раз в свинарник,—рассказывает Люскова,—вижу—ревет и скачет Краля, не ест и не пьет. Испугалась я. Побежала к Манефе: „вот беда—то какая...“ А дело простое оказалось,—свинья хрюка просила!.. Теперь смешно, а тогда до слез дошла,—смеясь, закончила Люскова.

— Всякое бывает,—уже серьезнее продолжала Люскова.— Две ночи дежурила у одной свиньи. Все ко

времени подошло. И отойти боюсь, не упустить бы, думаю... И вот уже появился первый поросенок. Пищит, а мать беспокоится и плод задерживает. Обтерла скорее поросенка, пупок перевязала, положила в корзинку и занесла в избу. Потом, как явится поросенок, сразу — в избу, а там муж, как доктор, приводит в порядок новорожденных.

Опорос прошел хорошо: родилось семеро. Но как кормить? Матка близко к себе не пускает, зубами хватает. Пришла Манефа, вошли во двор, а свинья дурит пуще. Манефу в семнадцати местах укусила. Пришлось отступить. Потом уж сама потихоньку подошла к свинье да по одному всех поросят к вымени и подсадила. Муж из-за спины подает, а я сажу да сажу...

— Намучилась, да и научилась,—ласково глядя по плечу Люскова, заключает беседу Манефа Владимировна.

Позже Люскова снова перешла работать в общий свинарник, переоборудованный во дворе Корюкиной.

Родилось тогда у Крали десять поросят. Поросята были на славу хорошенькие: толстенькие и румяные. Целых трое суток Люскова не отходила от них, берегла. Только на минутку вышла в водогрейку — запищал поросенок. Прибежала, а он уже замертво лежит на соломе,—кишки высунулись.

Схватила Люскова поросенка и с ревом кинулась в избу:

— Поросеничка-то я сгубила!...

Но Манефа Владимировна не растерялась.

— Не реви! Положь поросенка на колени,— строго сказала она и быстро вымыла руки. Смазала креолином руки и иголку с ниткой.

— Ну, держи его, а я сейчас рану промою и зашью. Туго вонзается игла в живое тело, но точно и быстро работают пальцы Манефы Владимировны.

— Готово! Теперь надо шов смазать иодом и положить больного на печь...

С удивлением смотрели мужики на эту операцию и головами качали.

— Бросьте вы его,— говорили они,— зря хлопчете, коли кишки выехали...

Пролежал поросенок на печи полтора суток, думали— уж погиб, а он запищал.

— Жив!— обрадовались свинарки.

С какой любовью и заботой они лечили раненого поросенка! Осторожно подсаживали его к вымени матки. Два раза в день смазывали рану иодом, и в неделю она зажила.

Раненого поросенка из любопытства взял в личное пользование колхозный кузнец — на все руки спец— Александр Шадрин. Года не прошло,— выкормил он поросенка до 8 пудов, часть свинины продал и купил дойную корову.

— Хотя и кишки у него к животу приросли, а мясо и сало были хорошие,— шутил кузнец.

*

Без четверти пять...

Корюкина надевает фартук и выходит из избы. Спускаясь по лестнице в свинарник, она еще раз

продумывает план дня: надо двух маток случить с Лафетом, месячный отчет составить сегодня, белье выстирать, вечером на собрание поспеть...

— Здравствуйте,— обращается она к своим помощникам.— Все ли пришли?

— А много ли нас, Манефа, всех-то?— смеется здоровая свинарка Зрелова,— Ты—зав, Люскова—бригадирша наша, я да Сковородникова. Вот и все...

— Ну, давайте подавать завтрак...

Корюкина для каждого питомца фермы назначает отдельную порцию. Ровно в пять часов начинается завтрак. Пищат и хрюкают все 70 животных. Через несколько минут корм разнесен, и через полчаса сытые свиньи, хряки и поросята утихают.

И так—три раза в сутки: в пять часов утра, в полдень и в пять часов вечера—кормление. А в полночь поят только подсосных маток.

После утренней дачи Корюкина составляет месячный отчет.

— Здравствуйте!— прерывают ее на этом занятии.

— Присаживайтесь,— снимая очки, приглашает Корюкина гостей.

— Манефа Владимировна, покупателей привел,— бросая на лавку желтую кожаную сумочку, говорит председатель колхоза Ракутин.

— Покупателям мы не отказываем. Колхозу деньги нужны, а поросят будет и для себя, и для людей.

— Нельзя ли уступить, Манефа Владимировна, одну свиноматку для племени?— спрашивает директор льнозавода.— Хотим организовать свою свиноферму.

Корюкина вопросительно смотрит на председателя.

— Не знаю... как ты?— отвечает тот.

Если надо, то две продадим,— решительно заявляет Манефа.— Пускай уж по всему району пойдет племя нашей фермы!

Ракутин и Корюкина договариваются о цене.

— Манефа, свинья начинает пороситься, а Люскова еще не пришла,— с порога кричит Зрелова, и, увидев гостей, прячется за перегородку.

— Я сейчас,— срывается Корюкина.— Скорей приготовь теплую воду,— кричит она по пути Зреловой.

Усталой, но довольной возвращается Манефа в избу.

— Двенадцать поросеночков! Да такие плотненькие, розовенькие.

— А мы, Манефа Владимировна, давно тебя поджидаем,— кланяясь, говорит молодая колхозница из соседнего колхоза.— Насчет поросят пришли...

Кругом на лавках сидят новые гости с корзинками — колхозники и колхозницы. Оглядев их, Манефа говорит:

— Всем могу продать по поросеночку,— только маленькие, до месячного возраста...

— А мне бы двух надо,— поднимается с лавки старик.— Сын наказывал... Он бригадиром служит.

— Хошь три бери,— отвечает Корюкина, садясь за стол.— Только деньги плати...

Старик достает из-за пазухи сверток и кладет на стол.

— Тут сто рублей!..

— Ты подожди деньги-то наперед совать, еще и товар не посмотрел...

Старик смущенно убирает со стола сверток.

Через несколько минут Корюкина возвращается с поросенком. „Товар“ пищит и вырывается из рук. Налюбовавшись вдоволь поросенком, покупатели осаждают хозяйку вопросами:

— А сколько ему времени?

— А что он ест?

— А где его держать?

— Можно ли сыворотку давать?

И открываются необычные „летучие“ курсы по свиноводству. Корюкина подробно разъясняет „секреты“ свиноводческого дела. На примерах, из личного опыта и практики других ферм.

— Нет у нас в районе хороших помещений для свиней,— говорит она.— В народе привыкли думать так: „Раз свинья, значит и в грязи хорошо“. Это неправда. Свинья где оправится, там уж не повалится. Оправляться ходит она всегда в „уборную“.

— Ка-ак?!

Слушатели удивлены не на шутку.

— Выберет свинья у себя в клетке подальше уголок и ходит,— отвечает Корюкина.

— А почему на других фермах не живут поросята?

— Потому,— заявляет Манефа,— что за ними плохо ухаживают, не умеют кормить... Я была на ферме „Красногорца“,— продолжает она.— Там свинарок меняют, как невеста — сарафаны. Все новые люди, ни-

чего-то не знают... В 1934 году у них погибло 89 поросят, и с начала 1935 года — 22. А у меня за четыре года пало 11 голов из 719 поросят. И то это большой отход.

— А как ты, Манефа Владимировна, маленьких кормишь после отъема от матери?

— Надо приучить его к другому корму постепенно, — толкует Корюкина. — Вот как я их жевать приучаю. Поджариваю овес, но чтобы не прелый был. Сперва поросенку сую в рот несколько зернышек, потом побольше. Так и приучаю.

Долго слушают эту простую и понятную лекцию покупатели. Терпеливо, как и подобает сталинской ударнице, приучает Корюкина своих покупателей обращаться с ее „товаром“.

*

В один из июньских дней 1935 года Манефе Владимировне передали телеграмму. Крайзу призывало ее включиться в „конкурс на тонну помет“. Не сразу раскусила она секрет этой формулы. Оказалось, что надо получить такой помет от одной свиноматки, чтобы через 8 месяцев при меньшей затрате кормов довести живой вес помета до одной тонны.

Задумалась Манефа Владимировна. Опоросы ожидалась поздние. Потолковала она с руководителями колхоза и райзо, со своими помощницами:

— Давайте, — говорят, — возьмемся вырастить не одну, а три тонны помета...

Распределили между собой супоросных свиноматок:

Красотку взяла Люскова, Дусю — Сковородникова, а Крестьянку — сама Корюкина.

Заботливо чистили, поили и кормили свиней, с нетерпением ожидая опоросов. Не отходили свинарки со двора. Люскова стала уже беспокоиться: день перешел, а свинья все не поросится. И вот, как-то она на минуту отлучилась домой — детей посмотреть; возвращаясь к своей Красотке, она застала у ней Корюкину, принимавшую опорос.

— Поздравляю Люскова, — обернулась к ней Корюкина, — десять маточек и два хряка...

Свешали новорожденных, общий вес всех двенадцати поросят едва дотянул до 11 килограммов. Люскова даже приуныла. Но через десять дней каждый поросенок весил уже по 3 килограмма 600 граммов.

— И тужить не буду, — смеялась Люскова.

Через несколько дней опоросилась Дуся 13-ю поросятами, и сразу за ней Крестьянка, родив 14 поросят. Всего на ферме стало 63 сосуна. Поросята росли быстро, лелеемые умелыми руками.

Однажды, в июльскую грозу, Манефа Владимировна дежурила на свинарнике. При каждом ударе грома звенели стекла в рамах и вздрагивали присмирившие свиньи. Корюкина ходила от клетки к клетке, гладила поросят, ободряя свиней, как могла.

В эту же ночь начала пороситься Фрося. Только подался третий поросенок, как вдруг до Корюкиной донеслось:

— Мать!..

Манефа не узнала голоса мужа.

— Мать, кричал Константин уже с повети.— Выгоняй поросят. Горим!..

Что делать? Спасать ли дом, свое имущество, приобретенное многолетним трудом, денежные документы, красный бант... Взглянув на свиней, Корюкина рванулась с места, открыла ворота и поспешно начала выгонять свиней на улицу. Хлестал сильный дождь, и сверкала молния... Свиньи в испуге лезли обратно во двор. Манефа выгнала сначала взрослых свиней, прикрывая за каждой ворота, а после принялась за поросят. Соломенная крыша уже пылала в огне. Константин один боролся с „красным петухом“, но тот не сдавался.

Впопыхах Манефа затеряла корзину, в которой выносила маленьких поросят, и последних трех, только что родившихся, она вынесла в подоле. Искры уже сыпались с крыши, когда она выходила с последней ношей, навсегда покидая и свинарник, и дом.

Свиней погнала Манефа в поле, шатаясь от усталости и горя. Трех поросеночков занесла она в крайнюю избу, выпустив их из мокрого подола на шол, и с ревом выбежала из избы, крича из всех сил:

— Буденко-то остался во дворе! Помоги-те!..

Люди уже выводили хряка из пылающего двора, а стадо свиней, вернувшееся с поля, снова лезло в огонь. Крики и стон людей, хрюканье свиней и треск — все это смешалось в общий тревожный гул.

Только под вечер Манефе Владимировне удалось разместить лишившееся крова стадо по четырем дворам. Трое суток она не ела, и не пила, ходила, как

ть, со двора на двор, восстанавливая порядок и обычный рацион.

Семейство ее поместили в пустой дом. От пожара ничего не осталось у Корюкиной: ни чашки, ни ложки, ни постели, ни окуртки и ни крошки хлеба. Но Корюкина спасла от огня сотню колхозных свиней, заботливо выращенных ею. Родные и знакомые наносили хлеба и белья, а на второй день после пожара приехал председатель райисполкома тов. Куприянов и передал Манефе 500 рублей. А после все спешили оказать сталинской ударнице, скромной героине Корюкиной помощь. Районные и местные организации дали ей 1050 рублей деньгами, из колхоза „Ворошиловец“ привезли хлеб, из края выслали путевку на курорт и благодарность. Колхоз же получил ссуду на постройку свинарника, стекло, гвозди...

После пожара в сентябре Манефа Владимировна уехала на курорт. Кисловодск показался ей тем сказочным раем, о котором мечтала она в детстве: цветы, фрукты, солнце, море, нарзановые ванны. Она быстро поправлялась.

Но как бы хорошо ни было под южным солнцем, а ее тянуло на север. В это время в Архангельске собрался второй краевой слет сталинских ударников. С великой радостью она приняла его поздравление и сообщение о присвоении ей звания мастера социалистического животноводства.

„Все решения, принятые Вами — делегатами слета сталинских ударников,— для меня будут законом“, — писала она в приветствии к слету.

На берегу речки Шейбухты строится и скоро будет готов новый свиноводческий колхоз „Буденновец“. Осуществляется заветная мечта потькинских свиноводов.

Корюкина купила новый дом и обзаводится сейчас личным имуществом. Старший сын ее учится в школе летчиков, а младший — на тракториста. Девочки тоже учатся: одна — в шестом классе, а другая в третьем.

За пять лет на свиноводческой ферме „Буденновца“ получено приплода 1003 головы. План 1935 года перевыполнен по всем показателям. Молодняк сохранен на 98,5 процента. От каждой матки получено по два и больше опороса в среднем по 19 деловых поросят.

Замечательные итоги!

*

На днях я получил от Манефы Владимировны письмо:

„Я нахожусь в Москве... Я самая счастливая в мире: видела товарища Сталина, видела всех других вождей. Была в Кремле. Я даже не могу описать все мои чувства. Скоро у нас достроят свиноводческий колхоз. Исполнится моя заветная мечта... Семейство мое часто вас вспоминает. Приезжайте посмотреть мою новую квартиру...“

Это письмо привезла мне орденосноска Парасковья Петровна Фомина, с которой Корюкина была на Всесоюзном совещании передовиков социалистического животноводства. В уголку письма простым карандашом Манефа Владимировна скромно приписала: „Меня наградили орденом Ленина“.

Я обязательно навещу Манефу Владимировну и посмотрю ее новый дом.

К. КОНИЧЕВ

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

Андрей Александрович Волягин

— Наука потому и называется наукой, что она не признает фетишей, не боится поднять руку на отживающее, старое и чутко прислушивается к голосу опыта, практики. Если бы дело обстояло иначе, у нас не было бы вообще науки, не было бы, скажем, астрономии, и мы все еще пробавлялись бы обветшалой системой Птолемея, у нас не было бы биологии, и мы все еще утешались бы легендой о сотворении человека, у нас не было бы химии и мы все еще пробавлялись бы прорицаниями алхимиков.

(Из речи И. В. Сталина на I Всесоюзном совещании стариковцев).

Всего лет десять тому назад в селе Усть-Кубинском он бегал в одних трусиках по задворкам и ловил мышей. Свою добычу он запирает в проволочные клетки. Потом брал мышей поштучно и спускал в стеклянную банку из-под варенья. Вечером в комсомольском клубе он читал лекцию: „Что такое доброхим“, наглядно показывая действие хлора на оторопевшего мышонка, заключенного в банку.

В то время этого любознательного комсомольца звали просто Андрюшкой, хотя он и подписывал свои статьи в комсомольской газете — *Андрей Волягин*.

Молодежь слушала его с большим вниманием. Ни разговоров, ни скрипа дверей, ни пресловутой зевоты, —

полнейшая сосредоточенность. И никто не выходил из клуба, не дослушав до конца живую и научно-обоснованную речь Андриюши Волягина. Только однажды он разогнал своих слушателей. Оплошал малость, напустил хлорного газа в клубный зал столько, что публика, распахнув окна и двери, кувырком летела друг через друга на улицу. Но случай этот не сорвал доклада; получился лишь вынужденный перерыв на несколько минут. Помещение проветрили, и Андриюша снова громил Чемберлена, Макдональда и призывал комсомольцев изучать химическое дело.

Днем, в жаркую летнюю пору, вместе с товарищем комсомольцем, он ходил на песчаные отмели Кубины, лазал по берегам, определял давность земляных, глинистых, известняковых слоев. Собирал там различные камешки и, к удивлению товарища, читал по ним древнюю историю местного края.

Всего больше интересовали юного натуралиста-естественника кубинские пожни и присухонские заливные низины.

Вот они вдвоем с товарищем, оба босоногие, в пыли, загорелые, лежат на берегу Кубинского озера.

Андриюша внимательно рассматривает и как-то ласково поглаживает гербарий с множеством трав. Его деревенский товарищ забросил в сторону удочку, лежит на спине и наблюдает, как плывут редкие белоснежные глыбы облаков.

— Костя... Ты читал „Фауста“?— спрашивает Андриюша.

— Нет,— отвечает тот лениво.

— А чего читал?

— „Еруслана“ читал, да еще про пошехонцев, сказки.

Волягин говорит:

— А вот был такой Фауст, ну, скажем, условно был, в литературе. Фауст всю жизнь искал счастья. Продав дьяволу свою душу. Любил, властвовал, правил, воевал, произвел сына, но нигде он не сказал обещанной чорту фразы: — „Мгновение, ты прекрасно, остановись, постой!..“ Потом он находит свое призвание в строительстве большой плотины, которая осушает огромную долину (больше, чем кубинские пожни), и Фауст видит свой народ освобожденным и счастливым. Тогда он говорит: „Мгновение, ты прекрасно“.

— Не понимаю, к чему это?— проговорил Костя, лениво потягиваясь и попрежнему не спуская глаз с облачного неба.

— Вот к чему: счастье— в строительстве, в служении интересам трудящихся. Я молод,— продолжает Андрюша,— я, как Фауст, мечтаю о счастье людей... Как великолепны, Костя, здешние места!.. Сколько богатства на поверхности, а в недрах?! На две тысячи лет хватило бы торфа у одной Вологды для всего железнодорожного узла и местных заводов. А осушение болот превратило бы их в цветущие пастбища и поля. Все бы эти болотные равнины покрылись колосистой пшеницей, клевером.

— Ты, Андрюша, все это зря говоришь. Вон наши мужики никак не соберутся обсушить лебзовского болотишка, на полверсты дорогу проложить не могут.

Пять верст лишних объезжают,— поясняет равнодушно Костя.

— Ну, это чепуха, и дороги будут хорошие, погоди вот, увидишь...

Они еще долго беседуют. Вернее, говорит один Андриюша Волягин, а Костя жадно слушает и думает: „Подика мне бы столько знать, я с ума бы сошел. Кажись, и голова у человека небольшая, а сколько он знает...“

И, точно угадывая Костины мысли, Андриюша говорит:

— Осенью приезжай к нам в совпартшколу, многое там узнаешь...

Они идут по дороге. По сторонам почти в человеческий рост осока. Ниже — отлогий спуск, кудрявые ракитовые кусты зигзагами тянутся по спуску. За кустами кубинские пучкасы, тихие заводы, обильные всякой рыбой. А вдали виднеется голубая гладь Кубинского озера.

*

Известный итальянский революционер Джованни Джерманетто в своей биографии пишет: — „Самое раннее мое воспоминание — страданье“.

То же о своем раннем детстве мог бы сказать Андрей Волягин. Он родился в 1905 году, когда его отец, простой чернорабочий, тяжело раненый на баррикадах в Питере, был заключен в тюремную крепость „Кресты“. Там он и умер на железной койке, прикованной к стене.

Мать умерла вскоре после отца, оставив в нужде семилетнего Андрея и восьмидесятилетнюю бабушку. Бабушка жила на „иждивении“ Андрюши, который успевал учиться на средства „общественного призрения“ и работать у купца в лавке, разнося покупателям на дом товары. В воскресные дни Андрюша собирал милостыню „христа ради“ и тем поддерживал жизнь почти недвижимой бабушки.

Умерла старуха. Андрюша становится беспризорником... По счастью, он вскоре был взят в детский дом имени III Интернационала, прилежно учился в низшей школе, а после — в педагогическом техникуме.

Пятнадцатилетним, в 20-м году, он вступает в комсомол. На школьной скамье Андрюша проявил огромный интерес к естествознанию и философии. Поэтому из техникума он охотно едет в Москву на высшие курсы по изучению диалектического материализма и возвращается оттуда преподавателем в совпартшколу.

В пустом и обширном кабинете бывшего епархиального училища юный марксист-естественник повесил лозунг :

**Наука — не аристократка; она требует,
чтобы трудились, и открывает свои
тайны лишь мозолистым рукам и челу,
изборозжденному морщинами.**

А на том месте, при входе в кабинет диамата и естествознания, где сквозь белила выступали чуть заметные церковно-славянские письма: — „Господь со-

хранит вхождение твое и нисхождение твое отныне и довеку“,— Волягин написал:

**Настоящий марксист должен быть прежде
всего хорошим естественником.**

Он был самым молодым из всех преподавателей школы, и самым подвижным, самым любимым среди деревенских питомцев вологодской совпартшколы.

Но Андрей не замыкался совпартшколой. В старом соборе Волягин, впервые в Советском Союзе, в 1927 году установил маятник Фуко, показывающий вращение земли. Когда верующие во время проповеди задали об этом вопрос епископу вологодскому Александру, тот, покряхтев над аналоем, сказал:

— Реченное Иисусом Навином во время войны с филистимлянами: „Стой солнце, и не движись, луна“,— сиречь — сомнительная легенда.

Одевался Андрей по-деревенски, просто: штаны носил из дешевенькой „чортовой кожи“, которая от гвоздя не рвется, на огне не горит и от воды не мокнет... Длинную почти до колен красную рубаху он подпоясывал тонким крученым шелковым пояском, а на голове носил... соломенную каску. Сапоги с короткими голенищами, почти детские, он с трудом натаскивал на свои босые ноги. И в таком виде звонко-голосый юноша из совпартшколы метался по городу, как метеор. Он часто выступал в рабочих клубах в роли талантливой антирелигиозника, на диспутах имел всегда небывалый успех.

В скромной однооконной „квартире“, в ящике письменного стола у Волягина была расставлена карто- тека из конспектов и тезисов по любому вопросу.

Тут находилось все от „происхождения миров“ и до „платонической любви“...

Кроме лекций по диамату, Волягин вечерами, а иногда и целыми ночами, испытывал выращивание гороха и других растений под воздействием электричества.

Так день за днем двигалось вперед время, а Волягин, не отставая от него, работал, учил и сам учился, вырастая на глазах учащихся и преподавателей в все- сторонне-развитого большевика.

*

Издавна славится вологодчина сливочным маслом. Вокруг Вологды, в Кипелове, Домшине, в Кубино- озере, Грязовце и Шуйском существовали сотни част- ных маслодельных заводиков. Повсюду около Вологды, как поганки после дождя росли столыпинские хутора. Подпольщики-эсеры и кулаки прибирали к рукам сель- скую низовую кооперацию. Помещичьи усадьбы чахли. Деревня распадалась на прослойки. На теле оборван- ной полуголодной вологодской деревни вырастал ку- лак — масляник-заводчик.

И вот тогда, накануне империалистической войны, на месте разорившегося имения помещика Бумана, воло- годская буржуазия начала строить молочный институт.

Однако, война уже началась, и вместо института построен был госпиталь для офицеров и георгиевских кавалеров.

Нагрянула революция,— разруха и голодуха.

Научные работники, одни — из боязни „смутного времени“, другие — рассчитывая спастись от голода, бежали из столиц в провинцию, и вот некоторые из этих беглецов нашли приют в Вологодском Молочном институте, где всего-на-все было организовано две куцых лаборатории. Студенты и профессора вербовались из чужаков. Идейным „вождем“ этой профессуры был эсеровский] „деятель“ Деляров. Во всем институте был тогда единственный большевик — это С. С. Перов, ныне известный ученый и один из основателей молочно-соевого производства в СССР.

Избирали по курсу экономики профессора. Научный совет выдвинул Делярова:

— А будет ли выдвигаемый вами профессор освещать вопросы экономики марксистски обоснованно? — поинтересовался Перов.

— Что за вопрос?! — гневно спрашивали „корифеи“ науки, разводя руками и пожимая плечами. — Если сказать Делярову, чтобы он читал в духе революционного марксизма, то это значит, что мы его сделаем, агитатором, а не профессором. Высшая школа излагает науку, а наука — вне партии, — отрезал преподаватель Калантар.

— Для политики есть партийные школы. Профессор должен смотреть широко, агитация — не его дело, поддержал Калантара старый профессор Лемус.

На Молочный институт впоследствии было обращено серьезное внимание; со стороны Вологодского губисполкома институту оказывалась поддержка. И

так год за годом Молочное вырастало в научный городок.

В 1923 году Волягин с группой комсомольцев из совпартшколы впервые посетил Молочнохозяйственный институт. Еще подходя к Молочному, он издали показал ребятам на красивые голландского стиля строения, утонувшие в зелени, и вдохновенно произнес:— Вот, при социализме так все мужики жить будут. Хорошо здесь: природа, труд и наука, все сочетается в будничном и величественном единстве...

После Андрей Волягин понял наивный смысл своих слов о социализме. Понял особенно тогда, когда он в Молочном институте работал в партийном комитете, выявлял среди „ученых“ вредителей, и сражался с ними..

Однако будем последовательны.

Губком ВКП(б) назначил Волягина редактором губернской газеты.

Но склонность к науке взяла верх.

Ему предоставляли возможность учиться в Москве. Но Волягин не пошел сразу к сверкающим залам столичных лабораторий, а решил закопаться, как крот, около Вологды в Молочно-сельскохозяйственном институте и там искать золотое зерно науки.

Получив командировку горкома партии, Андрей Волягин явился к директору Молочного института Инихову и отрекомендовался ему:

— Меня направили к вам на работу как человека, интересующегося молочной наукой.

Волягину поручили руководство низшей молочной школой. Зарплату назначили 120 рублей в месяц вместо

275 рублей, которые он получал ранее в редакции газеты.

— Любовь к делу важнее денег,— согласился Андрей и приступил к работе.

*

Кабинета не было. О лаборатории пока только мечталось. Ему отвели в распоряжение коридор и сказали: „Устраивайтесь по своему усмотрению“.

Кое-кто из скептиков подтрунивал над новым преподавателем, но Волягин, всегда чем-нибудь занятый, отмахивался от несерьезных разговорчиков.

— Не начало дело венчает, а конец,— говорил он при этом. Оно, конечно, в коридоре тесновато, слов нет... Ну, я думаю деревянную пристроечку сделать и развертываться пошире чуть-чуть...

... Лекции Волягин всегда тщательно подготовлял. Он обладал широким кругозором и богатой эрудицией. Поэтому лекции его слушались студентами с громадным увлечением и интересом. Иногда ему приходилось выступать и перед студентами — экскурсантами из других северных вузов, посещавших Молочное. Вот он в теплую весеннюю пору с лопатой в руках возится на опытном поле. На Волягине затасканная майка. Рукава засучены. На босу ногу сандалии. Он разбивает лопатой рыхлую землю. Поднимает комья земли, раскалывает их, и прищуренно рассматривает.

— Андрей Александрович,— обращается к нему подошедшая студентка,— пришли экскурсанты из Вологодского пединститута и просят вас прочесть лекцию о земляной груше.

— Сейчас, что ли?

— Да, сейчас собрались все.

— Пойди и скажи им, что лекцию начну минут через пятнадцать.

Студентка побежала предупредить экскурсантов.

А Волягин, не заставив себя ждать, следом за ней с лопатой на плече пошел к группе экскурсантов, расположившейся на лужайке. Незаметно, сбоку он протиснулся в группу, вопросами прощупывая экскурсантов, выявляя их интерес к сельскохозяйственным наукам. И, пока он так попросту с ними беседовал, время шло незаметно быстро. Один из экскурсантов, приняв Волягина нето за студента СХМИ, нето за рабочего с опытного поля, недовольно сказал:

— Удивительное дело, что за привычка у лекторов-доцентов заставлять их ждать...

— А вы кого ждете?

— Волягина.

— Так я вот к вашим услугам. Чем могу быть полезен?

И Андрей Александрович вышел вперед к собравшимся. Экскурсанты удивленно переглядывались.

— Вам что, товарищи?— обратился к ним Волягин.— О земляной груше, так называемой „топинамбур“?

Экскурсанты расположились поудобней на лугу, Волягин сел на чурбан и начал живой и увлекательный рассказ:

— Допустим, что колхозники задумали устроить над растениями суд. Они задались вопросом: какое из растений дает самый высокий урожай, какие пороки

имеет каждое из них, и как эти пороки устранить. На суде было бы, вероятно, много горячих споров. „Больше всего мы озлоблены на подсолнечник,—сказали бы колхозники Севера.—Силосник он неплохой, но слишком требователен и растет только одно лето. Вот клевер—культура многолетняя; раз посеешь, он два-три года растет и землю через клубеньковых микробов удобряет азотом“.—„Да, но ведь и у клевера порок тоже есть,—кто-нибудь возразил бы нашим колхозникам.—Собрал с клевера траву, а корней не соберешь. Вот картофель—другое дело, у того и ботва и клубни; корм скоту и пища человеку“.—Однако, картофель растет одно лето и наших северных морозов не переносит, при первом же заморозке ботва вянет, и клубни портятся. И вот, если бы растения могли ходить и говорить, на суд вероятно пришел бы „никудышный сорняк“—забытое, заброшенное растение и властно потребовал бы слова:

— Я—топинамбур, земляная груша. Я сочетаю в себе лучшие свойства многих культур—подсолнечника, картофеля, свеклы, клевера. Я расту пять-семь лет под ряд. Я даю урожай клубней, как картофель (клубнеплоды).

— Я даю урожай ботвы, устойчивой против мороза (силосник).

— Я даю сахаристое вещество в клубнях и заменяю свеклу в производстве сахара (техническая культура).

— Я даю клубни на производство спирта и синтетического каучука, нужного для нашей авиации.

— Я даю пищу человеку, корм лошадям, коровам, свиньям, кроликам. Даю пастбище, сено, силос и прекрасно уживаюсь на севере, вплоть до Кировска. Одним словом, я — растение комбайн — многолетняя силосная, клубнеплодная и техническая культура...

Экскурсанты внимательно прислушивались к лектору, некоторые из них зашевелились, достали тетради, блокноты, готовясь записывать лекцию.

Волягин сделал полуминутную паузу, продолжая рассказывать о внешнем виде земляной груши, о том, откуда и когда она появилась на европейском материке, а также о своих открытиях — о способах размножения топинамбура в условиях Северного края...

Волягин в окрестностях Молочного известен каждому колхознику. Он не редкий гость в деревнях, — проводит там беседы, устраивает доклады на сельскохозяйственные и животноводческие темы, увязывая свои научные опыты с повседневной колхозной практикой.

В Молочное прибыл для работы молодой электрик Тарханов. Он только что кончил специальный вуз. Но он не находил, куда и к чему можно приложить свои силы и способности. Электропроводка — работа обыкновенного монтера — его не удовлетворяла.

— Полно, дружок, нос вешать, — успокаивал его Волягин, — займись-ка делом. Увяжи свою теорию с практикой.

— А я разве против?.. Но что я здесь буду делать? Мне бы проекты изготавливать да электростанции строить...

— Благие порывы. Пойдем, я покажу, где тебя ждет работа...

И Волягин повел Тарханова куда-то в закоулки, показал на старый, брошенный, заросший пыреем генератор.

— Вот видишь, это чудовище лежит. А по-моему его можно пустить в ход. Надо перетащить генератор и в учхозе Марфино построить электростанцию.

Обошел Тарханов вокруг генератора, посмотрел на него со всех сторон и сказал:

— А ведь идея, Андрей Александрович... Пожалуй, вещь еще пригодная.

И через четыре месяца в учхозе работала своя маленькая электростанция.

*

Опытную работу в СХМИ Волягин начал в 1932 году.

Впервые в широком масштабе он начал проводить опыты ионизации воздуха на скотном дворе. Такие опыты проводились и раньше, но очень неудачно. Волягин сделал в этом направлении огромный шаг вперед. Специалисты и администрация СХМИ (за редким исключением) вначале скептически отнеслись к „затее“ Волягина: „Высочка, ничего не выйдет. Только народ насмешит“,— говорили одни. Однако они уступили Волягину для опыта 18 тощих и больных коров.

— Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало,— рассуждали скептики.

На скотном дворе Волягин устроил лабораторию. Здесь все было электрифицировано. Даже коровы, подвергнутые опыту, были поименованы электротер-

минами: Гелия, Ионина, Антенна, Рентгена, Вольты и т. п. Волягин кстати еще повторял стихи Владимира Маяковского:

Если тебе
„корова“ имя,
У тебя
должно быть молоко
и вымя.
А если ты
без молока
и без вымени,
То чорта-ль в твоём
в коровьём имени.

Восемьдесят дней опытного периода Волягин распределил так: двадцать дней контрольных, сорок дней непосредственного опыта ионизации, и двадцать дней контрольных после проведения опыта.

На скотном дворе под потолком Волягин разместил металлические сетки с остриями. На сетки подавали высоковольтный электрозаряд (80—100 тысяч вольт), остря сетки пронизывали воздух электричеством. Первые двадцать контрольных дней дышали подопытные коровы воздухом, насыщенным электричеством, и за эти дни тощий скот поправился, ожил и даже прибавил удой.

Но это еще Волягина не удовлетворяло. И тогда он задумался над изобретением прибора для измерения эффективности действия электрического заряда, проходящего через атомы и молекулы воздуха. Ему удалось сделать такой измеритель, отмечающий размеры и качество ионизации, распространяемой на стадо,

подвергнутое опыту. Когда, таким образом, было замечено влияние электричества на повышение удоя, Волягин решил вольтаж усилить и в следующие двадцать дней опыта обнаружил неожиданные результаты резкого улучшения жизнедеятельности животных.

Обмен веществ повысился у коров на 66 процентов, и если дневная прибавка в весе до ионизации была 200 граммов в сутки, то в период ионизации увеличилась прибыль в весе до 600 граммов в сутки. Изменился в лучшую сторону состав кровяных шариков, и увеличился удои на 18 процентов.*

После того, как опыт ионизации блестяще удался, студенты спросили Волягина,—ожидал ли он положительных результатов.

— Да, ожидал,—уверенно ответил Андрей Александрович.— Я верил в успех дела. Поэтому не отказался даже от полумертвого скота, предоставленного для опыта. Я завершил мечтания свои и других людей живым делом. От электрификации гороха до электрификации скотного двора таков мой путь,—путь электрических исканий.

Но эти опыты Волягина не успели еще стать широким достоянием колхозов и совхозов. Между тем,

* Методы ионификации (или ионизации) в своем зародыше были известны еще в 1904 году от физика А. П. Соколова. Ионификацию тщетно пытался применить в других областях науки, некий лжепрофессор-шарлатан А. Л. Чижевский, который проповедывал астрологию — науку невежд, „предсказывая“ и „объясняя“ общественные явления движением планет и появлением пятен на солнце (?). Чижевский, как враг под маской ученого, разоблачен. (См. „Правду“ за 2 июля и 25 декабря 1935 года).

Прим. автора

он уже занялся другими, не менее важными изобретениями в области животноводства и растениеводства: автопоение, вентиляция, освещение скотных дворов, машинное доение отвлекли внимание Волягина от ионизации.

Автопоилка-„ударница“—одно из любопытных изобретений Волягина. Простота и дешевизна автопоилки заключена в том, что вся она сделана Волягиным исключительно из дерева. Даже для водопровода использованы деревянные трубы. Когда корова захочет пить, она сама поднимает крышку ящика-автопоилки, крышка давит тогда на клапан, и ящик автоматически наполняется по деревянным трубам водой. Автопоилка поднимает производительность труда у скотниц в 15 раз! Стоимость ее 1200 рублей (на скотный двор в 100 голов), а экономия от автопоилки ежегодно на одном дворе свыше 3 тысяч рублей.

Колхозы „Верный путь“, „Правда Севера“ и другие колхозы около Вологды уже приспособили автопоилки у себя на скотных дворах.

Наркомзем издал плакат (100 тысяч экземпляров), доказывающий целесообразность деревянных автопоилок для колхозов северной зоны СССР. И теперь волягинские автопоилки применяются в массовых размерах в Ивановской области, в Карелии и других местностях.

Деревянная автопоилка Волягина сотни тысяч рублей дает экономии сельскому хозяйству.

Некоторые из студентов Молочного института прозвали Волягина — „командиром электронов“. Это

крылатое определение кем-то было сказано не ради шутки.

У Волягина ко всему выработался электрический подход. Известно, что ручная дойка коров требует много времени, при этом в молоко попадает до 83 тысяч микробов на 1 кубический сантиметр. Машинная электрическая дойка ускоряет процесс доения в три раза, и уменьшает загрязнение молока микробами в четыре раза. Волягин твердо ввел электродоение в совхозе на скотных дворах при Молочном институте. Да, что в самом совхозе... Неугомонный доцент Волягин с помощью своего помощника Евгения Ивановича Осьминина перенес электродоение в летнюю пору даже на пастбище! И коровы так были обрадованы этим, что совершенно отбились от доярок; в определенное время они гурьбой шли к месту электродоения, становясь в ожидании своей очереди...

Волягин скромн, как подлинный ученый, он никогда не противопоставляет себя коллективу и дружно работает со своими помощниками. Обычно научные труды, описания изобретений и т. п. подписывает не только Волягин, но к своей фамилии прибавляет фамилию кого-либо из своих товарищей, принимающих в деле иногда только косвенное участие.

— Подумаешь, Волягин,— философствуют люди-скептики и ненавистники всего нового,— не самостоятелен, он всегда с кем-нибудь.

А если спросить помощников Волягина, этих славных ребят-комсомольцев, они, не зазнаваясь, ответят:

— Мы без Волягина нули; Андрей Александрович

у нас крупная единица, а если эта единица стоит впереди нулей,—знаете, какое число получается?!

За какой-то проступок студента Невежина исключали из института. Волягин знал Невежина и заступился за него:

— Дайте мне его, я с ним поработаю...

Невежин оказался способным, предприимчивым и склонным к изобретательности юношей. Вместе с Волягиным он проводил в лаборатории долгие вечера и ночи, разрабатывая проект электронейтритализатора.

29 сентября 1935 года бюро новизны и комитет по изобретательству при Совете Труда и Обороне выдали Волягину авторское свидетельство на электронейтритализатор. Такого аппарата в мире еще не было. А немного позже, 17 декабря, 1935 года, выступая на слете стахановцев маслоделия в Москве, нарком пищевой промышленности товарищ Микоян сказал, что „нужно всемерно внедрять в производство электронейтритализацию молока по методу товарища Волягина“...*

Что такое электронейтритализатор?

До сих пор еще никто не смог превратить скисшее молоко в пресное — свежее.

В науке даже существовал такой термин — необратимость, т.-е. невозможность обратить белок в его прежнее состояние.

* См. газету „За пищевую индустрию“ от 20 декабря 1935 г. № 173.

Примечание автора.

Окисление молока приносило государству крупные убытки. На одном из ленинградских заводов ежедневно скопляется 20 тонн кислого молока, что за сутки дает 6000 рублей убытка. А сколько терпится убытков по всем молочным фермам и маслодельным заводам в СССР!

И вот Волягин посредством применения электричества разрешает „необратимый“ вопрос.

— Особенностью моего аппарата, — рассказывал Волягин группе студентов, — является непрерывность его действия, особое устройство анода (положительного полюса), исключение потерь и порчи продукции. Мои предварительные опыты ставили задачей установить роль положительных и отрицательных электродов при пропускании их через молоко.

Серия опытов подтвердила мое предположение. Я убедился, что отрицательный полюс — раскисляет молоко, положительный — окисляет молоко, вызывая потери белка и жира. Я решил выделить положительный электрод за полупроницаемую перепонку...

Внешне аппарат прост. Но обращение с ним требует не только элементарных знаний физики, но и знаний химии, ибо тут приходится дело иметь не с одной только электроэнергией. И не случайно Андрей Волягин к серийному производству электронейтрализатора выработал подробную инструкцию, необходимую при использовании этого аппарата.

Сейчас аппараты для раскисления молока изготавливаются двумя заводами: в Москве — заводом

„Идеал“ и в Ленинграде—„Ленмолококомбинатом“. Стоимость аппарата 700 рублей, а пользы, он может принести на 700 тысяч рублей, если использовать его в полную нагрузку на раскисление молока.

За свою изобретательскую деятельность Волягин премирован много раз; теперь он премирован научной командировкой за границу.

Перед поездкой за границу Волягин получил письмо от того товарища, с которым он когда-то, предаваясь мечтаниям, лежал на заливном лугу берега Кубиноозерья.

„Прошли, Андрей, годы,—писал ему товарищ,—давненько-таки мы с тобой не встречались. Остался ли ты попрежнему кипучим энтузиастом? Какие у тебя успехи в науке? Какие вынашиваешь мысли? Ведь они у тебя никогда не были затаенными...“

И Волягин ответил товарищу:

„Друг мой! Мало я еще сделал и мало учился. Вот сейчас я еду за границу. Попробую учиться у буржуазии,—оружием врага побеждать его. Да, о своих мечтаниях и планах: эх, кабы удалось изобрести дешевый и легкий аккумулятор электричества... Тогда бы и полеводство, и транспорт, и авиация все бы перешло на электротягу. Электродвигатель имеет 80 процентов полезного действия, тогда как лучший тепловой двигатель только 30 процентов. И вот я мечтаю о полной электрификации молочного хозяйства: электродоение, электроосвещение скотных дворов, электромолодоба, электротехнология, электрокультура растений и т. п.“

В ответ на письмо Волягина товарищ писал ему:

„Дорогой Андрей! Я помню, когда-то ты восхищался целеустремленными Фауста. Да, этот герой классического произведения Гете не нуждался ни в чем, и ни в чем не находил себе утешения. Лишь творческая деятельность — отвоевание

у моря огромных участков суши — всколыхнула столетнего старика и он проболтал обещанную Мефистофелю фразу:

„Конечный вывод мудрости земной:

Лишь тот достоин жизни и свободы,

Кто каждый день идет за них на бой.

Всю жизнь в борьбе суровой, непрерывной

Дитя, и муж, и старец пусть ведет,

Чтоб я увидел в блеске силы дивной

Свободный край, свободный наш народ.

Тогда сказал бы я: „Мгновенье,

Прекрасно ты, продлись, постой“.

Но вслед за достигнутыми успехами Фауста ждало неминуемое падение. В другие условия Гете не мог поставить своего героя. Нужда, Беда, Долг и Забота призраком глубокого отчаяния встали перед пылким гидрологом Фаустом. И не потому ли в его слова вкралась приставка „бы“ (сказал бы я: „Мгновенье, прекрасно ты...)

Однако Мефистофель был рад и этому, чтобы ухватиться за душу Фауста... Нет, Андрей, другие времена теперь, и не Фауста в пример себе ставить надо... В тебе много жизни много страсти, и ты свою неугомонную страсть употребляешь на дело, а о деле твоём сам нарком Микоян говорит с трибуны. Радостно за тебя, за вчерашнего беспризорника, воспитанного большевистской партией. Шире и глубже захватывай целину науки. Помни, что нигде, как у нас в Советском Союзе, нет таких условий для выращивания Ломоносовых, Мичуриных и Циолковских...

Привет тебе и наилучшие пожелания.

Твой друг Костя..“

ОГЛАВЛЕНИЕ

К. Кони чев. — Стахановец Мусинский	5
К. Кони чев. — День инженера Буркова	45
Ю. Николич. — Первая доярка в Союзе	67
Е. Твердов. — Орденосеи Первышии	85
Е. Твердов. — Рассказ о простом человеке	103
Выль Паш. — Антон Васильевич	121
Н. Болотова, М. Кондрашова — Женя Арташева . . .	137
Е. Твердов — Стрелочница Бурачихи	159
Б. Мясников. — Иван Дмитриевич Глотов	177
А. С. Канев. — Заслуженная слава	191
К. Кони чев — Изобретатель	211